

ISSN 2077-5911

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2022

2(52)

Ψλ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2 (52) 2022
Москва

JOURNAL OF PSYCHOLINGUISTICS

2 (52) 2022
Moscow

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Уфимцева Наталья Владимировна, *главный редактор*, доктор филологических наук, профессор, Москва (Россия)

Красных Виктория Владимировна, *заместитель главного редактора*, доктор филологических наук, профессор кафедры общей теории словесности Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Мягкова Елена Юрьевна, *заместитель главного редактора*, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, перевода и французской филологии Тверского государственного университета, Тверь (Россия)

Липгарт Андрей Александрович, доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета МГУ, Москва (Россия)

Терентий Ливну Михайлович, кандидат политических наук, доктор филологических наук, ректор Московской международной академии, Москва (Россия)

Бубнова Ирина Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой зарубежной филологии Московского городского педагогического университета, Москва (Россия)

Дмитрюк Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского государственного педагогического университета, Шымкент (Казахстан)

Ионова Светлана Валентиновна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва (Россия)

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор, МО РФ, Москва (Россия)

Марковина Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, профессор, директор Института лингвистики и межкультурной коммуникации Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Москва (Россия)

Пильгун Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Российский государственный социальный университет, Москва (Россия)

Харченко Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного Южно-Уральского государственного университета, Челябинск (Россия)

Шапошникова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН; профессор кафедры общего и русского языкознания ГИ Новосибирский государственный университет, Новосибирск (Россия)

Балясникова Ольга Вениаминовна, кандидат филологических наук, доцент Института лингвистики и межкультурной коммуникации Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Москва (Россия)

Дмитрюк Сергей Валерьевич, *ответственный секретарь*, кандидат филологических наук, редактор издательского отдела Московской международной академии, Москва (Россия)

Жукова Лариса Станиславовна, кандидат филологических наук, Москва (Россия)

Митирева Любовь Николаевна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ахиджакова Марьет Пшимафовна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего языкознания Адыгейского государственного университета, Майкоп (Россия)

Ахутина Татьяна Васильевна, доктор психологических наук, профессор, факультет психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Бутакова Лариса Олеговна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск (Россия)

Гридина Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета, Екатеринбург (Россия)

Гриценко Елена Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, руководитель департамента прикладной лингвистики и иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород (Россия)

Гуц Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка факультета филологии и медиакоммуникаций, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск (Россия)

Демьянков Валерий Закиевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом теоретического и прикладного языкознания, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Завьялова Виктория Львовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток (Россия)

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания ФГБОУ ВО Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва (Россия)

Ли Тоан Тханг, доктор филологических наук, профессор, Ханой (Вьетнам)

Мамаева Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, декан филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Красноярск (Россия)

Мартин Ф. Линч, Ph.D., профессор Университета Рочестера, Рочестер (США)

Мельничук Ольга Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, Якутск (Россия)

Овчинникова Ирина Германовна, доктор филологических наук, профессор, Хайфа (Израиль)

Пешкова Наталья Петровна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, Уфа (Россия)

Поляков Федор Борисович, доктор, профессор, директор Института славистики Венского университета, Вена (Австрия)

Сергиева Наталья Станиславовна, доктор филологических наук, профессор кафедры менеджмента и маркетинга Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина, Сыктывкар (Россия)

Стернин Иосиф Абрамович, доктор филологических наук, профессор, директор Центра коммуникативных исследований Воронежского государственного университета, Воронеж (Россия)

Тарасов Евгений Федорович, доктор филологических наук, профессор, Москва (Россия)

Теркулов Вячеслав Исаевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого национального университета, Донецк (Донецкая Народная Республика)

Хуан Тяньдэ, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник факультета русского языка Института европейских языков и культур Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу (Китай).

Цзюй Юньшэн, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник центра исследования русского языка, культуры и литературы Хэйлунцзянского университета, Харбин (Китай)

Чжао Цюэ, доктор филологических и педагогических наук, профессор, директор Института славянских языков Харбинского педагогического университета, Харбин (Китай)

Чугунова Светлана Александровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории английского языка и переводоведения ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», Брянск (Россия)

EDITORIAL BOARD

Natalya V. Ufimtseva, *Chief editor*, Doctor of Philology, Professor, Moscow (Russia)

Victoria V. Krasnykh, *Deputy editor*, Doctor of Philology, Professor of Department of Discourse and Communication Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia)

Elena Yu. Myagkova, *Deputy editor*, Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of Theory of Language, Translation and French Philology, Tver State University, Tver (Russia)

Andrey A. Lipgart, Doctor of Philology, Professor, Dean of Faculty of Philology, Moscow State University, Moscow (Russia)

Liviu M. Terentiy, Candidate of Political Science, Doctor of Philology, Rector of Moscow International Academy, Moscow (Russia)

Irina A. Bubnova, Doctor of Philology, Professor, Head of Foreign Philology Chair, Moscow City University, Moscow (Russia)

Natalya V. Dmitryuk, Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of the Russian Language and Literature, South Kazakhstan State Pedagogical University, Shymkent (Kazakhstan)

Svetlana V. Ionova, Doctor of Philology, Professor of Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow (Russia)

Alla V. Kirilina, Doctor of Philology, Professor, Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow (Russia)

Irina Yu. Markovina, Candidate of Philology, Professor, Director of Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov University, Moscow (Russia)

Maria A. Pilgun, Doctor of Philology, Professor, Senior Researcher, Russian State Social University, Moscow (Russia)

Elena V. Kharchenko, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of the Russian Language as Foreign, South Ural State University, Chelyabinsk (Russia)

Irina V. Shaposhnikova, Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of Sector of the Russian Language, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor at Chair of General and Russian Linguistics, Novosibirsk State University, Novosibirsk (Russia)

Olga V. Balyasnikova, Candidate of Philology, Assistant Professor, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov University, Moscow (Russia)

Sergey V. Dmitryuk, *Executive secretary*, Candidate of Philology, Editor of Publishing Department of Moscow International Academy, Moscow (Russia)

Larisa S. Zhukova, Candidate of Philology, Moscow (Russia)

Lubov N. Mitireva, Candidate of Philology, Head of Foreign Languages Department, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

ACADEMIC ADVISORY BOARD

Mariet P. Akhidzhakova, Doctor of Psychology, Professor, Head of Department of General Linguistics, Adyghe State University, Maykop (Russia)

Tatyana V. Akhutina, Doctor of Psychology, Professor, Professor of Faculty of Psychology, Moscow State University, Moscow (Russia)

Larisa O. Butakova, Doctor of Philology, Professor, Head of The Russian Language Department, Dostoyevsky Omsk State University, Omsk (Russia)

Tatyana A. Gridina, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of General Philology and The Russian Language, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, (Russia)

Elena S. Gritsenko, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Applied Linguistics and Foreign Languages, National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod (Russia)

Elena N. Gutz, Doctor of Philology, Professor of the Russian Language Department, Faculty of Philology and Media Communications, Dostoyevsky Omsk State University, Omsk (Russia)

Valery Z. Demyankov, Doctor of Philology, Leading Researcher, Professor, Head of General and Applied Linguistics Department, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Viktoriya L. Zavyalova, Doctor of Philology, Docent, Professor of Department of Philology and Cross-cultural Communication, Far Eastern Federal University, Vladivostok (Russia)

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Professor at Chair of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow (Russia)

Ly Toan Thang, Doctor of Philology, Professor, Hanoi (Vietnam)

Tatyana V. Mamaeva, Candidate of Philology, Docent, Dean of Philology Faculty, Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical, Krasnoyarsk (Russia)

Martin F. Lynch, Ph.D., Professor, University of Rochester, Rochester (USA)

Olga A. Melnichuk, Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of French Philology of the Institute of Foreign Philology and Regional Studies of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosova, Yakutsk (Russia)

Irina G. Ovchinnikova, Doctor of Philology, Professor, Haifa, (Israel)

Natalya P. Peshkova, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Foreign Languages for Science Faculties, Bashkir State University, Ufa, (Russia)

Fyodor B. Polyakov, Doct. Habil., Professor, Head of Department of East Slavic literature, Institute of Slavic Studies, University of Vienna, Vienna (Austria)

Natalya S. Sergiyeva, Doctor of Philology, Professor of Management and Marketing Department, Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar (Russia)

Iosif A. Sternin, Doctor of Philology, Professor, Director at Communications Studies Centre, Voronezh State University, Voronezh (Russia)

Evgeny F. Tarasov, Doctor of Philology, Moscow (Russia)

Vyacheslav I. Terkulov, Doctor of Philology, Professor, Head of The Russian Language Department, Donetsk National University, Donetsk, (Donetsk People's Republic)

Huang Tiande, Candidate of Philology, Leading researcher of The Russian Language Department, Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou (China)

Ju Yunsheng, Doctor of Philology, Leading Researcher at the Centre for the Study of the Russian Language, Culture and Literature of Heilongjiang University, Harbin (China)

Zhao Qiuye, Doctor of Philology and Pedagogy, Professor, Director of Institute of Slavic Languages, Harbin Normal University, Harbin (China)

Svetlana A. Chugunova, Doctor of Philology, Docent, Professor of Department of the English Language Theory and Translation Studies, Ivan Petrovsky Bryansk State University, Bryansk (Russia)

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ И.А. СТЕРНИНА

Удивительный Ученый, Педагог, Просветитель, Человек...	
Стернин Иосиф Абрамович	10
Стернина М.А. (<i>Воронеж, Россия</i>)	
Проблемы семасиологии в трудах И.А. Стернина в 70-е – 80-е годы XX века	17
Хуан Тяндэ (<i>Гуанчжоу, Китай</i>)	
Развитие психолингвистических идей И.А. Стернина в Китае	23

УЧЕНИКИ И ПОСЛЕДОВАТЕЛИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Гридина Т.А., Коновалова Н.А. (<i>Екатеринбург, Россия</i>)	
Лингвокреативный потенциал эргономинаций в аспекте их порождения и восприятия: экспериментальное исследование	30
Лемяскина Н.А. (<i>Воронеж, Россия</i>)	
Языковая личность младшего школьника: экспериментальное исследование	46
Маклакова Е.А. (<i>Воронеж, Россия</i>)	
К вопросу об экспериментальном описании семантики языковых единиц	53
Новичихина М.Е. (<i>Воронеж, Россия</i>)	
Об одном из исследований коммуникативных навыков современных студентов	65
Рудакова А.В. (<i>Воронеж, Россия</i>)	
Теоретические и прикладные проблемы психолингвистической лексикографии	73
Саломатина М.С. (<i>Воронеж, Россия</i>)	
Понятие языковой формы, противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности	90
Стеблецова А.О. (<i>Воронеж, Россия</i>)	
Когнитивные структуры научного текста: этнолингвистический аспект	99
Чернышова Е.Б. (<i>Борисоглебск, Россия</i>)	
Возрастная вариативность параметра оценочности ядерных единиц русского языкового сознания	111
Чижова Л.А. (<i>Москва, Россия</i>)	
Восприятие и понимание адресата в диалоге с текстом: психолингвистические аспекты	121
Каменева В.А., Морозова И.С., Рабкина Н.В. (<i>Кемерово, Россия</i>)	
Хейтинг как вид киберагрессии. Стереотипный образ хейтера в языковом сознании российских студентов	132

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Никуличева Д.Б. (*Москва, Россия*)

- Круглый стол «Исследование проблем полиглотии: теоретический анализ и практика» 145

РЕЦЕНЗИИ

Казиков Г.А. (*Москва, Россия*)

- Феномен чтения глазами нейробиолога: Рецензия на книгу М. Вулф Пруст и кальмар: нейробиология чтения. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. 384 с. 150

ИНФОРМАЦИЯ

- Приглашение на VIII Всероссийскую научную конференцию «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка» 28–29 октября 2022 года, Воронеж 154

- Приглашение к участию в межвузовском научном сборнике «Психолингвистика и лексикография» (выпуск 9), Воронеж 157

- Секция психолингвистики при Институте языкознания им. Ахмета Байтурсынова КН МОН РК 158

- Правила оформления статей 160

THE CREATIVE PATH OF I.A. STERNIN

Amazing Scientist, Teacher, Enlightener, Man... Sternin Iosif Abramovich Marina A. Sternina (<i>Voronezh, Russia</i>)	10
Problems of Semasiology in the Works of I.A. Sternin in the 70 ^s – 80 ^s of the XX th Century Huang Tiande (<i>Guangzhou, China</i>)	17
The Evolution of I.A. Sternin's Psycholinguistic Theory in China	23

STUDENTS AND FOLLOWERS:

THEORETICAL AND EXPERIMENTAL RESEARCH

Tatiana A. Gridina, Nadezhda I. Konovalova (<i>Ekaterinburg,, Russia</i>) Linguocreative Potential of Ergonominations inthe Aspect of Their Generation and Perception: an Experimental Study	30
Natalia A. Lemyaskina (<i>Voronezh, Russia</i>) Linguistic Personality of a Primary Schoolchild: an Experimental Study	46
Elena A. Maklakova (<i>Voronezh, Russia</i>) On the Question of Experimental Description Semantics of Language Units	53
Marina E. Novichihina (<i>Voronezh, Russia</i>) On One Study of Modern Students' Communicatin Skills	65
Alexandra V. Rudakova (<i>Voronezh, Russia</i>) Theoretical and Applied Problems of Psycholinguistic Lexicography	73
Maria A. Salomatina (<i>Voronezh, Russia</i>) The Concept of Language Form Contradicting to Generally Accepted Norms of Morality And Ethics	90
Anna.O. Stebletsova (<i>Voronezh, Russia</i>) Cognitive Structures of the Research Text: Ethnolinguistic Aspect	99
Elena B. Chernishova (<i>Borisoglebsk, Russia</i>) Age Variability of Evaluation Parameter of Nuclear Units of Russian Language Consciousness	111
Larisa A. Chizhova (<i>Moscow, Russia</i>) Perception and Understanding by Addressee in Dialogue with Text: Psycholinguistic Aspects	121
Veronika A. Kameneva, Irina S. Morozova, Nadezhda V. Rabkina (<i>Kemerovo, Russia</i>) Hating as a Form of Cyber Aggression. Stereotype Image of Hater in the Linguistic Consciousness of Russian Students	132

SCIENTIFIC LIFE

Dina B. Nikulicheva (<i>Moscow, Russia</i>) Round Table «Study of Polyglottery Problems: Theoretical Analysis and Practice»	145
---	-----

REVIEWS

Kazakov G.A. (*Moscow, Russia*)

The Phenomenon of Reading as Viewed by a Neuroscientist: A Critical Review of the Russian Edition of the Book by Maryanne Wolf	
Proust and the Squid: The Story and Science of the Reading Brain	150

INFORMATION

VIII th All-Russia Scientific Conference ‘Meaning as a Phenomenon of the Actual Linguistic Consciousness’ October 28–29, 2022, Voronezh	154
Call for Papers to an Interuniversity Scientific Collection	
‘Psycholinguistics and Lexicography’ Issue 9, Voronezh	157
Department of Psycholinguistics at the A. Baitursynuly Institute of Linguistics, Republic of Kazakhstan	158
Article Submission Guidelines	160

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ И.А.СТЕРНИНА

УДИВИТЕЛЬНЫЙ УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ, ПРОСВЕТИТЕЛЬ, ЧЕЛОВЕК... СТЕРНИН ИОСИФ АБРАМОВИЧ

27 мая 2022 г. в рамках XX Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации «Российская психолингвистика: итоги и перспективы» прошел Круглый стол, посвященный памяти доктора филологических наук, профессора Воронежского государственного университета Иосифа Абрамовича Стернина. Участники Круглого стола поделились своими воспоминаниями о талантливом Ученом, непревзойденном Педагоге, замечательном Ораторе, щедром на душевную теплоту Человеке, горячем Просветителе.

Иосиф Абрамович Стернин родился 29 апреля 1948 г. в поселке Красово Ухтомского района Московской области. С 1965 по 1970 годы был студентом факультета романо-германской филологии Воронежского государственного университета. Учеба в аспирантуре в секторе общего языкознания Института языкознания АН СССР завершилась в 1973 г. защитой кандидатской диссертации «К проблеме дейктических функций слова». Целый год молодой кандидат наук прослужил рядовым в войсках связи ВВС Советской армии, был отличником боевой и политической подготовки, занесен в Книгу Почета части 65239. В 2021 г. была опубликована книга «Год в армии», в которой Иосиф Абрамович тепло вспоминает об армейском времени, своих боевых товарищах, с большинством из которых дружба продолжалась многие годы.

В 1975 году Иосиф Абрамович пришел работать на кафедру общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета и прошел путь от преподавателя до профессора кафедры. В 1987 г. состоялась блестящая защита докторской диссертации «Лексическое значение слова в речи» (Белорусский государственный университет, г. Минск), в 1989 г. – присвоение звания профессора. Одноименная монография до сих пор имеет большую популярность среди как начинающих, так и маститых лексикологов.

Трижды заведующий кафедрами (1991–2005 – кафедрой теории и практики коммуникации Воронежского областного института повышения квалификации и переподготовки работников образования, 1996–2015 – кафедрой общего языкознания и стилистики ВГУ, 2010–2014 – кафедрой общей и прикладной филологии факультета филологии и коммуникации Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова), Иосиф Абрамович твердой рукой и горячим сердцем руководил разными коллективами, которые при чутком и понимающем начальнике становились единомышленниками и просто настоящими друзьями.

Любимый педагог, удивительный оратор – так отзываются об Иосифе Абрамовиче Стернине до сих пор студенты разных стран и университетов, которым довелось учиться у замечательного профессора: Воронежского государственного университета, Института славистики университета им. М. Лютера (ГДР), университетов Копенгагена, Орхуса (Дания), Ювяскюля (Финляндия), Варшавского университета (Польша), университета Хельсинки, Венского университета (Австрия), Бишкекского славянского университета (Киргизия) и др. Лекции Иосифа Абрамовича имели магическую силу – вызвали желание немедленно начать заниматься наукой (ведь это, оказывается, так интересно!), читать научную литературу (это нескучно!), приходить еще и слушать, слушать, слушать обаятельного ученого.

Выступление на конференции

Публичное выступление на Дне грамотности.
Областная библиотека им. Никитина, Воронеж

Профессор может убедить любого!

Для талантливого и щедрого на идеи научного руководителя не было понятия «чужой» аспирант, студент: даже если ты пришел просто за советом, то всегда можешь рассчитывать на помощь в публикациях, в сборе и анализе материала, тебе предложат новые пути развития научных идей. Поэтому не случайно то, что под руководством Иосифа Абрамовича Стернина в науку вошли 78 кандидатов и 15 докторов наук. Целая Воронежская научная школа!

Особое место в жизни Иосифа Абрамовича занимал небольшой город в Воронежской области – Борисоглебск. Больше 20 лет профессор приезжал сюда на несколько недель, чтобы читать лекции студентам, работать с соискателями научных степеней Борисоглебского педагогического института. Каждому находилось место в науке и душе Иосифа Абрамовича!

На конференции «Жизнь языка в культуре и социуме» с В.Е. Гольдиным и А.П. Сдобновой

и Мишель Дебрэнн

Это неполный список борисоглебских «филологинь», которые под руководством Иосифа Абрамовича защитили диссертации или работали над исследованиями

Иосиф Абрамович Стернин считал, что ученый не должен замыкаться только в рамках своей темы, необходимо выезжать на конференции, слушать, чем занимаются коллеги, участвовать в работе научных семинаров, симпозиумов, поэтому каждый год сам бывал на десятках научных мероприятий и приучил к этому своих учеников.

На конференции в РУДН. Психолингвисты Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Е.В. Харченко, О.В. Баясникова и молодые (и не очень молодые) исследователи

На конференции. В.И. Карасик, И.А. Стернин, А.А. Романов

Два профессора – Е.Ф. Тарасов и И.А. Стернин

Научные интересы Иосифа Абрамовича поистине безграничны: лексикология и семасиология, когнитивная и контрастивная лингвистика, речевое воздействие и риторика, психолингвистика и лингвокриминалистика. Каждое направление получило мощный научный заряд от Иосифа Абрамовича Стернина: монографии, учебные пособия, сборники статей... Так много научных идей, которые требуют еще нашего осмысления!

Иосиф Абрамович считал, что научные филологические знания должны быть достоянием всех: и исследователей, и людей других профессий. Просветительская деятельность Иосифа Абрамовича осуществлялась на разных площадках: на радио – авторская передача о русском языке «Территория слова»; на страницах воронежских газет – публикации о русском языке и культуре речи; на телевидении – участие в телепередачах о состоянии современного русского языка, русском этикете, эффективном речевом воздействии и бесконфликтном общении; в залах библиотек и школ – лекции о национальных особенностях общения, культуре речи и др.

Вот такие залы собирал Иосиф Абрамович Стернин!
Областная библиотека им. Никитина, Воронеж

Все последнее лето своей жизни Иосиф Абрамович посвятил осуществлению своей мечты – редактированию монографии об истории и современном состоянии российской психолингвистики. Замечательный организатор, совместно с Н.В. Уфимцевой и Е.Ю. Мягковой, смог объединить ведущих психолингвистов и создать на 625 страницах яркую научную картину психолингвистики.

Иосиф Абрамович был счастливым человеком! Он занимался любимым делом, его окружали преданные и любящие его ученики и коллеги. Он многое сделал и мог бы сделать еще больше! Теперь его нет с нами, но он живет в нашей памяти, в наших исследованиях, наших делах! Светлая память Вам, Учитель, Педагог, Просветитель, Человек!

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет;
Но с благодарностию: были.

В. Жуковский

**Список монографий и учебных пособий
Иосифа Абрамовича Стернина**

- Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979. 156 с.
Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985. 170 с.
Экспериментальные методы в семасиологии. Воронеж, 1989. 193 с.
(соавт. В.В. Левицкий)
Коммуникативное поведение младшего школьника. Воронеж, 2000. 195 с. (соавт. Н.А. Лемякина).
Очерк американского коммуникативного поведения. Воронеж, 2001. 206 с. (гр. соавторов).
Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001. 252 с.
Американское коммуникативное поведение. Воронеж, 2001. 224 с. (гр. соавторов)
Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж, 2001. 135 с. (соавт. К.М. Шилихина)
Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. Воронеж, 2002. (гр. соавторов)
Русское коммуникативное поведение. М., 2002. (соавт. Ю.Е. Прохоров)
Практическая риторика. М., Академия. 2003. 270 с.
Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж, 2006. 226 с. (соавт. З.Д. Попова).
Контрастивная лингвистика. М., 2007. 288 с.
Когнитивная лингвистика. М., 2007. 314 с. (соавт. З.Д. Попова)
Общее языкознание. М., 2007. 408 с.
Теоретические и прикладные проблемы языкознания. Избранные работы. Воронеж, 2008. 595 с.
Языковое сознание жителей Воронежа. Воронеж, 2010. 249 с.
Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH Co.KG: Saarbrücken, 2011. 192 с. (соавт. А.В. Рудакова)
Основы теории языка и коммуникации. М., 2012. 311 с. (соавт. О.Н. Чарыкова и З.Д. Попова).
Теоретические проблемы семной семасиологии. Воронеж, 2013. 272 с. (соавт. Е.А. Маклакова)
Психолингвистические методы в описании семантики слова. Воронеж, 2016. 157 с. (соавт. О.Е. Виноградова)
Когнитивная лингвистика и семасиология. Воронеж, 2018. 229 с. (соавт. А.П. Бабушкин)
Исследование значения как феномена языкового сознания. Алматы, 2018. 199 с.
Основы лингвокриминалистики. Воронеж, 2021. 302 с.

Ученики и коллеги

**ПРОБЛЕМЫ СЕМАСИОЛОГИИ В ТРУДАХ И.А. СТЕРНИНА
В 70-е – 80-е ГОДЫ XX ВЕКА**

Стернина Марина Абрамовна
ФГБОУ «Воронежский государственный университет»,
Воронеж, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются основные понятия семасиологии, которые были введены или получили авторскую интерпретацию в работах И.А. Стернина в 70-е – 80-е годы XX века: *селективный и эмпирический компоненты значения, интегральная концепция значения слова, семемная и семная семасиология, полевой принцип описания значения слова, ядерные и периферийные семы, семантический признак, семный конкретизатор, двойная актуализация семы, усиление семы, ослабление семы, расщепление семы, модификация семы, конкретизация семы, поддержание семы, наведение семы, нелимитируемость значения, принцип неединственности описания, системное значение слова, коммуникативная модель значения, коммуникативная лексикология.*

Показывается, что исследования И.А. Стернина в области семасиологии в этот период существенно опередили свое время и логично привели исследователя к дальнейшей разработке проблем семантики в рамках когнитивной лингвистики и психолингвистики.

Ключевые слова: И.А. Стернин, семасиология, интегральная концепция значения слова, полевой принцип описания значения слова, коммуникативная модель значения

Иосиф Абрамович Стернин внес вклад в развитие нескольких направлений лингвистики: семасиологию, в том числе и психолингвистическую, когнитивную и контрастивную лингвистику, лингвокриминалистику, коммуникативное поведение, речевое воздействие. В данной статье мы остановимся на проблемах семасиологии в трудах Иосифа Абрамовича и сосредоточимся на его вкладе в это направление лингвистических исследований в 70-е – 80-е годы прошлого века, когда он только начал активно заниматься семантикой.

Так, уже в первой опубликованной им монографии «Проблемы анализа структуры значения слова» [Стернин 1979] И.А. Стернин ввел такие понятия, как *селективный и эмпирический компоненты значения.*

Под селективным компонентом значения он понимает содержащееся в значении указание на правила употребления данного знака в речевой цепи. Как отмечает Иосиф Абрамович, селективный компонент, как правило, связан с денотативным или коннотативным компонентами значения и действует по их указанию. Так, слово *разбить* сочетается только с названиями твердых предметов, а *пролить* – только с названиями жидких веществ, что обусловлено выражаемыми ими понятиями (*разделить, расчленишь, ударяя, и расплескать по поверхности чего-либо*). В этом случае селективный

компонент обусловлен денотативным. С другой стороны, в предложении типа: «С аэродрома прибывший в нашу страну с официальным визитом президент Х отправился в отведенную ему резиденцию», селективный компонент слова *президент* блокирует употребление глагола поехал (предписывая только *отправился* или *отбыл*) как не соответствующее требованию коннотации знака *президент*, а именно, официально-делового стилистического компонента коннотации. В данном случае селективный компонент выполняет требования коннотации.

В некоторых случаях селективный компонент отражает узус вне связи с денотативным или коннотативным компонентами. В частности, селективные компоненты прилагательных *коричневый, каштановый, карий* строго предписывают следующую нормативную сочетаемость: *коричневое платье – каштановые волосы – карие глаза*. Сочетания «коричневые волосы», «каштановые глаза», «карие платья» не менее строго блокируются.

Под эмпирическим компонентом значения Иосиф Абрамович понимает закрепленный за знаком обобщенный чувственно-наглядный образ обозначаемого предмета. Чувственно-наглядный компонент входит в значения большого количества конкретных слов и включает наиболее характерные внешние, чувственные особенности предмета, например *часы – «циферблат», «стрелки», «характерный звук»* и т.д.

Проводя различие между объемом значения в системе и объемом реализованного значения, Иосиф Абрамович отмечал, что значение, которое закреплено за знаком в системе, обычно не реализуется в полном объеме, а всегда лишь в какой-либо части своего объема, поскольку все признаки, входящие в значение, никогда не передаются в конкретном акте общения, так как ни в одном акте речи они не могут быть нужны все сразу. В конкретной ситуации общения реализуется только та группа сем, которая обусловлена коммуникативными потребностями общающихся. Для обозначения такой группы сем И.А. Стерниным был введен термин «актуальный смысл» [Стернин 1979: 64].

В своих монографиях, посвященных анализу лексического значения, И.А. Стернин [Стернин 1979; Стернин 1985] предложил *интегральную концепцию значения слова*, углубляющую представление о структуре лексического значения слова и позволяющую учесть в единой теории значения все семантические признаки, реально проявляющиеся или могущие проявиться в самых различных контекстах.

И.А. Стерниным было проведено разграничение *семной* и *семной семасиологии* [Стернин 1985: 36–37], обоснован *полевой принцип описания значения слова* [Стернин 1985: 37–40], предложены принципы разграничения *ядерных* и *периферийных* денотативных сем. Так, согласно Иосифу Абрамовичу, ядерная сема обозначает постоянный признак предмета, а также обязательный, неустранимый признак предмета (т.е. такой, мысленное устранение которого из предмета нарушает тождество предмета – он утрачивает свою качественную определенность и/или способность выполнять основную функцию). При этом ядерными семами считаются только такие, которые удовлетворяют обоим классификационным критериям. Отсутствие хотя бы одного из них переводит сему в разряд периферийных [Стернин 1985: 82].

В связи с разграничением ядра и периферии в структуре значения слова весьма интересным представляется следующее наблюдение Иосифа Абрамовича: «Одна и та же сема в разных значениях может иметь и различный статус – ядерный в одном

и периферийный в другом. Например, семы с семантическим признаком «возраст» в словах *ребенок, старик, юноша, младенец* – ядерные; *солдат, студент, школьник, пенсионер* – ближайшая периферия; *учитель, инженер, жена, переводчик, начальник* – дальняя периферия (представлена негативной семой «не юный»). Сема «внешне привлекательный» ядерная в значении слова *красавец* и периферийная в значениях слов *киноактер, секретарша, манекеница* и др. Сема «небольшой размер» ядерная в словах *стульчик, стайка, семейка* и периферийная в *лоскут, наперсток* [Стернин 1985: 83].

Представляет несомненный интерес также идея Иосифа Абрамовича о возможности применения полевого подхода и к макрокомпонентной структуре значения. Основными признаками принадлежности макрокомпонента лексического значения к ядру предлагается считать его обязательность для значения (т.е. наличие его в значении любого слова) и неустранимость из значения без разрушения номинативной функции семемы. [Стернин 1985: 84]. Исходя из этого, к ядру относится лишь денотативный компонент значения как обязательный и неустранимый. Коннотативный и функционально-стилистический компоненты обязательны, но теоретически устранимы, эмпирический же компонент значения не обязателен для слова, в силу чего эти макрокомпоненты относятся к периферии значения.

Понимая под семой семантический микрокомпонент, отражающий конкретные признаки обозначаемого словом явления, Иосиф Абрамович выделяет в ней две принципиальные части: *семантический признак* и *семный конкретизатор*. Под семантическим признаком понимается часть семы, общая с несколькими другими семами (например, *форма* будет семантическим признаком в семмах «круглый», «овальный», «квадратный», «прямоугольный» и др.; *окраска* – в семмах «яркий», «пестрый», «серый», «белый», «черный» и др.). Под семным конкретизатором понимается часть семы, конкретизирующая соответствующий семантический признак. Например, в семме «громкость» выделяется семантический признак «звучание» и семный конкретизатор «интенсивность»; в семме «высокий» – семантический признак «размер по вертикали» и семный конкретизатор «большой», в семме «крупный» – семантический признак «размер» и семный конкретизатор «большой» и т.д. [Стернин 1985: 45].

Применительно к семмам И.А. Стерниным были введены такие понятия, как *двойная актуализация семы, усиление семы, ослабление семы, расщепление семы, модификация семы, конкретизация семы, поддержание семы, наведение семы* [Стернин 1985].

Под *двойной актуализацией семы* Иосиф Абрамович понимал процесс, заключающийся в том, что сема, которая в языке одновременно выступает и как самостоятельная семема, может при своей актуализации повлечь за собой актуализацию переносной семемы, сохраняющей с ней живую связь. Таким образом, актуализованная сема одновременно осознается и как компонент значения коммуникативно реализуемого слова, и как переносное значение другой, не присутствующей в коммуникативном акте единицы. Примерами двойной актуализации могут служить следующие: *кремень-человек* – актуализируется сема «твердый» и переносная семема «сильный, решительный»; *скала-вратарь* – актуализована сема «твердый» и переносное значение «надежный, устойчивый» [Стернин 1985: 108].

Усиление семы представляет собой изменение яркости семы в сторону ее повышения. В качестве примера Иосиф Абрамович приводит следующий:

Значение слова *штукатур* – «рабочий, специалист по штукатурке»: *Штукатуры приступили к отделке помещения*. В актуальном смысле слова *штукатур* сема «специалист по штукатурке» выступает как наиболее яркая, а сема «рабочий» – как более слабая. В предложении же *Придет, поработает, допустим, штукатуром, короткое время пройдет, смотришь, а он уже сидит в кабинете с вывеской* сема «рабочий» усилена, сема «специалист по штукатурке» ослаблена; актуализована также периферийная сема «рядовая должность» [Стернин 1985: 110].

Ослабление семы представляет собой изменение ее яркости в сторону ее уменьшения, что приводит к образованию нечеткого актуального смысла, например, слово *инженер* в конструкции типа «Инженер – не чиновник» [Стернин 1985: 110].

Под *расщеплением сем* И.А. Стернин понимает неполную актуализацию семы, т.е. актуализацию в коммуникативном акте лишь части семы при редуцировании остальной части. Так, например, в словосочетании *муравейник эфира* актуализирована часть «многочисленность» и редуцирована часть «муравьев», в словосочетании *половодье зелени* актуализирована часть «обилие» и редуцирована часть «воды» [Стернин 1985: 110].

Модификация сем заключается в контекстуальном переосмыслении содержания семного конкретизатора в рамках того или иного семантического признака. Так, семантический признак «возраст», представленный в значении слова *женщина* семой «взрослая» в предложении *А колхозное дело такое молодое, и страшно необходимое. Все должны быть за нас. И старушки, и женщины* модифицируется и осмысляется как «не старая», а в предложении *Из темноты проступали лица девушек и женщин* также модифицируется, но по-другому и осмысляется как «не очень молодая». Сама сема «взрослая» в значении слова *женщина* ни в первом, ни во втором случае не исчезает, а лишь выступает в модифицированном виде, приспособленном к условиям коммуникативного акта [Стернин 1985: 111–112].

Конкретизации подвержены только семы, которые имеют достаточно высокий уровень абстрактности и представлены в коммуникативных актах в виде семных вариаций (аллосем). Одна и та же сема может быть представлена в речевом акте разными аллосемами. Так, сема «препятствие для деятельности людей» в разных коммуникативных ситуациях может выявиться в аллосемах «препятствует жизни, работе» (ремонт), «препятствует полетам самолетов» (туман), «препятствует обработке почвы» (ямы, кусты, овраги), «препятствует перемещению» (болота, джунгли) и т.д. [Стернин 1985: 115].

Под *поддержанием семы* И.А. Стернин понимает процесс, выражающийся в вербальной экспликации актуализируемой семы в коммуникативном акте. Эта экспликация выступает как средство контекстуального усиления семы и заключается в использовании в коммуникативном акте слова или словосочетания, эквивалентного отдельной актуализируемой семе или всему актуальному смыслу слова в целом. Например, в предложении *Хотелось мне быть храбрым, хладнокровным, одним словом, мужской* – поддерживаются семы «храбрый» и «хладнокровный» [Стернин 1985: 116].

Под *наведением семы* понимается процесс коммуникативного внесения семы в значение. Наводятся денотативные и коннотативные семы, отсутствующие в системном значении слова, при этом они могут наводиться как по отдельности, так и одновременно, как в приводимом ниже примере, где одновременно наведены денотативная сема «квалифицированные, умелые» и неодобрительная оценочная сема:

[Прокурор осматривает место побега уголовников] Прокурор ... осмотрел колючую проволоку на заборе, оставшуюся почти не тронутой, произнес в заключение только одно слово: «Специалисты!» – и пошел со двора. [Стернин 1985: 118–120].

Особый интерес вызывает введение И.А. Стерниным такого понятия, как *нелимитируемость значения*, определяемого как невозможность четко обозначить его границы и исчерпывающе исчислить образующие его семантические компоненты. При этом Иосиф Абрамович отмечает, что нелимитируемость значения не свидетельствует о невозможности описания значения, а лишь ставит вопрос о различных уровнях глубины и адекватности его описания [Стернин 1985: 19–21].

Иосифом Абрамовичем был также обоснован *принцип неединственности описания* как семантических компонентов, так и структуры значения в целом, который, по его мнению, является важнейшим принципом семантического анализа слова [Стернин 1985: 86–95].

Важным вкладом И.А. Стернина в семасиологию стало уточнение понятия *системное значение слова*. Как отмечает Иосиф Абрамович, «под системным значением слова следует понимать совпадающую часть семантических компетенций всех носителей языка. Именно эта общая для всех носителей языка часть компетенций подлежит лексикографическому описанию и релевантна для изучения языка как системы. ... В системное значение включаются и научные и бытовые знания одновременно, в том объеме, в котором эти знания являются общеизвестными» [Стернин 1985: 32].

Исследование лексического значения слова в речи в 70-е – 80-е годы XX века позволило И.А. Стернину сформулировать *коммуникативную модель значения* – модель, удовлетворяющую потребностям описания значения слова в коммуникативном акте, однако соблюдающую преемственность по отношению к традиционным моделям и углубляющую их.

Предложенная Иосифом Абрамовичем модель состоит из набора теоретических допущений об основных, существенных свойствах значения и представлена следующим образом:

«1. Лексическое значение слова есть психическая реальность, локализованная в сознании человека и имеющая отражательную природу. Содержание значения отражает внеязыковую действительность.

2. Лексическое значение имеет интегральный характер, оно несводимо к небольшому количеству дифференциальных сем, отличающих данное значение от значений ограниченной группы противопоставленных ему в системе языка слов; оно включает многочисленные семантические компоненты, фиксирующие все признаки предмета номинации, отраженные общественным сознанием.

3. Лексическое значение по своему содержанию и характеру представляет собой разновидность знания о мире.

4. Значение и знание значения совпадают в едином психическом феномене – значении-компетенции. Значение-компетенция одновременно является фактом индивидуального и общественного сознания, поскольку часть признаков предметов, отраженных индивидуальным сознанием, оказывается общей у всех носителей языка в силу совпадения их общественной и коммуникативной практики.

5. Лексическое значение слова членимо на компоненты, которые образуют структуру значения. В значении выделяются многочисленные компоненты разных типов и разной степени сложности.

6. Лексическое значение характеризуется нелимитируемостью, выражающейся в невозможности четко определить его границы и исчерпывающе исчислить образующие его структурные компоненты.

7. Структура значения слова организована по принципу поля.

8. В коммуникативном акте актуализируется определенная часть значения, релевантная для конкретных коммуникативных целей. Данная совокупность сем определяется как актуальный смысл слова. Полностью значение-компетенция ни в одном акте речи не актуализируется, так как ни в одной коммуникативной ситуации не могут быть коммуникативно релевантными все признаки предмета одновременно.

9. Всякое употребление слова в коммуникативном акте есть семное варьирование его значения, осуществляемое под действием особых семных процессов. Варьирование выступает как имманентное свойство лексического значения, необходимое условие его функционирования. Варьирование может осуществляться как при прямом, так и при переносном употреблении слова.

10. Структура лексического значения подлежит описанию в двух аспектах: как явление компетенции и как актуализованное значение в акте речи (актуальный смысл)» [Стернин 1985: 157–158].

Предлагая подобную модель, И.А. Стернин наметил возможные направления дальнейшего изучения слова в коммуникативном аспекте и таким образом обосновал новое направление *коммуникативной лексикологии*.

В заключение отметим, что исследования И.А. Стернина в области семасиологии в конце 70-х – начале 80-х годов прошлого века во многом опередили свое время и в дальнейшем логично привели Иосифа Абрамовича к разработке проблем семантики в рамках когнитивной лингвистики и психолингвистики.

© Стернина М.А., 2022

Литература

Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова: Монография / И.А. Стернин. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1979. 156 с.

Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи: Монография / И.А. Стернин. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1985. 171 с.

Сведения об авторе:

Стернина Марина Абрамовна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английского языка естественно-научных факультетов Воронежского государственного университета

Контактная информация:

394063 Воронеж, ул. Переверткина, д.28, кв.21

e-mail: sternina@vmail.ru

Для цитирования:

Стернина М.А. Проблемы семасиологии в трудах И.А. Стернина в 70-е – 80-е годы XX века // Вопросы психолингвистики № 2(52) 2022, С. 17–23, doi: 10.30982/2077-5911-2022-52-2-17-23

UDC 81-13

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2022-52-2-17-23

Survey article

**PROBLEMS OF SEMASIOLOGY IN THE WORKS
OF I.A. STERNIN
IN THE 70s – 80s OF THE XX CENTURY**

Marina A. Sternina

Voronezh State University,
Voronezh, Russia

Abstract

The paper discusses the basic concepts of semasiology, which were introduced or received the author's interpretation in the works of I.A. Sternina in the 70s – 80s of the XX century: *selective and empirical components of meaning, integral concept of word meaning, sememe and seme semasiology, field principle of word meaning description, nuclear and peripheral semes, semantic feature, seme concretizer, double actualization of semes, semes strengthening, semes weakening, semes splitting, semes modification, semes concretization, semes maintenance, semes induction, non-limitability of meaning, the principle of non-uniqueness of description, systemic meaning of a word, communicative model of meaning, communicative lexicology.*

It is shown that I.A. Sternin's research in the field of semasiology during this period was significantly ahead of its time and logically led the researcher to further develop the problems of semantics within the framework of cognitive linguistics and psycholinguistics.

Keywords: I.A. Sternin, semasiology, integral concept of word meaning, field principle of word meaning description, communicative model of meaning

© Sternina M.A., 2022

Bionotes:

Marina A. Sternina – Doctor of Philology, Professor, Head of the English Chair for Science Departments of Voronezh State University

Contact information:

394063 Voronezh, Perevertkina 28, ap.21

email: sternina@vmail.ru

For citation:

Sternina M.A. (2022) Problems of semasiology in the works of I.A. Sternin in the 70 – 80 of the XX century. *Journal of Psycholinguistics*. 2(52), P. 17-23. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2022-52-2-17-23 (in Russian)

РАЗВИТИЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ И.А. СТЕРНИНА В КИТАЕ

Хуан Тяньдэ

Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли,
Гуанчжоу, Китай

Аннотация

Профессор Иосиф Абрамович Стернин – блистательный российский филолог и педагог. Его новаторские научные концепции широко известны не только в России, но и во всем мире. В данной статье отражен опыт рецепции психолингвистических идей И.А. Стернина в китайском языковом сознании, а также представлены воспоминания автора о его личном общении с выдающимся ученым.

Ключевые слова: Иосиф Абрамович Стернин, психолингвистика, Воронежская психолингвистическая школа, ассоциативный словарь нового типа, «Психолингвистический толковый словарь русского языка»

Иосиф Абрамович Стернин – профессор кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета, доктор филологических наук, член Совета Российской психолингвистической ассоциации, председатель Воронежской психолингвистической ассоциации, Заслуженный деятель науки РФ. Вне всяких сомнений, И.А. Стернин – выдающийся филолог современности. А.В. Рудакова отмечает: «Иосиф Абрамович Стернин – настолько значимая фигура в Воронеже, России, да и за рубежом... Сфера его научных интересов настолько разнообразна... Иосифу Абрамовичу Стернину принадлежат теоретические труды по проблемам дейксиса, варьирования значения слова в речи, по компонентному анализу значения слова, проблемам социолингвистики и методов лингвистических исследований...» [2018: 242–243].

Существует два варианта передачи фамилии *Стернин* по-китайски: 斯杰尔宁/*Si jie er ning* или 斯捷尔宁/*Si jie er ning* (до недавнего времени второй вариант был предпочтительным). В результате поиска в китайской научной электронной библиотеке (<http://www.cnki.net/>) по обоим вариантам за период с 1991 по 2022 гг., мы обнаружили более 100 научных работ, в которых упомянуты лингвистические концепции и разработки профессора И.А. Стернина. Статья На Чуньчжи «Лексическое значение и его типы» («词义与词汇意义类型»), опубликованная в 1991 году, содержательно связана с монографией И.А. Стернина «Лексическое значение слова в речи» (1985 г.). Такие образом, научные труды И.А. Стернина известны в Китае уже более 30 лет: работы, посвященные лексическому значению – с 1991 г., дейксису – с 1995, риторической проблематике – с 2001, концепции взаимосвязи языка и культуры, теории концептуального анализа – с 2006, межкультурной коммуникации и лакуарности – с 2011, языковой картине мира и языковому сознанию – с 2012, идее психолингвистического толкового словаря – с 2020. Очевидно, что исследования И.А. Стернина очень высоко ценятся китайским научно-академическим сообществом.

В настоящей статье представлена общая характеристика рецепции психолингвистических идей И.А. Стернина в Китае, а также некоторые личные воспоминания автора о выдающемся российском лингвисте.

Автор данной статьи имел счастье лично общаться с И.А. Стерниным. 15 июля 2017 года в Отделе психолингвистики Института языкознания РАН в Москве автор был представлен И.А. Стернину. В том же году И.А. Стернин выступил в качестве официального оппонента на защите кандидатской диссертации автора «Национально-культурная специфика оппозиции “свой-чужой” в языковом сознании русских и китайцев (на материале китайского и русского языков)». Ценность замечаний и предложений И.А. Стернина переоценить невозможно. Будучи человеком глубоко интеллигентным, доброжелательным, обаятельным, обладающим отличным чувством юмора, он всегда исходил из интересов дела, очень много и продуктивно работал, дорожил каждой минутой рабочего времени. Профессор Н.В. Уфимцева вспоминает, что в последние годы И.А. Стернин спешил и торопил коллег и учеников – словно чувствовал, что его время ограничено... В дальнейшем И.А. Стернин и автор данной работы стали переписываться и обмениваться мыслями по вопросам психолингвистики. Мысли, высказанные И.А. Стерниным, оказали и продолжают оказывать глубокое влияние на научные взгляды автора.

6–8 июня 2019 года в Москве проходил XIX Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации «Теория речевой деятельности: вызовы современности». И.А. Стернин познакомил его участников с теоретической базой и методами создания «Психолингвистического толкового словаря русского языка». Автор этой статьи, также участвовавший в работе симпозиума, задал И.А. Стернину вопросы о данной серии ассоциативных словарей и получил исчерпывающие ответы. Именно тогда автор решил обязательно познакомить китайскую лингвистическую общественность с содержанием новейших исследований И.А. Стернина и его научной школы, а также, опираясь на эти работы, выполнить собственные исследования на материале китайского языка. На основе психолингвистической концепции И.А. Стернина автором написаны четыре статьи, опубликованные в 2019, 2020 и 2021 годах в Китае и в России; в 2021 году получен научный грант на продолжение данной работы.

И.А. Стернин, А.В. Рудакова и автор настоящей статьи на симпозиуме (2019 г.)

Наша статья «Уникальная российская психолингвистика» (自成一体的俄罗斯心理语言学) была опубликована в китайском научном периодическом издании «Социальная наука в Китае» (中国社会科学报) в 2019 году. Статья содержит информацию о новых достижениях Московской, Тверской, Воронежской и Санкт-Петербургской психолингвистических школ. Вторая статья «Новаторский и специфический “Психолингвистический толковый словарь русского языка”» (别出“心义”的俄语语言心理详解词典) опубликована в том же издании в 2020 году; в ней изложены принципы и методы создания ассоциативного словаря нового типа. Третья статья «О возможности создания психолингвистического словаря китайских политических терминов» опубликована также в 2020 году в российском журнале «Политическая лингвистика». В статье обсуждаются возможности создания психолингвистического словаря современных китайских политических терминов на основе ассоциативных экспериментов и семантической интерпретации их результатов. В настоящее время словари подобного типа создаются на материале русского языка (в 2018—2019 годах была опубликована серия «Психолингвистический толковый словарь русского языка»). Результаты данного исследования стали основанием для выделения в 2021 году гранта Гуанчжоуского Гуманитарного научного фонда на поддержку проекта «Исследования по внедрению и локализации базы данных ассоциативных связей в русском языке» (俄语联想数据库的引进及本土化研究) (№2021GZGJ193). В рамках проекта изучены возможности использования «Психолингвистического толкового словаря русского языка» в практике преподавания русского языка китайским школьникам. На основе этого опыта в 2021 году опубликована четвертая статья – «Развитие межкультурного сознания в процессе обучения русскому языку в средней школе с точки зрения аккультурации» (中学俄语课堂的跨文化意识培养—以文化适应为视角) – в ведущем журнале китайских русистов «Русский язык в Китае» (中国俄语教学). Все эти исследования в значительной степени базируются на психолингвистических идеях И.А. Стернина.

Последнее письмо автора И.А. Стернину посвящено преимущественно также психолингвистической проблематике. К письму прикреплены две статьи автора на русском языке: «О возможности создания психолингвистического словаря китайских политических терминов» и «40 лет психолингвистическим исследованиям русского языка в Китае: основные этапы и перспективы развития» (опубликована в российском журнале «Филологические науки. Вопросы теории и практики» в 2019 г.). Вскоре пришел ответ И.А. Стернина:

Дорогой Володя, очень был рад получить от тебя письмо! Очень за тебя рад. Обе статьи очень интересные! Можешь прислать нам статью и заявку на нашу конференцию в октябре, прилагаю извещение, опубликуем материалы (3-5 страниц). Очень интересна идея психолингвистического словаря политических терминов! Будет очень интересно и полезно! Если будет нужна помощь, пиши. Иосиф Абрамович.

Иосиф Абрамович Стернин стал для автора этих строк не только идеалом ученого и педагога, но и добрым наставником в жизни и научном творчестве. Как совершенно справедливо отмечает А.В. Рудакова, к Иосифу Абрамовичу Стернину тянулись люди, независимо от их возраста и статуса [2018: 246]. Многие участники конференций стремились лично пообщаться с Иосифом Абрамовичем, а он, несмотря на занятость и усталость, для каждого находил время и слова поддержки. Его отзывчивость

по отношению к друзьям, коллегам, ученикам и даже малознакомым людям вызывает подлинное восхищение. Каждый обратившийся к нему мог рассчитывать на его доброжелательное отношение и помощь.

Профессор Иосиф Абрамович Стернин навсегда останется в нашей памяти. Китайские психолингвисты активно продвигают его идеи и концепции в КНР. Научное наследие Иосифа Абрамовича Стернина увлекает все большее число китайских специалистов. Полагаем, что развитие лингвистических идей Иосифа Абрамовича Стернина в Китае будет лучшей формой памяти о нем.

© Хуан Тяндэ, 2022

Литература

Вэй Яньли. Феномен лакун в межкультурной коммуникации – в аспекте сопоставления русского и китайского языков // Сибирские исследования. 2011. № 5. С. 68–70. (魏彦莉. 跨文化交际中的空缺现象—从俄语和汉语对比的视角 // 西伯利亚研究. 2011. № 5. С. 68–70).

Го Юйкай. Дейксис: история исследования, классификация, свойства и др. // Обучение иностранным языкам. 1995. № 4. С. 7–13. (郭聿楷. 指示语: 研究历史、属性分类及其他 // 外语教学. 1995. № 4. С. 7–13).

На Чуньчжи. Лексическое значение и его типы // Вестник Ляонинского университета. 1991. № 4. С. 35–38. (那纯志. 词义与词汇意义类型 // 辽宁大学学报. 1991. № 4. С. 35–38).

Рудакова А.В. Иосиф Абрамович Стернин: Ученый, учитель, человек... // Вестник РУДН. Серия: русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2018. №2. С. 242, № 4. С. 7–13.

Рудакова А.В., Коваленко С.В., Стернин И.А. Психолингвистический толковый словарь русского языка: Вып. 1. Вып. 2. Вып. 3. Вып. 4. Антропонимы. Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2018. 2020. 134 с. 127 с. 108 с. 126 с.

Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985. 170 с.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистический толковый словарь русского языка: Вып. 6/1. Частотная лексика. Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2019. 129 с.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистический толковый словарь русского языка: Вып. Ч. 1. Синонимы. Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2019. 140 с.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистический толковый словарь русского языка: Вып. 9/1. Возрастные значения (с комментариями). Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2019. 178 с.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистический толковый словарь русского языка: Вып. 10/1. Гендерные значения (с комментариями). Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2019. 175 с.

Стернин И.А., Шаламова Э.В. Психолингвистический толковый словарь русского языка: Вып. 5. Наименования автомобилей. Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2020. 126 с.

Фань Минмин. История развития и текущее состояние риторики в России // Вестник Института иностранных языков НОАК. 2001. №1. С. 16–20. (樊明明. 俄罗斯РИТОРИКА的发展历史与现状 // 解放军外国语学院学报. 2001. №1. С. 16–20).

Хуан Тяньдэ. Национально-культурная специфика оппозиции «свой-чужой» в языковом сознании русских и китайцев (на материале китайского и русского языков): дисс. ... канд. филол. наук. Специальность 10.02.19. Москва, 2017. 200 с.

Хуан Тяньдэ. 40 лет психолингвистическим исследованиям русского языка в Китае: основные этапы и перспективы развития // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 1. С. 115–120.

Хуан Тяньдэ, Лю Лифэнь. Уникальная российская психолингвистика // Социальная наука в Китае. 16 сентября 2019. С.7. (黄天德,刘丽芬. 自成一体的俄罗斯心理语言学.中国社会科学报, 2019年9月16日. С.7).

Хуан Тяньдэ, Лю Хэншуйан. Новаторский и специфический “Психолингвистический толковый словарь русского языка” // Социальная наука в Китае. 25 мая 2020. С.7. (黄天德,柳恒爽. 别出“心义”的《俄语语言心理详解词典》// 中国社会科学报. 2020年5月25日. С. 7).

Хуан Тяньдэ, Лю Хэншуйан. О возможности создания психолингвистического словаря китайских политических терминов // Политическая лингвистика. 2020. №3. С. 248–255.

Хуан Тяньдэ, Ма Шаофень. Развитие межкультурного сознания в процессе обучения русскому языку в средней школе с точки зрения аккультурации // Русский язык в Китае. 2021. № 4. С. 87–95. (黄天德,马少芬. 中学俄语课堂的跨文化意识培养—以文化适应为视角.中国俄语教学, 2021. № 4. С. 87–95).

Чжан Синьвэй. Многомерное исследование русской языковой картины мира: дисс. ... доктора филологии (PhD) Цзянсу: Нанкинский педагогический университет. 2012. 123 с. (张新卫.俄语语言世界图景多维研究// 南京师范大学博士论文.2012. 123 с.).

Ян Сюэцзе. Культурные концепты и их языковые формы // Вестник Столичного педагогического университета. Серия: Социальная наука. 2006. № S3. С. 92–95. (杨秀杰.文化观念与其语言形式// 首都师范大学学报(社会科学版). 2006. № S3. С. 92–95).

Сведения об авторе:

Хуан Тяньдэ – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник факультета русского языка Института европейских языков и культур Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли (Гуанчжоу, Китай)

Контактная информация:

510420, Гуанчжоу, просп. Байюньдадао, 2, корп. 4, офис 205

ORCID: 0000-0002-4697-6426

email: tiande-88@yandex.ru

Для цитирования:

Хуан Тяньдэ. Развитие психолингвистических идей И.А. Стернина в Китае // Вопросы психолингвистики № 2(52) 2022, С. 24–29, doi: 10.30982/2077-5911-2022-52-2-24-29

UDC 81.23

Survey article

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2022-52-2-24-29

THE EVOLUTION OF I.A. STERNIN'S PSYCHOLINGUISTIC THEORY
IN CHINA

Huang Tiande

Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China

Abstract

Professor Iosif Abramovich Sternin is an extraordinary Russian philologist and educator. His innovative scientific thought is widely known in Russia and abroad. The article presents how I.A. Sternin's psycholinguistic theory evolves in China. Furthermore, the personal friendship between Prof. Sternin and the author is also described.

Keywords: Iosif Abramovich Sternin, psycholinguistics, Voronezh School of Psycholinguistics, innovative associative dictionary, "Psycholinguistic explanatory dictionary of the Russian language"

© **Huang Tiande, 2022**

Bionotes:

Huang Tiande – PhD in Philology, Researcher in the Russian Language Department, Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou (China)

Contact information:

Office 205, Bldg 4, Baiyundadao Ave 2, Guangzhou, 510420

ORCID: 0000-0002-4697-6426

email: tiande-88@yandex.ru

For citation:

Huang Tiande (2022) The evolution of I.A. Sternin's psycholinguistic theory in China. *Journal of Psycholinguistics*. 2(52), P724–29. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2022-52-2-24-29 (in Russian)

УЧЕНИКИ И ПОСЛЕДОВАТЕЛИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81'23 (075.8)

ББК Ш 100.6

DOI 10.30982/2077-5911-2022-52-2-30-45

Научная статья

ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭРГОНОМИНАЦИЙ В АСПЕКТЕ ИХ ПОРОЖДЕНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ¹

Гридина Татьяна Александровна

ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»,
Екатеринбург, Россия

Коновалова Надежда Ильинична

ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина»
Екатеринбург, Россия

Аннотация

В статье анализируется репертуар эргонимических номинаций в свете их лингвокреативной специфики. Экспериментально верифицируется ассоциативное наполнение эргонимов в обыденном сознании разных страт городского населения. При этом характер интерпретации вербального знака рассматривается как речемыслительный «рефлексивный акт», отражающий ценностную парадигму конкретной языковой личности. В качестве стимульного материала для проведения свободного и направленного ассоциативных экспериментов используются названия заведений общепита и развлекательных центров г. Екатеринбурга. Лингвокреативные процессы создания и восприятия эргонимических номинаций рассматриваются в свете корреляции интенции номинатора и глубины ее считывания адресатом. Особой нагруженностью в этом плане обладают эргонимы, основанные на языковой игре. Представлена комплексная модель анализа эргономинаций в аспекте их воздействующего потенциала (с учетом техники порождения названия, а также критериев его рациональной и эмоциональной оценки адресатом). Выделены актуальные для носителей городской культуры параметры креативности и удачности названия: 1) оригинальность, необычность, игровая составляющая; 2) соответствие названия назначению объекта; 3) современность названия; соответствие вкусам адресата (его языковым приоритетам); 4) графическое оформление названия, подкрепляющее его дешифровку.

Ключевые слова: ассоциативный потенциал слова, языковое сознание, психолингвистический эксперимент, лингвокреативное мышление

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20075, <https://rscf.ru/project/22-28-20075/>

Обращение к данной теме вписывается в проблемное поле исследования разных практик лингвокреативной деятельности, широко представленных в современной языковой ситуации. Городское пространство выступает в этом отношении как культурный текст, отражающий ментальные ориентиры сознания социума. Психологическая реальность восприятия эргонимических лингвокреативов определяется тем ассоциативным контекстом, который они продуцируют в обыденном сознании говорящих (горожан). Этот контекст представляет собой динамическое образование, соответствующее разным зонам актуализации ассоциативного потенциала слова (АПС) в индивидуальном сознании. При таком подходе «... структура АПС конгруэнтна структуре ассоциативного поля, в котором ядро и периферия не являются жестко заданными, отражая не только относительно константные ассоциативные стереотипы восприятия вербального знака, но и его многомерные вариативные проекции» [Гридина 2015: 149] и интерпретационные возможности в лингвокреативной деятельности говорящих. Ср.: «В основе ассоциативности и ассоциирования лежат различного рода ментальные связи, которые вскрываются человеком и ретранслируются, и в то же время создаются в индивидуальном порядке в ходе деятельности сознания, интерпретирующей действительность, постоянно изменяя картину мира индивида» [Пищальникова и др. 2019: 51].

Эргонимы представляют собой особый класс номинативных единиц, которые в современной языковой ситуации выступают востребованным регистром «массового лингвокреатива» [Ремчукова 2016: 157–167].

Эргонимические лингвокреативы, моделирующие имидж того или иного объекта, требуют рассмотрения в свете их воздействующего потенциала и должны быть охарактеризованы как в плане прагматической и эстетической ориентации номинатора, так и в плане соответствия вкусам и ожиданиям потребителя (см. об этом, например: [Бубнова 2008, Вепрева 2019, Голомидова 2012, Стернин 2018, Уфимцева 2015, Шмелева 2020]).

Базовой установкой нашего исследования является гипотеза, согласно которой креативные техники эргонимической номинации фиксируют, с одной стороны, универсальные тенденции организации городского пространства, связанные с динамикой языковой ситуации; с другой стороны, – типы лингвокреативов, соответствующие прагматическим, мировоззренческим установкам и эстетическим приоритетам конкретных страт городского населения. При этом характер интерпретации вербального знака предстает как речемыслительный «рефлексивный акт» [Караулов 1993], отражающий ценностную парадигму конкретной языковой личности.

Экспериментальная верификация такого восприятия с применением процедур САЭ и НАЭ была предпринята нами на материале эргонимикона г. Екатеринбурга.

Априори принималось допущение, согласно которому эргонимическая номинация, не прямо называющая объект, является *лингвокреативом* (хотя бы в исходной точке номинативного процесса). Естественно, что тиражирование той или иной лингвокреативной единицы стирает ее яркость, но и в этом случае включение фактора рефлексии, стимулированное экспериментальной процедурой ассоциативного осмысления эргонима, должно способствовать считыванию заложенного в нем воздействующего потенциала, который может быть обусловлен механизмами языковой игры. Вместе с тем, понятия лингвокреативы и *игремы* (термин наш. – Т.Г.) рассматриваются как соположенные, но не тождественные. Лингвокреатив – продукт любой лингвокреативной деятель-

ности, проявляющей способность говорящих к конструктивному мышлению и порождению разного рода новаций (в том числе компенсаторного характера); играма – разновидность лингвокреатемы, содержащей в себе *осознанно (намеренно)* смоделированный парадокс, основанный на ломке и переключении ассоциативных стереотипов: такие лингвокреатемы создают эффект ассоциативной провокации, ассоциативного наложения, ассоциативного отождествления, ассоциативной выводимости, имитации (пародирования), который воспринимается только на фоне «опознаваемого» прототипа [Гридина 1996].

Задачи экспериментального исследования:

- выявление типов ассоциативных реакций на стимулы, называющие объекты городского общепита;
- выявление воздействующего потенциала названия в оценочно-прагматическом ключе;
- выявление личностных и типовых аспектов восприятия лингвокреатем в свете их корреляции с типом обозначаемого референта, интенции номинатора и реакции адресата.

Информативно-ориентировочная функция эргонимических номинаций соответствующей предметной области теснейшим образом взаимодействует с аттрактивной функцией, имеющей во многом рекламный характер. Лингвокреативный ономастический «репертуар» объектов городского пространства особенно ярко представлен в названиях заведений общепита и развлекательных центров, что обусловило выбор стимульного материала для экспериментов.

В качестве респондентов на *первом* и *втором* этапах эксперимента выступили студенты-филологи 1-5 курсов УрГПУ в количестве 105 человек. Такая выборка была обусловлена, во-первых, тем, что данная возрастная категория наиболее «открыта» к принятию разного рода новшеств, в том числе в ориентированной на молодежную аудиторию сфере услуг, во-вторых, тем, что студенты-филологи в большей степени способны к считыванию лингвистического кода эргонимических инноваций, в частности, игровых лингвокреатем.

На первом этапе в соответствии с методикой САЭ респондентам было предложено привести реакции на эргонимы, предъявленные без указания на тип обозначаемого объекта. Предполагалось, что в ассоциативном поле слова должны отразиться, кроме реакций, фиксирующих разные аспекты восприятия названий, также и реакции-идентификаторы, указывающие на связь названия именно с конкретным типом городского объекта. Последнее возможно в том случае, когда модель названия однозначно коррелирует с назначением объекта, даже тогда, когда респонденту он неизвестен.

На втором этапе, для того чтобы стимулировать респондентов к рефлексии над креативностью эргонимической номинации, им предлагалось привести ассоциации на заданный стимул и *оценить название по шкале «нравится – не нравится», «удачное – неудачное», «креативное – некреативное»*, объяснив причину такой оценки. Предполагалось, что полученные реакции позволят судить, во-первых, о тех параметрах названия, которые репрезентируют его креативность в сознании реципиента; во-вторых, о способности говорящих к декодированию, интерпретации лингвокреатемы; в-третьих, о типе лингвокреатем в свете их воздействия на адресата (при ответе на вопросы: «Хочется ли Вам посетить это заведение? Почему? Какие преимущества или недостатки, *судя по названию*, имеет данное заведение в сравнении с другими?»).

На *третьем* этапе участие в эксперименте приняли представители разных возрастных и профессиональных групп в количестве 148 человек.

Задачей этого этапа, помимо уже указанных, было обнаружение социальной и профессиональной дифференциации ассоциативных доминант оценки предъявляемых стимулов.

Продемонстрируем полученные результаты (ассоциативные поля и доминанты оценочного восприятия эргонимов) на примере лишь нескольких наиболее показательных стимулов, отражающих разные модели и лингвокреативные техники номинации городских объектов.

Ассоциативное поле стимула «Мамин хлеб» (название пекарни) отражает соответствие названия типу обозначаемого объекта², представленного в ответах респондентов идентификаторами *пекарня (24), кафе (11), булочная (11), название хлебного магазина (2), домашняя кухня (2), общепит (2)* – как гипероним данного тематического ряда. Ср. также реакции, характеризующие ассортимент и качество продуктов этого заведения: *хлеб (9), выпечка (7), домашний хлеб (2), булочка (2), булочки (2), пирожное (2), теплый (2), горячий (2), вкусный, вкусно, свежий, хрустящий, хруст, запах, черный, белый, мягкий, мягкость* и др. Воздействующий потенциал названия отражают реакции аксиологического характера: *домашний (2), забота, дом, уют, занавески, тепло, мама, бабушка, с душой, руки, чудо, любовь, молоко, бабушкин пирог* и др. Данные ассоциаты отсылают к оценочно-эмоциональной сфере бытового сознания и ценностным доминантам восприятия, заданным в названии: *мамин хлеб* – символ домашнего уюта, семейного благополучия и материнской заботы (воспоминания детства – синестетические мнемы³, формирующие положительно окрашенный ассоциативный контекст названия).

Ассоциативное поле стимула «Чудо-печка» (название сети ресторанов быстрого питания) содержит следующие денотативные идентификаторы: *кафе (33), печь в середине кафе, хлебопечка*. Специфическими аксиологическими доминантами восприятия данного названия в сравнении с предыдущим выступают: сказочные аллюзии – *сказка (9), колобок (2), волшебство, волшебна, «Гуси-лебеди», Емеля, Иванушка, чудо-дерево, скатерть-самобранка, кисельные берега*; атрибутика традиционного русского деревенского быта – *печка (14), деревня (2), русская печь, топор, изба, чугуны, котелок, еда в горшочках*; современные «корреляты» русской печи – *мультиварка (13), духовка (5), микроволновка (3), духовая печь, электрическая, электроника, бытовая техника, GRIL, HANSA, мощная, в общежитии есть*. В данном случае в сознании современного горожанина наблюдается амбивалентность интерпретации ценностной характеристики моделируемого названием образа чудо-печки – с включением как сказочного, так и современного бытового дискурсов.

Ассоциативное поле стимула «Окна на Юг» (название кафе) практически не содержит идентификаторов реальной референции объекта (единичная реакция ка-

² Приводятся результаты первого этапа эксперимента, когда объект эргонимической номинации не был указан (респондентами, как отмечалось выше, на этом этапе выступили студенты-филологи). Здесь и далее реакции без указания индекса частотности являются единичными.

³ «Мнема понимается как совокупность ассоциаций различного типа, хранящихся в коллективной памяти представителей определенной национальной культуры, т. е. является отсылкой к прецедентному тексту культурной памяти» [Ружицкий 2022: 564].

фе-пекарня встретила лишь у респондента, знакомого с данным заведением). Даже в направленном эксперименте, когда объект номинации был указан, респонденты давали реакции, не связанные с его реальным референтом. Ср. следующие ассоциаты: *агентство недвижимости (37), квартира (25), бюро путешествий (11), новостройка (9), ассоциации с кафе нет, терраса, с едой вообще не ассоциируется, очень светлое просторное помещение* и др. Были получены также единичные игровые реакции: *окна на Запад, двери на Север*. Аксиологическими доминантами, определившими восприятие данного названия, оказались стереотипы оценки понятия «юг» как места комфортного и престижного времяпрепровождения, отдыха на море: *юг (5), Крым (3), Кавказ (3), пятизвездочный отель, круиз, вид из окна на горы, каникулы, лето, отдых*.

Отмечая недостатки и преимущества заведения с тем или иным названием, респонденты приводили следующие аргументы «за» и «против»: название оценивается положительно, если оно а) является креативным, необычным, вызывает интерес; б) подчеркивает высокое качество продукта, его «изюминку»; разнообразие ассортимента; в) точно указывает на объект номинации и его назначение; г) вызывает приятные ассоциации: отсылает к атмосфере детства, сказочности, традициям русского быта, культуры; д) является современным. Аргументы «против»: а) название традиционное, слишком простое; б) не соответствует ценностным ориентирам потребителя; в) не является благозвучным и т.п.

Особым типом эргонимических лингвокреативных номинаций выступают прецедентные названия из разных культурных сфер. Такие эргонимы рассчитаны на определенный уровень эрудиции адресата. В этом плане интерес представляет рассмотрение эргонима в свете корреляции авторской интенции и ассоциаций и рефлексии адресата по поводу названия. Рассмотрим в качестве одного из показательных примеров такого соотношения название пекарни *«Манна небесная»*.

Само выражение *манная небесная*, положенное в основу эргонима, имеет двоякий смысловой план: первый связан с библейским сюжетом, согласно которому «...Манна небесная была послана Богом евреям в качестве пищи во время сорокалетних скитаний этого народа по пустыне после исхода из Египта. Манну небесную собирали во все дни, кроме субботы» [<http://bibliya-online.ru/manna-nebesnaya-bibleyskaya-istoriya/>]. Ср.: < греч. *манна*, восходящее к др.-евр. *ман* «небесный дар, еда» (от *mānah* «наделять, дарить»). Второй смысловой план данного выражения, ставшего идиомой, – «что-л. крайне необходимое, спасительное; проявление милости свыше. Имеется в виду, что лицо или группа лиц воспринимает какое-л. событие как чудо, подарок судьбы, как что-л. желанное, и решающее все проблемы, но неожиданное или редкое для данной ситуации» [Большой... 2006: 372]. Очевидно, интенция номинатора, использовавшего данное прецедентное выражение, заключалась в создании особого имиджа заведения (пекарни): оно апеллирует к адресату, для которого христианские ценности «не пустой звук», и сама этимология этого названия понятна. При этом эргоним обыгрывает связь этимологически родственных *манна* и *манка* как сакральное и профанное (бытовое) начала. Данный эргоним ориентирован, вероятно, на привлечение внимания к объекту как месту, где посетителя ждут «чудо-продукты» и возможность получить удовольствие от чего-то неожиданно приятного.

Представим ассоциативное поле названия по данным САЭ, в котором приняли участие респонденты разных возрастов, пола и профессий.

Манна небесная (название пекарни) – манка (21), Иисус (19), Иисус Христос (16), каша (15), манная каша (11), крупа (8), Библия (6), манник (5), религия (3), чудо (2), пустыня (2), евреи (2), христианство (2), счастье (2), непонятно что, РПЦ, чизкейк, пирог с рыбой, сосиска в тесте, народ, русская национальная выпечка; возможно, религиозная продукция; не люблю манку; не пойду туда, изобилие; пироги, как у бабушки; пафосное название, булочки с воздушным кремом, толстые тетки, пампушки с чесноком, зефирки, десерты со сливочным сыром, макароны, не ем мучные изделия, манные каши, разные каши, голубое небо, много воздушных пирожных, что-то длинное, небо, протяженное во времени, подаяние, обычный хлеб, простая незамысловатая выпечка, толстые булки, мясо, Иерусалим.

В качестве ассоциативных доминант данного поля можно выделить следующие:

- соотнесенность названия с мотиватором манна (манной крупой и самыми популярными продуктами из нее): манка, каша, манная каша, манные каши, манник;
- соотнесенность названия с мотиватором небесная в составе идиомы: небо, голубое небо, булочки с воздушным кремом (опосредованная мотивация: небо – воздух – воздушный / «взбитый» крем);
- соотнесенность названия с библейским прецедентом: Иисус, Иисус Христос, Библия, религия, чудо, пустыня, евреи, христианство, Иерусалим, религиозная продукция, подаяние, РПЦ;
- соотнесенность названия с видом предлагаемой хлебной продукции: а) русская национальная выпечка, обычный хлеб, простая незамысловатая выпечка, толстые булки, пампушки с чесноком; б) изобилие, много воздушных пирожных, булочки с воздушным кремом, чизкейк, макаруны;
- соотнесенность названия с оценочным вектором его личностного восприятия респондентом: а) оценка мотивированности, стилистического регистра и информативности названия для адресата: непонятно что; пафосное название; б) оценочные реакции как отражение вкусовых пристрастий адресата в свете стереотипа «мучное вредно для фигуры»: не ем мучные изделия, толстые тетки; не пойду туда; ср. положительную оценку названия, отсылающую к ценностям традиционного семейного быта: пироги, как у бабушки.

Уточняющие вопросы, предложенные в анкетах, дают возможность выявить более конкретные векторы ассоциативного наполнения данного эргонима в плане соответствия его восприятия ментальным ориентирам обыденного языкового сознания массового потребителя (считывание лингвокреатемы «Манна небесная» как названия пекарни представителями разных социальных, профессиональных и возрастных категорий городского населения):

Вкусно Сытно (название пекарни) – пирожки (23), пироги (21), булочки (15), еда (15), столовка (8), дешево (6), столовая (5), недорого (5), шаурма (5), много еды (3), бизнес-ланч (3), обед (3), много разной еды (2), быстро (2), ужин (2), бабушка (2), перекус (2), блинчики (2), самса (2), домашняя (2), большие порции, простая еда без изысков, булка с картошкой, хот-доги, бургеры, несовременно, не стильно, ассоциация со старой столовой, большая граммовка, первые и вторые блюда, полный живот, стол, переедание, толстая буфетчица, простота, разнообразие вкусной выпечки, невкусно, вкусный запах, много булочек, как в пионерлагере.

Данный эргоним создан с использованием типовой формулы оценочной квалификации качества пищи применительно к разным видам выпечки: наречия вкусно и сыт-

но в названии пекарни выступают как базовые идентификаторы этой оценки. Интенция номинатора, предложившего данное название для пекарни, очевидна: совместное употребление данных наречий должно привлечь потенциального потребителя именно прямым посулом получения удовольствия от еды хорошего качества. В ассоциативном поле данного слова представлены следующие доминанты восприятия названия:

- соотнесенность названия *Вкусно Сытно* с типовым ассортиментом пекарни: *пирожки, пироги, булочки, булка с картошкой, много булочек, разнообразие вкусной выпечки*;
- соотнесенность эргонима с ассортиментом и свойствами современного фастфуда: *шаурма, самса, хот-доги, бургеры, вкусный запах*;
- соотнесенность с гиперонимом *еда* как выражение одной из базовых потребностей невзыскательного потребителя: *еда, много еды, много разной еды, простая еда без изысков, большие порции, большая граммовка*;
- соотнесенность названия с оценкой услуг общепита: *недорого, дешево, быстро, невкусно, полный живот, переедание, толстая буфетчица, ужин, обед, перекус, бизнес-ланч*;
- соотнесенность названия с оценкой по параметру «класс заведения в глазах потребителя»: *несовременно, не стильно, ассоциация со старой столовой, столовка, столовая, простота, первые и вторые блюда; как в пионерлагере*

В плане лингвокреативных техник создания эргонима интересны игровые названия, ориентированные в том числе на детскую / молодежную аудиторию. Рассмотрим в этом аспекте ассоциативное поле одной из таких эргонимических игр.

Тутокруто (название развлекательного центра) – *батуты (17), батутный парк (16), детский центр (16), дети (13), лабиринт (11), колесо (9), детские аттракционы (9), аэротруба (6), квест (5), аквапарк (5), креативные аттракционы (3), радость (2), веселье (2), фишки (2), школа (2), мармелад, детское название, как будто жевательная резинка, конфетки из рекламы, веселое место; обещают, что будет круто; конфеты, подростки, не для взрослых, пальмы, море, песок, тама тоже круто; кажется, что для малышей; лазелки, прям в детство окунуться, перестройка, старость, татары, курорт, чупа-чупс, лавочка, пиво, крутые развлечения, крутая публика, крутые цены, это круто, детство, разговорный сленг тута и круто, конфеты тутти-фрутти.*

Данный эргоним создан на основе обыгрывания экспрессемы разговорно-молодежного дискурса (*круто!*) и просторечного употребления местоимения *тут* (ср. *тута*), характерного в том числе и для детской речи. Сращение элементов фразы *тута круто* как способ создания эргонима (при деформации *тута* в *тутто*) провоцирует восприятие структуры игровой трансформы как сложного слова, неся в себе эмоционально-оценочный заряд рекламного предложения и вовлекая потенциального потребителя услуги в процесс декодирования самого названия (ср., в частности, полученные от респондентов ассоциаты: *веселое место; веселье, обещают, что будет круто*).

Ассоциативные доминанты восприятия этой лингвокреатемы (по данным САЭ) включают в себя:

- объекты веселого (крутого) времяпрепровождения: *батуты* (самый частотный ассоциат, спровоцированный рифмой стимула с созвучным словом и похожестью эргонима на название какого-то циркового трюка: ср. *сальто-мортале*), *батутный парк; креативные аттракционы, лабиринт, фишки, квест, аэротруба, аквапарк, колесо, крутые развлечения*;

- отсылки к лежащей в основе эргонима фразы *тама тоже круто* (намеренно игровая антонимия просторечных *тута* и *тама*, отзеркаливающая прототип эргонима); *это круто*; разговорный сленг *тута* и *круто*; *крутая публика, крутые цены, крутые развлечения*;

- названия детских конфет и других сладостей: *тутти-фрутти* (составной характер названия и звуковая аналогия с эргонимом); *чупа-чупс, мармелад, конфетки из рекламы* (ассоциаты той же тематической сферы); *детское название, как будто жевательная резинка* (фоносемантическая ассоциация кинестетической модальности);

- связь названия с темой детства и веселья, предназначение объекта для детей и подростков: *детский центр, веселое место, дети, школа, подростки, не для взрослых, кажется, что для малышей, прям в детство окунуться, детские аттракционы, лазелки*;

- мотив старения и спокойного времяпрепровождения: *старость, перестройка, лавочка, пиво, курорт, пальмы, море, песок*.

Таким образом, ассоциативный контекст эргонимов в аспекте их восприятия демонстрирует психолингвистические механизмы взаимодействия лингвокреативных интенций номинатора и мировоззренческих установок представителей разных страт городского социума. В этом смысле показательно соотношение параметров рациональной и эмоциональной, социально отфильтрованной и личностной субъективной оценки эргономинаций респондентами.

Покажем это соотношение на примере некоторых реакций, проявляющих рефлексию респондентов над аксиологической составляющей названия (см. Таблицу 1).

Таблица №1

Основания оценочного восприятия эргонимической лингвокреатемы

Рациональные основания оценки как основа принятия / непринятия названия (соответствует / не соответствует представлениям респондента о модели номинации объектов такого рода)	Эмоциональная оценка: субъективное восприятие эргономинации (нравится / не нравится)
Манна небесная	
<p>Оценивается как неудачное, т.к. «по названию непонятно, что это пекарня» (Александра, 30 л., системный администратор); «не пойду, уже сът» (Эдуард, 42 г. мастер производства); «название, завышающее ожидания, слишком религиозно и высокопарно для пекарни» (Александр, 32 г. бариста); «название со вкусом, серьезный подход к делу, значит, вкусная еда» (Александр, 34 г., звукорежиссер); «название слишком сложное, поэтому неудачное» (Марина, 50 л., учитель);</p>	<p>«Меня не привлекают религиозные названия, наверное, такие заведения только для истинно религиозных людей» (Олеся, 22 г., учитель); «странное название: съел и сразу на небеса отправился» (Валентина, 40 л., повар); «не чувствуется праздника в названии, слишком длинное и непривлекательное» (Наталья, 30 л., инженер по медицинскому оборудованию); «ассоциируется с манной крупой, которую Бог послал голодающим. Бедненко, простенько, как название столовой для нищих, не привлекает» (Светлана, 59 л., психолог).</p>

Тутокруто	
«Неудачное название, т.к. непонятно по названию, что в нем находится» (Михаил, 47 л., электрик); «это подходит только для малышей» (Нина, 71 г., профессор)	«Да, нравится название, прикольно звучит» (Юрий, 21 г., студент); «да, нравится, внушает доверие» (Виталий, 17 л., школьник); неприятно, звучит, как одно слово, для маленьких детей» (Анастасия, 22 г., студентка); «звучит вовсе не весело, а безграмотно» (Рита, 62 г., учитель начальных классов);
Вкусно Сытно	
«Пойду закажу два бургера и пиво» (Роман, 26 л., менеджер по продажам); «мне это не подходит, практически не ем мучное» (Евгения, 35 л., фитнес-тренер); «название простое и понятное» (Марина, 50 л., учитель)	«Отталкивает название, ассоциации со старой столовой» (Даша, 22 г., студентка); «звучит заманчиво, люблю перекусить в перерыве» (Василий, 45 л., экономист)

Эмоциональные оценки, отражающие субъективное восприятие эргонимов, как правило, имеют симпрактический характер [Лурия 2019]: респонденты оценивают номинации в опоре на собственный жизненный опыт и ситуативные потребности (ср. *пойду закажу два бургера, не зайду, уже сыт, не ем манку, не люблю мучное* и т.п.), не считывая культурных коннотаций (в том числе прецедентного характера); кроме того, эмоциональная оценка названия часто связана с его фоносемантикой (*звучит заманчиво, звучит как-то странно, звучит вовсе не весело* и т.п.).

Особым аспектом оценочного восприятия названия может выступать корреляция «креативность – удачность» (ср. оценки типа *креативное, но непонятное, креативное, но не подходит для данного объекта, не креативное, но удачное* и т.п.). Примеры такой корреляции представлены в Таблице 2.

Как видно из приведенных респондентами комментариев, шкала **удачности** эргонима определяется его прагматикой, информативной функцией, связанной с точным указанием на предлагаемый продукт и его качество, тем, что вызывает положительные эмоции, соответствует вкусовым пристрастиям респондента и т.п., **креативность** же эргонима оценивается преимущественно по лингвистическим параметрам «необычность», нестандартность, фоносемантическая выразительность, броскость, соответствие языковому вкусу потребителей разных социальных групп.

Сказанное дает основание для выделения типов городских лингвокреативов и их комплексного описания с учетом номинативной техники, использованной в процессе создания эргонима и психолингвистических аспектов его восприятия современным городским социумом: 1) ассоциативного контекста; 2) рефлексии над мотивированностью наименования; 3) оценочных реакций относительно удачности / неудачности названия и факторов, определяющих прагматическую значимость эргонима.

Особую зону психолингвистического описания типологии эргонимов в аспекте их порождения и восприятия могут составить номинации, созданные самими респондентами по актуальным для них моделям⁴.

⁴ Приводятся результаты задания, которое предлагалось респондентам факультативно в следующем виде: «Приведите названия городских объектов, которые кажутся вам удачными и интересными. Придумайте собственные креативные названия объектов общепита и развлекательных центров».

Таблица №2

Оценка эргонима по шкале креативности

Шкала соотношения креативности и удачности по данным психолингвистического эксперимента	
Креативное и удачное	<p>О названии «Чудо-печка»: название креативно, <i>обращает на себя внимание, вызывает интерес</i>, намекая на то, что <i>выпечка в этой пекарне какая-то необычная</i>, хочется <i>зайти и посмотреть, что за «чудо» здесь могут предложить</i>; название удачное, главная ассоциация – <i>волшебство</i>, значит, их выпечка имеет «изюминку»; <i>лучшее</i> название для пекарни (из представленных), т.к. оно ассоциируется с русской народной сказкой, сразу представляется «пир на весь мир»; название креативное и удачное, оно благозвучное и напоминает о волшебной чудо-печке.</p> <p>О названии «Окна на Юг»: интересное название, ассоциируется с восточными сладостями, виноградом; привлекает внимание, удачно и креативно.</p> <p>О названии «Тутокруто» – сразу видно, что там круто и все есть.</p> <p>О названии «Вкусно Сытно»: через название чувствую аромат выпечки</p>
Креативное, но неудачное (для данного объекта)	<p>О названии «Окна на Юг»: название креативное, интересное, но не для пекарни; название необычное, интересное, креативное, но требует соответствующего оформления, пояснения, и в этом смысле оно не вполне удачно.</p> <p>О названии пекарни «Манна небесная»: странное название для обычной пекарни, креативно, но неуместно.</p> <p>О названии «Чудо-печка»: название пекарни намекает на преимущество перед другими – слово чудо указывает на высокое качество, но в то же время возникает представление о процессе выпечки как о конвейере (печка непрерывно выбрасывает из себя однотипные булочки).</p>
Некреативное, но удачное	<p>О названии «Мамин хлеб»: звучит мило; сразу ассоциируется с пекарней, домашними изделиями, простыми рецептами, хотела бы посетить, т.к. я люблю выпечку и название отсылает к дому, преимущество перед другими названиями пекарен в слове мамин: название удачно, но слишком просто.</p> <p>О названии «Чудо-печка»: там вкусно и уютно, от названия веет теплом, не креативно (таких много), но удачно.</p>

<p>Некреативное и неудачное (в частности, вызывающее не прогнозируемые номинатором ассоциации и /или не соответствующее личностным прагматическим / оценочным приоритетам потребителя)</p>	<p>О названии «Мамин хлеб»: неудачное название, ассоциируется с низкой ценой из-за качества самоиспеченного хлеба; не нравится название, звучит как синоним обычной домашней кухни, я не люблю заведения в таком «исконно русском» стиле; обычное название, неудачное, не вызывает эмоций; не хочется в такую пекарню зайти, т.к. там, наверное, продают один хлеб; молодежь сейчас привлекают более минималистские названия.</p> <p>О названии пекарни «Вкусно Сытно»: название неудачное и некреативное: слишком тривиальное, скудная фантазия.</p> <p>О названии «Чудо-печка»: обычное что-то (реакция, контрастирующая с интенцией номинатора подчеркнуть в названии высокое качество предлагаемого продукта; по-видимому, «сказочный» образ чудо-печки уступает место профанному восприятию, связанному с названием современной микроволновки); ассоциация с жующей дрова печкой из мультика, ужасает.</p> <p>О названии «Тутокруто»: «уличное» название, ассоциируется с сельским клубом, некреативно, неудачно.</p> <p>О названии «Окна на юг»: название неудачное, не ясно, что продают; совсем неудачное название, как у фирмы распродаж квартир; странное название: не дает информации о заведении, кажется мне неудачным.</p>
--	--

Такие актуальные модели выделены нами на основе приведенных респондентами удачных, с их точки зрения, эргономинаций г. Екатеринбурга и собственных, созданных участниками эксперимента названий разных типов городских объектов:

- уменьшительно-ласкательные суффиксальные дериваты от нарицательного названия обозначаемого объекта: *Пекарушка* (пекарня), *Подвальчик* (бар), *Круглые столики* (кафе), *Пледик* (магазин). Ср. реакции «название милое и уютное» на эргонимы такого типа (образ уютного заведения как оценочный эталон восприятия свойств обозначаемого);

- эргонимы, обыгрывающие созвучие названия обозначаемого объекта с именем собственным: *Пекара ру Петрович*. В данном случае используется распространенная в современной коммуникации формула: игровая имитация в названии электронного адреса, отсылающего к соответствующему информационному интернет-сайту и нередко фиксирующему имя владельца заведения (ср. распространенное в разговорной речи обращение по отчеству к человеку, который хорошо знаком говорящему, пользуется у него уважением);

- эргонимы, представляющие собой своеобразные мнемотехники (см. [Гридина, Коновалова 2014]. Ср., в частности, отмеченное респондентами название, фиксирующее особенности произнесения слова, обозначающего предлагаемый заведением продукт: кафе-кондитерская *Не торты, а торты*. Использованная лингвокреатема имитирует и шутливо дискредитирует типичную ошибку разговорной речи, запо-

минаясь в виде некоего орфоэпического «правила», подчеркнутого графическим обликом неправильного и правильного произнесения слова *торты*;

- эргонимы, фиксирующие необычное назначение объекта: «*Котокафе Мяу*» (кафе для кошек); нередко в данном случае используется принцип словосложения; «*Соноцвет*» (бар, где, по объяснению придумавшего это название респондента, «*цветомузыка, и ты как будто погружаешься в цветные сны*»);

- эргонимы, обыгрывающие графическую омонимию иноязычного и русского слов, что создает эффект каламбура: ресторан «*More Мясо*» (ср. считываемый эквивалент *море мяса* – как указание на обилие и разнообразие предлагаемого ассортимента мясных блюд: соединяется количественная семантика слова *море* и англ. *more* – сравнительная степень от англ. *big* в значении «больше»);

- эргонимы, имитирующие жанровую форму объявления: «*Ищу человека*» – название бара в Екатеринбурге (ср. комментарии респондента к данному названию: «*молодежное кафе, место, где можно встретить «своего» человека, найти себе «пару*»);

- эргонимы-метафоры: кофейня «Зерно счастья» (название, придуманное респондентом, коррелирует с популярным брендом кофейных заведений *Zerno*, где кофе подают с молоком без лактозы);

- эргонимы-трансформеры: НЕ С КОФЕ – омофонический игровой коррелят к названию сорта кофе «НЕСКАФЕ» – придуманная респондентом номинация молодежного интернет-кафе (ср. комментарий автора эргонимической игры: «*кафе, где студенты сидят с компами*»). Еще один придуманный респондентом эргоним-трансформер данного типа «сНЕЖНО» (кофейня) – *здесь подают кофе с мороженым* (графическое выделение подчеркивает новое, игровое членение слова, создающее ассоциативную интеграцию смыслов «снежно» и «нежно»). Ср. ассоциаты *мороженое – холод – снег; мороженое – тает, снег – тает*;

- эргонимы-символы: «*Кофе – ин, молоко – янь*». Созданный респондентом эргоним содержит многослойный ассоциативный контекст: первый шаг порождения номинации – омофоническое переразложение слова *кофеин*, второй шаг – ассоциативное отождествление сегмента *-ин* с *инь* (китайским символом женского начала), третий шаг – ассоциация с антонимичным символом мужского начала *ян* (в версии респондента *ин – янь*, что, с одной стороны, отражает частотную ошибку в написании и произношении этих символов, с другой стороны, спровоцировано установкой на игровую трансформацию исходного слова *кофеин*).

Выводы

Эргонимические лингвокреатемы – один из актуальных векторов влияния на сознание и поведенческие реакции потенциального потребителя. Исследование воздействующего потенциала таких лингвокреатем должно осуществляться, во-первых, с учетом механизмов их порождения (универсальных и уникальных параметров номинативной техники, моделирующей «образ объекта»), во-вторых, с учетом соответствия созданного «имиджа» названия его реальному восприятию, в-третьих, с учетом свойств объекта в обыденном сознании представителей городского социума.

Параметры креативности, которые выделены респондентами в предложенных названиях городских объектов, можно разбить на следующие группы:

- 1) оценка оригинальности названия (по критериям новизны, необычности, игровой составляющей);
- 2) оценка соответствия названия назначению (типу) объекта;
- 3) современность названия; соответствие вкусам адресата (его языковым приоритетам);
- 4) графическое оформление названия;
- 5) использование визуального ряда, подкрепляющего воздействие или дешифровку названия.

Комплексная типология лингвокреатива предполагает рассмотрение лингвокреативных эргонимических прецедентов с использованием психолингвистических методов в свете ментальных доминант языкового сознания (аспектов восприятия города как информационной среды, которая отвечает разным жизненным потребностям социума и конкретной личности).

Особое значение в современной эргонимической номинации приобретают сопутствующие ей слоганы – аранжировка названия с помощью дополнительных рекламных комментариев. Данный аспект анализа представляется перспективным направлением исследования креативного потенциала эргономинаций.

© **Гридина Т.А., Коновалова Н.А., 2022**

Литература

Бубнова И.А. Когнитивный механизм формирования структуры субъективного значения слова // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 3(16). С. 51–56.

Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / под ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-Пресс, 2021. 784 с.

Вепрева И.Т. Современный эргонимикон: в поиске новых форм выражения // Вопросы ономастики. №4. 2019. С. 168–179.

Голомидова М.В. Имятворчество в эргонимии: традиции vs актуальные тренды // Лингвистика креатива: коллект. моногр. / под общей ред. Т.А. Гридиной. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012. С. 67–73.

Гридина Т.А. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи (явление языковой игры): диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Москва, 1996. 566 с.

Гридина Т.А. Ассоциативный потенциал слова как основа лингвистической креативности: экспериментальные данные // Вопросы психолингвистики. 2015. №25. С.148–157.

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Вербальные мнемотехники как механизм кодирования и декодирования информации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2014. № 1. С. 128–134.

Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М.: Русский язык, 1993. 330 с.

Лурия А.Р. Язык и сознание. СПб.: Питер, 2019. 336 с.

Пищальникова В.А., Карданова-Бирюкова К.С., Панарина Н.С., Степыкин Н.И., Хлопова А.И., Шевченко С.И. Ассоциативный эксперимент: теоретические и при-

кладные перспективы психолингвистики: монография / Под ред. В.А. Пищальниковой. М.: Р. Валент, 2019. 200 с.

Ремчукова Е.Н. Прагматическая и эстетическая ценность «массового лингвокреатива» // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. VII. М., 2016. С. 157–167.

Ружицкий И.В., Потемкина Е.В. Мнемы и мемы как стимул для развития лингвокреативной компетенции иностранных учащихся // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2022. № 2. С. 564–586.

Стернин И.А. Исследования значения как феномена языкового сознания: монография. Алматы: изд-во «Полилингва», 2018. 199 с.

Уфимцева Н.В. Значение слова как отображение социокультурной реальности // Вопросы психолингвистики. 2015. №25. С. 83–92.

Шмелева Т.В. Великий Новгород: ономастический портрет. Великий Новгород: ТПК «Печатный двор», 2020. 288 с.

Сведения об авторах:

Гридина Татьяна Александровна – заведующий кафедрой общего языкознания и русского языка ФГБОУ ВО «УрГПУ», доктор филологических наук, профессор

Контактная информация:

620091, Екатеринбург, пр. Космонавтов, дом 26, оф. 281.

ORCID: 0000-0003-3993-5164

email: tatyana_gridina@mail.ru

Коновалова Надежда Ильинична – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и русского языка ФГБОУ ВО «УрГПУ»; профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся ФГБОУ ВО «УрФУ»

Контактная информация:

620091, Екатеринбург, пр. Космонавтов, дом 26, оф. 281.

620000, Екатеринбург, ул. Чапаева, дом 16, оф. 309

ORCID: 0000-0002-8541-1014

email: sakralist@mail.ru

Для цитирования:

Гридина Т.А., Коновалова Н.А. Лингвокреативный потенциал эргоминаций в аспекте их порождения и восприятия: экспериментальное исследование // Вопросы психолингвистики № 2(52) 2022, С.30–45, doi:10.30982/2077-5911-2022-52-2-30-45

UDC 81'23 (075.8)

LBC III 100.6

DOI 10.30982/2077-5911-2022-52-2-30-45

Research article

LINGUOCREATIVE POTENTIAL OF ERGONOMINATIONS IN THE ASPECT OF THEIR GENERATION AND PERCEPTION: AN EXPERIMENTAL STUDY⁵

Tatiana A. Gridina

Ural State Pedagogical University
Yekaterinburg, Russia

Nadezhda I. Konovalova

Ural State Pedagogical University,
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia

Abstract

The article analyzes the repertoire of ergonymic nominations in the light of their linguocreative specificity. The associative content of ergonyms in the everyday consciousness of various groups of the urban population has been experimentally verified. The nature of interpretation of a verbal sign is considered as a speech-thinking “reflexive act” reflecting the value paradigm of a specific linguistic personality. As a material for conducting free and directed associative experiments, the names of public catering establishments and entertainment centers of Yekaterinburg are used. Linguocreative processes of creation and perception of ergonymic nominations are considered in the light of the ratio of the nominator’s intention and depth “reading” (interpretation) of the name by the addressee. Ergonyms based on the language game bear a special burden in this regard. A complex model of the analysis of ergonyms in the aspect of their impact on the addressee’s consciousness is presented (taking into account the nominative technique of creating an ergonym, as well as criteria for its rational and emotional evaluation by the addressee). The parameters of the creativity of the name that are relevant for the bearers of urban culture are highlighted: 1) originality, unusual, game component); 2) correspondence of the name to the purpose of the object; 3) modernity of the name; compliance with the tastes of the addressee (his/her language priorities); 4) graphic design of the name that supports its decoding.

Keywords: associative potential of the word, linguistic consciousness, psycholinguistic experiment, linguocreative thinking

©Gridina T.A., Konovalova N.I., 2022

Bionotes:

Tatiana A. Gridina – Professor, Doctor of Philology (Dr. habil.), Head of the Department of General Linguistics and the Russian Language. Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia.

---

⁵ Acknowledgements: The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 22-28-20075, <https://rscf.ru/project/22-28-20075/>

Contact information: Kosmonavtov pr., 26, Yekaterinburg, Russian Federation, 620091
ORCID: 0000-0003-3993-5164
email: tatyana_gridina@mail.ru

Nadezhda I. Konovalova – Doctor of Philology, Professor of the Department of General Linguistics and the Russian Language, Ural State Pedagogical University; Professor of the Department of Russian Language for Foreign Students. Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Contact information: Kosmonavtov pr., 26, Yekaterinburg, Russian Federation, 620091
ORCID: 0000-0002-8541-1014
email: sakralist@mail.ru

For citation:

Gridina T.A., Konovalova N.I. (2022) Linguocreative potential of ergonominations in the aspect of their generation and perception: an experimental study. *Journal of Psycholinguistics*. 2(52), P. 30-45 Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2022-52-2-30-45 (in Russian)

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНИКА: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Лемяскина Наталия Александровна

Государственное бюджетное учреждение дополнительного профессионального образования Воронежской области «Институт развития образования имени Н.Ф. Бунакова»,
Воронеж, Россия

Аннотация

Объектом данного исследования является языковая личность младшего школьника (с 1 по 4 класс), предметом – когнитивный аспект изучения личности ребенка, а именно, культурные концепты «совесть», «душа», которые входят в число базовых ценностей русского народа и влияют на формирование детской картины мира, а также аспект сообщения, включающий описание рассказов-историй и прецедентных феноменов, используемых современными детьми. Предлагаются результаты наблюдений и направленного ассоциативного эксперимента, проведенного среди обучающихся 1–4 классов образовательных организаций города Воронежа. Цель исследования – показать особенности развития языкового сознания детей и использование детьми прецедентных феноменов, являющихся важной составляющей образа мира ребенка. Данная работа осуществляется в Воронеже в течение нескольких десятилетий в рамках направления «Коммуникативное поведение (народ, группа, личность)» под руководством профессора И.А. Стернина [Стернин 1989: 279–282]. Теоретические основы исследования заложены в работах Г.И. Богина, Л.С. Выготского, И.Н. Горелова, О.С. Иссерс, Ю.Н. Караулова, В.В. Красных, А.Н. Леонтьева, К.Ф. Седова, И.А. Стернина, Н.В. Уфимцевой, В.К. Харченко, С.Н. Цейтлин, А.М. Шахнаровича. Результаты исследования нашли отражение в статьях и монографиях автора.

Ключевые слова: младший школьник, языковая личность, детская картина мира

В конце XX – начале XXI вв. в связи с распространением антропоцентрического направления и гуманизации лингвистики многие ученые обращаются к проблеме языковой личности, включая ее в лингвистическую парадигму (Г.И. Богин, Ю.Н. Караулов, В.И. Карасик, К.Ф. Седов). В настоящее время, на наш взгляд, интерес исследователей к изучению языковой личности не утрачен, но в большей степени относится к изучению индивидуально личностных особенностей отдельных создателей речевых произведений (в рамках лингвоперсонологии), а обращение к групповым (возрастным, социальным, гендерным) и национальным особенностям языковой личности, менее востребован. Мы обращаемся к изучению особенностей языковой личности младшего школьника (с 1 по 4 класс), причем в динамике, а также к ее языковому сознанию, детской картине мира, что определяет актуальность нашего исследования.

Результаты многолетних исследований языковой личности младшего школьника, проведенного нами с использованием комплекса методов и описанные по модели, включающей аспект говорящего, адресата, сообщения, метакоммуникативный аспект, когнитивный аспект, коммуникативный идеал, коммуникативные ожидания, а также ряд параметров и признаков, зафиксированы в монографии [Лемяскина 2004]. При описании когнитивного аспекта на основе полученных данных было установлено, что коммуникативные категории, которые сформированы в детском сознании – это «общение» и «вежливость». Более подробное изучение в дальнейшем категории «вежливость» позволило выявить лингвистический механизм развития категории, который включает использование формул «вежливости», коммуникативные табу (речевые, поведенческие, моральные), с постепенным уменьшением их доли в составе категории, коммуникативный идеал (наблюдается увеличение его составляющих к 4 классу). Отмечено, что для младших школьников важнее соблюдение табу, чем формул вежливости [Лемяскина, Хворостова 2014: 131–132].

Далее мы обратились к исследованию культурных концептов «совесть», «душа», «тоска» как наиболее «значимым константам русской культуры» [Степанов 2001], определяющим коммуникативное поведение детей, являются важными для детской языковой картины мира и духовной культуры русского народа, а также концептам «любовь», «добро», «счастье», «свой-чужие» [Лемяскина 2019: 299–304], «радость» [Лемяскина 2021: 47–49], которые остаются базисными в этической системе ценностей и могут существенно влиять на формирование детского мировоззрения. В рамках исследования концепта нами осуществляется лингвокультурная характеристика, которая включает в себя понятийную, образную и ценностную составляющие [Красавский 2010]. Общациональные признаки концепта отражены в значениях лексем и зафиксированы в словарях русского языка; психолингвистический эксперимент позволяет выделить образную и ценностную составляющие концепта и определить национально-культурную и возрастную специфику изучаемых концептов.

Так, при исследовании концепта «совесть» на основе направленного ассоциативного эксперимента (252 чел.) получены данные, которые показывают, что дети рассматривают совесть как одушевленное существо, они испытывают чувство вины, совесть не дает совершать им плохие поступки: *врать* (1 класс), *даться* (2 класс); *быть жадным* (3 класс). Их мучает совесть, когда *соврал, кого-то обидел* (2 класс); *сделал плохое, например, обозвал сестру* (4 класс). Младшие школьники утверждают, что *надо слушать совесть*. К концепту «совесть» обращались Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, В.А. Маслова, А.Д. Шмелев. Они отмечают, что данному концепту присуща национальная специфика – так, в русской культуре акцент сделан на духовности совести, что выражается в чувстве ответственности за свои поступки.

Для выявления признаков концепта «душа» также был проведен ассоциативный эксперимент (приняли участие 176 человек). Дети отмечают, что *душа живет в каждом из нас, это собственный мир человека, его чувства*; она может быть *злой и доброй, чистой и черствой, может любить и страдать*. Они указывают на лицо: *это мама, Маленький принц* [Лемяскина 2018а: 94–96]. Таким образом, исследование подтверждает, что концепты «совесть», «душа» являются важнейшей составляющей детской языковой картины мира.

Углубленное изучение аспекта сообщения проводилось на основе исследования параметра «речевые жанры». При оценке речевых жанров младшего школьника мы используем классификацию К.Ф. Седова и О.Б. Сиротининой, которые, вслед за М.М. Бахтиным, делят речевые жанры на нериторические, и риторические. Данные 2004–2009 гг. показывают, что младшие школьники достаточно часто используют в общении рассказ-историю, болтовню, разговор по душам, реже риторические жанры – комплимент, анекдот. Однако результаты исследования последних лет демонстрируют, что предпочитаемая тематика рассказов-историй меняется, на первый план выходят истории о животных, смешные и страшные истории. Приведем примеры.

Истории животных

У меня есть три кошки и собака // Их зовут Сосиска / Мурка / Катька и Чуда / Они любят остаток еды. (Роман С. 1 класс)

У меня живет // африканский / карликовый ежик // Его зовут Ирис // Он маленький такой / колючий // и любит кушать сверчков // Однажды / он умудрился / от меня сбежать // Залез под холодильник / и застрял // Я сильно испугалась / и расстроилась // боялась / что холодильник / его раздавит // Но потом / пришла мама // помогла / спасти Ириса / из плена // Ежик не пострадал // и я была // очень рада. (Маша Р. 4 класс)

У меня есть два хомячка / девочка и мальчик // Они очень игривые // Девочку-хомячка зовут Бусинка / а мальчика / зовут Пушок // Но сейчас Пушок в больнице // Когда Пушка забрали / в больницу / я очень сильно плакала / и мне купили Бусинку. (Марина П. 3 класс)

Смешные истории

Как-то раз / я пошла / в деревне / гулять с собакой // Это было зимой // Я вышла из дома / и ко мне он подбегает // и меня заваливает / на снег // Я пытаюсь встать / а он мне не дает // И когда я пришла домой / я была вся мокрая. (Римма П. 2 класс)

Когда мне принесли кошку // я положила ее / на большие подушки / она заснула и упала // Это было так смешно! (Светлана П. 3 класс)

Страшные истории

Однажды было воскресенье // Я проснулся / почистил зубы / умылся / и сделал зарядку // Потом / прихожу в зал // а одна рыбка / прямо на моих глазах / выпрыгивает из аквариума // Я бегом / к папе с мамой и говорю / «Там в зале / рыбка выпрыгнула / из аквариума / прямо на пол // Они мне / Не может такого быть // Отвечаю / Серьезно вам говорю» // Они пошли в зал / и увидели / как рыбка / на полу / чуть ли не задыхается / и чуть ни умирает // Папа быстро побежал / за перчатками / потому что это был сом // Папа / поднимает рыбку с пола / и быстро / кидает ее / в аквариум // Она полежала / примерно 15-30 минут / в аквариуме / и очнулась // Папа говорит / Ну, эти рыбки // взрыв мозга // Вот и все. (Дмитрий К., 4 класс)

В последние годы отмечается интерес детей рассматриваемого возраста к жанру фэнтези (90% детей любят читать фэнтези) [Лемяскина 2020]. На наш взгляд, это обусловлено тем, что данный жанр близок к сказке, которую любят все младшие школьники (слушать, рассказывать, обсуждать) – там царит волшебство, добро побеждает зло, присутствуют необычные герои. Это привлекает детей и объясняется особенностями детской картины мира, где сказочное преобладает над реальностью. Дети отмечают: «нравятся добрые герои, они смелые, отважные, и всегда побеждают».

Мне книга понравилась про Гарри Поттера / тем / что Гарри Поттер / всегда попадает в какие-то трудности / и / но друзья / оттуда выручают / и он борется со злом / и всегда выигрывает. (Миша Р. 3 класс)

К сожалению, в начальной школе на уроках дети с жанром фэнтези практически не знакомятся, что не позволяет в должной мере использовать произведения этого жанра для формирования у детей положительных представлений о нравственном идеале.

При дальнейшем изучении аспекта сообщения, а именно параметра дискурса, было выявлено, что достаточно часто младшие школьники в речевом поведении с окружающими (взрослыми, сверстниками) используют прецедентные феномены, в основном, в качестве самопрезентации, для поднятия своего статуса, для того, чтобы показать, что он «свой» в кругу сверстников. Теория прецедентности – одно из развивающихся направлений современной лингвистики. Как отмечает Г.Г. Слышкин, некоторые тексты (например, анекдот, реклама) могут стать прецедентными для небольшой группы людей на небольшой срок, [Слышкин 2000: 353]. Причем исследователи выделяют канонизированные прецедентные феномены (ПФ) (человек узнает их в процессе целенаправленного обучения) и неканонизированные (знакомится с ними случайно, не целенаправленно) [Красных 2001: 234].

Наблюдение (включенное, скрытое, опосредованное) и коммуникативное интервьюирование показывают, что дети с 1 по 4 класс в основном используют так называемые «ключевые тексты текущего момента» (тексты рекламы, мультфильмов), т.е. неканонизированные ПФ: *Сделай паузу, скушай Twix; Помощь маме – Фрутоняня! Ну, погоди! Я такая скорая на помощь!*, а также тексты из кинофильмов и современных популярных песен: *Папа купил автомобиль. Малинки, малинки, крутые вечеринки!* [Лемяскина 2018: 61–63]. Из канонизированных ПФ младшие школьники используют в основном пословицы и поговорки, т.к. эти малые жанры широко представлены в учебниках для начальной школы, и дети хорошо их знают: *Тише едешь, дальше будешь; Поспешишь – людей насмешишь.*

Прецеденты можно соотнести с уровнями сознания языковой личности [Прохоров 2004: 14], выделив автопрецедентный, социумно-прецедентный, национально-прецедентный и универсально-прецедентный уровни. Автопрецеденты содержат информацию о ситуации или тексте для отдельной группы (в семьях есть «словечки», известные только данной группе людей). Приведем примеры.

1. Девочка играет с младшей сестренкой в песочнице.
– *Мне не нравится эта башенка, давай не будем ее делать.*
– *Будем, и не фырчать!* (Оля П. 1 класс)
2. Мальчик забыл принести другу книгу.
– *Ты принес книгу?*
– *Да я опять забыл.*
– *У тебя что, ветродуй в голове?* (Максим И., 4 класс)

Социумные ПФ известны среднему представителю социума и входят в коллективное когнитивное пространство.

1. Дети обсуждают домашнюю работу.
– *Нам сегодня задали три номера по математике (с возмущением).*
– *Жесть!* (София Т., 4 класс)

2. Дети в группе обсуждают, как будут делать стенгазету.

– Я сама нарисую и подпишу эту картинку.

– Ну, ты деловая колбаса! (Андрей С., 4 класс)

Национальные прецеденты известны среднему представителю лингво-когнитивного сообщества и входят в когнитивную базу сообщества.

1. Девочка делает с сестрой уборку, потом уходит в комнату.

– Ты куда?

– На кудыкину гору! (Катя С., 3 класс)

2. Девочке прокололи уши, она на перемене рассказывает подружкам.

– Ты не боялась, тебе не больно было?

– Красота требует жертв! (Лиза М., 4 класс)

3. Одноклассницы выходят из школы домой.

– Ты пойдешь домой?

– Нет, мы с папой на машине поедem.

– Ты же близко живешь.

– Ну и что.

– Наши люди в булочную на такси не ездят. (Ксения П., 4 класс)

Универсально-прецедентные феномены известны современному человеку и входят в когнитивное пространство человечества.

1. Ребята ждут на улице девочку, она выходит с большим опозданием.

– Ну, ты спящая красавица! (Маша С., 3 класс)

Кроме того, наблюдение (включенное, скрытое, опосредованное) показывает [Лемяскина 2004: 47–48], что младшие школьники часто используют прецедентные имена. Выбор имени определяют личные качества прецедентного героя и называемого его именем человека. Так, именами *Кот Леопольд*, *Карлсон* называют друга (потому что он добрый, смешной), *Колобок*, *Медведь* – папу (потому что он играет с ребенком, долго спит), *Белоснежка*, *Фея* – маму (потому что она добрая, красивая). Младшую сестру школьники называют *Дюймовочка*, потому что она маленькая, дедушку называют *Потопыч* и т.п. ПФ являются важной составляющей детской картины мира, имеют большое значение для приобщения детей к национальной культуре и традициям.

Таким образом, проведенное нами исследование важнейших составляющих образа мира ребенка, производного от образа мира россиянина, а также речевого жанра рассказа-истории, фэнтези и прецедентных феноменов, показывает особенности формирования детской картины мира школьников 1 – 4 классов, которая, на наш взгляд, начинает все больше соотноситься с национальной картиной мира и ее ценностными составляющими.

© Лемяскина Н.А., 2022

Литература

Карасик В.И. Лингвокультурные концепты: подходы к изучению // Социолингвистика вчера и сегодня. М.: ИНИОН РАН, 2004. С. 132–62.

Красавский Н.А. Концепт «радость» в русской лингвокультуре (на материале словарных статей и ассоциативного словаря) // Известия ВГПУ, №2, 2010. С. 4–7.

Красных В.В. Основы психолингвистики и основы коммуникации. М.: ИТДГК Гнозис, 2001. 270 с.

Лемяскина Н.А. Языковая личность и коммуникативное сознание (на примере речевого поведения младшего школьника). Воронеж: Изд-во ВГУ, 2004. 330 с.

Лемяскина Н.А., Хворостова О.В. Категория вежливости в коммуникативном поведении и языковом сознании младшего школьника. / Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2014. 160 с.

Лемяскина Н.А. Прецедентные феномены в языковом сознании младших школьников // Вестник ВГУ, серия Филология. Журналистика. №4, Воронеж: ВГУ, 2018. С. 61–63.

Лемяскина Н.А. Значимые константы культуры в языковой картине мира младшего школьника // Вестник ВГУ, серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. №4. Воронеж: ВГУ, 2018а. С. 94–96.

Лемяскина Н.А. Концепт «счастье» в языковом сознании младших школьников // Материалы Международной ежегодной научной конференции «Современная онтолингвистика: проблемы, методы, открытия» г. Санкт-Петербург, 24–26 июня 2019 г. Иваново: ЛИСТОС, 2019. С. 299–304.

Лемяскина Н.А. Жанр фэнтези в языковом сознании младшего школьника // Серия: Филология. Журналистика, 2020, № 1. С. 51–52.

Лемяскина Н.А. Эмоциональный концепт «радость» в языковом сознании младшего школьника Вестник ВГУ, серия Филология. Журналистика. №2, Воронеж, ВГУ, 2021. С. 47–49.

Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс: Учебное пособие М.: Флинта: Наука, 2004. 224 с.

Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе М.: Academia, 2000. 128 с.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп [Текст] М.: Академический проект, 2001. 590 с.

Стернин И.А. О понятии коммуникативного поведения / Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung. Halle, 1989. S. 279–282.

Сведения об авторе:

Лемяскина Наталия Александровна – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории прикладных исследований центра экспертно-аналитической деятельности и прикладных исследований, государственное бюджетное учреждение дополнительного профессионального образования Воронежской области «Институт развития образования имени Н.Ф. Бунакова»

Контактная информация:

394063 Воронеж, ул. Зои Космодемьянской, д.15, кв.58

ORCID: 0000-0001-5503-170X

email: nlemyaskina@mail.ru

Для цитирования:

Лемяскина Н.А. Языковая личность младшего школьника: экспериментальное исследование // Вопросы психолингвистики № 2(52) 2022, С. 46–52, doi: 10.30982/2077-5911-2022-52-2-46-52

UDC 81.23

LBC 81-9

DOI 10.30982/2077-5911-2022-52-2-46-52

Research article

LINGUISTIC PERSONALITY OF A PRIMARY SCHOOLCHILD: AN EXPERIMENTAL STUDY

Natalia A. Lemyaskina

The State Budgetary Institution of additional Professional Education of the Voronezh Region “N.F. Bunakov Institute for the Development of Education”,
Voronezh, Russia

Abstract

The object of this study is a linguistic personality of a primary schoolchild (from the 1st to the 4th grades), while the subject is the cognitive aspect of studying the personality of a child, namely, the cultural concepts “conscience”, “soul” (the latter being among the basic values of the Russian people influencing the formation of a child’s picture of the world), as well as the aspect of message including the description of storytelling and precedent phenomena used by modern children. The results of observations and a directed associative experiment conducted among children of the 1th – 4th grades of educational organizations of Voronezh are proposed. The purpose of the study is to show the peculiarities of the development of children’s linguistic consciousness and the use of precedent phenomena, the latter being an important component of the image of the child’s world. This work has been performed in Voronezh for several decades within the framework “Communicative behavior (society, group, personality)” under the guidance of Professor I.A. Sternin [Sternin, 1989: 279–282].

The theoretical foundations of the study are laid in the works of G.I. Bogin, L.S. Vygotsky, I.N. Gorelov, O.S. Issers, Yu.N. Karaulov, V.V. Krasnykh, A.N. Leontiev, K.F. Sedov, I.A. Sternin, N.V. Ufimtseva, V.K. Kharchenko, S.N. Tseytlin, A.M. Shakhnarovich. The obtained results are reflected in the articles and the monographs of the author.

Keywords: primary schoolchild, linguistic personality, child’s picture of the world

© Lemyaskina N.A., 2022

Bionotes:

Natalia A. Lemyaskina – Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher, The State Budgetary Institution of additional Professional Education of the Voronezh Region “N.F. Bunakov Institute for the Development of Education”.

Contact information:

Kosmodemyanskaya St., ap. 588, Voronezh, Russian Federation, 394063

ORCID: 0000-0001-5503-170X

email: nlemyaskina@mail.ru

For citation:

Lemyaskina N.A. (2022) Linguistic personality of a primary schoolchild: an experimental study. *Journal of Psycholinguistics*. 2(52), P. 46–52. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2022-52-2-46-52 (in Russian)

К ВОПРОСУ ОБ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОМ ОПИСАНИИ СЕМАНТИКИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Маклакова Елена Альбертовна

Воронежский государственный лесотехнический университет,
Воронеж, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются уровни описания значения слова, среди которых выделяется психолингвистическое описание, сделанное на основе результатов психолингвистических экспериментов. Автор указывает на достоинства и преимущества экспериментальной методики, останавливается на существенных моментах ее применения. Психолингвистическое значение слова описывается как совокупность семантических компонентов, выявленных посредством специальной обработки результатов экспериментов, представляющих собой реакции носителей языка на слова-стимулы как отражение их языкового сознания. На конкретных примерах в статье показаны приемы семемной и семной интерпретации языкового материала, полученного в ходе психолингвистических экспериментов. Рассматриваются и теоретически обосновываются возможности данной методики при фиксации коннотативного макрокомпонента значения. Подчеркивается необходимость комплексного интегрированного подхода к описанию семантики слова, включающего обобщенное лексикографическое описание, результаты контекстного анализа и психолингвистических экспериментов. Большое внимание при этом следует уделять полевому подходу к семантической структуре значений слов, поскольку в традиционных толковых словарях порядок расположения значений слов не всегда соответствует принципу *семантическое ядро – периферия*. Учет количественных показателей, отмечающих яркость и, соответственно, высокий уровень коммуникативной релевантности ассоциативных реакций участников экспериментов, имеет существенное значение для реализации полевого структурирования семантем и семем. В статье отмечается неопределимый вклад научно-теоретической школы Воронежского государственного университета в области общего и русского языкознания и лично И.А. Стернина в развитие и разработку теоретических основ психолингвистического описания значения слова. Данное направление получило прикладное развитие в виде целой серии «Психолингвистических толковых словарей русского языка», изданных под редакцией и при непосредственном участии известного ученого-лингвиста, что способствует дальнейшему прогрессу психолингвистической лексикографии.

Ключевые слова: семантика слова, психолингвистическое описание, лексикографическое толкование, семантема, семема, семантический признак

Практика описания семантики языковых единиц свидетельствует, что многие семантические признаки слов и некоторые их значения, регулярно проявляющиеся в контекстах их употребления (ср., к примеру, признаки *‘важная, величественная, носит корону’* в значении-2 слова *королева*; признак *‘отличается изысканной вежливостью по отношению к даме’* в значении-3 слова *кавалер*; признаки *‘обладает властью*

и несет ответственность' в значении-1 слова *командир*; признаки 'сексуально активен, всю жизнь меняет подруг, склонен к изменам, умеет ухаживать за женщинами' в значении слова *бабники* т.п.), не зафиксированы в лексикографических источниках. Лексикографам и лексикологам для получения более информативных и объективных данных по этим вопросам приходится применять комплексные методики, основанные на современных подходах к описанию семантики языковых единиц, к которым, в частности, относятся и психолингвистические методы исследования, широко используемые в семной семасиологии в последнее время.

Как показывает исследовательский опыт, семантическое толкование результатов психолингвистических экспериментов дает возможность, в отличие от других методов и приемов семантического анализа, представить отдельное значение слова в виде совокупности семантических макро- и микрокомпонентов, которые содержат энциклопедическую, культурную, групповую или индивидуальную информацию разной степени релевантности и известности для сознания носителей языка.

Подчеркнем, что лексикографическое значение слова, которое является *системным*, зафиксированными представленным в виде языковых знаков в толковых словарях, в определенной степени отражает *языковое сознание* носителя языка. В нем сформулированы основные яркие семантические характеристики слова, но не в полном и исчерпывающем варианте, поскольку формат таких словарных изданий определяется не исследовательскими и аналитическими, а иными целями описания, связанными с понятным, доступным и кратким толкованием языковой единицы. В то время как психолингвистическое описание слов позволяет выявить ранее не отраженные в существующих словарных изданиях их денотативные, коннотативные (оценочные / эмоциональные) и некоторые функциональные семантические признаки и новые значения.

Уточнение и дополнение системного описания значения как единицы языкового сознания также возможно посредством анализа контекстов его употребления. Выявленное посредством такого анализа *коммуникативное* или *дискурсивное* [Алефиренко 2006: 103–104] значение содержит реально востребованные в коммуникации и ставшие предметом сообщения семантические компоненты, которые могут быть отнесены как к новым индивидуально-авторским, так и к известным по лексикографическим источникам системным семантическим признакам [Маклакова 2018: 95–96]. Например, контекстные примеры употребления слова *господин* (120 контекстов употребления, используемых для наименования лиц) выявляют отличный от словарных толкований состав и порядок актуализированных семем по убыванию их частотности:

ГОСПОДИН

Словарная дефиниция [Ожегов, Шведова 1994]

- «1. Человек из привилегированных кругов. Важный, сановный г.
2. Человек, обладающий властью над теми, кто от него зависит, повелитель. Господа и крепостные. Раб и г.
3. чего. Тот, кто властен распоряжаться чем-н. Г. положения. Г. своей судьбы. Сам себе г. (вполне самостоятельный человек; разг.).
4. Форма вежливого обращения или упоминания при фамилии или звании. Г. Министр».

Коммуникативное описание

- 1) форма вежливого обращения к лицу мужского пола, употребляется перед именем собственным (45% из упомянутых выше контекстов употребления) – «Рад приветство-

вать вас, *господин* Глебофф, в городе Париже!» [Юрий Трифонов. Дом на набережной (1976) – НКРЯ];

2) взрослое лицо мужского пола (32% из упомянутых выше контекстов употребления) – «В толпé австралийцев выделялись небритый хмурый *господин* с невысокой черноволосой женщиной» [Д.А. Гранин. Месяц вверх ногами (1966) – НКРЯ];

3) форма вежливого обращения к лицу мужского пола, употребляется перед должностью или званием (18% из упомянутых выше контекстов употребления) – «*Господин* посланник, счастлив ваш бог, зверей-то вы и не выдвали» [Юрий Давыдов. Синие тюльпаны (1989) – НКРЯ];

4) форма вежливого обращения к незнакомому лицу мужского пола (3% из упомянутых выше контекстов употребления) – «*Господин*, добавь 100 динаров (\$2), я выпью за тебя! – и это со счастливой улыбкой» [Игорь Свиначенко. Умытая Россия // «Коммерсантъ-Власть», № 18», 1999.05.11– НКРЯ];

5) лицо мужского пола, повелевает кем-то (3% из упомянутых выше контекстов употребления) – «И вот именно исходя из этого – ты-то хам, а я-то твой *господин!*» [Юрий Домбровский. Хранитель древностей, часть 2 (1964) – НКРЯ].

Экспериментальный метод, обеспечивая «более глубокое и более естественное описание значений слов, позволяет выявить, учитывая все виды знания (теоретическое, обыденное, повседневное), те общие знания о мире, которые хранятся в языке и с помощью языка активируются» [Болдырев 2004: 21–22], а также дает возможность исследователям преодолеть «некоторые слабости классического компонентного анализа ... для выявления компонентного состава семемы» [Левицкий, Стернин 1990: 17]. В лингвистике и психолингвистике результаты эксперимента по созданию информантами-носителями языка некоторого речевого произведения при выполнении задания экспериментатора в дальнейшем могут быть обработаны и интерпретированы последним как языковой материал. В результатах, полученных в ходе проведения таких экспериментов, отражается реальный собственный языковой опыт участников и их наблюдения над языком окружающих, которые в своих ответах ориентируются на общеязыковую действительность.

Нельзя не согласиться с тем, что определение выявленного на основе экспериментальных психолингвистических данных значения слова как *психологически реального* – это теоретическое допущение, которое дает указание на его соотношенность с психологической реальностью, на непосредственную методологическую связь с приемами исследования реального языкового сознания, в отличие от его лексикографического или контекстного толкования, полученного иными методами. Действительно, «понятие *психологически реального значения* рассматривается в лингвистике как некоторая научная абстракция, к которой стремятся исследователи семантики языковых единиц» [Стернин 2010: 18]. Однако описание такого значения полностью, с учетом всех его составляющих, не может быть реализовано из-за ограниченных возможностей проведения подобного рода экспериментов, поскольку всегда какие-то компоненты значения останутся вне сферы внимания ученых.

В связи с этим лингвистами широко и активно используется достаточно конкретный и определенный термин *психолингвистическое значение слова*, которое выявляется и описывается по результатам проведенных психолингвистических экспериментов, ассоциативных и направленных, а также лингвистического интервьюирования.

Данный термин был введен Иосифом Абрамовичем Стерниным и широко используется учеными, продолжающими традиции основанной З.Д. Поповой и И.А. Стерниным научно-теоретической школы Воронежского государственного университета в области общего и русского языкознания. В его названии психолингвистический эксперимент конкретизируется как способ получения семантической информации для описания значения слова. «Психолингвистическое значение слова – это упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка. Это тот объем семантических компонентов, который актуализирует изолированно взятое слово в сознании носителей языка, в единстве всех образующих его семантических признаков – более и менее ярких, ядерных и периферийных» [Стернин 2011: 6].

Применение антропоцентрических методов основано на общении с носителями языка и направлено на анализ и обобщение полученного от них языкового материала, что способствует дальнейшему уточнению и дополнению набора семантических признаков при описании значения слова или словосочетания. Это иной уровень описания значения слова и иной тип значения по способу его описания. Все антропоцентрические методы требуют последующей семемной и семной интерпретации полученных результатов для формулирования выявляемых конкретных значений слов и сем в составе этих конкретных значений. Подобная обработка результатов экспериментов базируется на «осмыслении полученных на стимул ассоциативных реакций как языковых репрезентаций (объективаций, актуализаций) семантических компонентов слова-стимула – сем)» [Рудакова, Стернин 2011: 133].

Согласно общепринятому алгоритму, сначала устанавливаются архисемы из категориальных метаязыковых единиц толкования, с которыми группируются слова-реакции, полученные в ходе эксперимента. Эти действия позволяют структурировать семантику языковой единицы на семемном уровне, иными словами – определить количественный состав значений полисемантического слова. Например:

БОМБА

Ассоциативное поле (АСУРЛ 2011)

БОМБА 201: взрыв 59; атомная 18; секс 12; война, ядерная 8; взрывчатое вещество 7; взрывчатка 6; взрывать, взрывное устройство 3; большая, взорвалась, взорвать, взрывается, замедленного действия, мина, опасная, опасно, опасность, оружие, С-4, смерть, теракт 2; армейская, баба, бананы, бах-бах, бац!, в Домодедово, в подвале, в подъезде, в саду, в самолете, взрывная, взрывная штука, взрывной аппарат, взрывоопасная, гибель, граната, классная, крутое, мега интересно, новое, новость, обезврежена, ого, осколки, петарда, писк, плохо, порох, просто бомба, пулемет, разрушение, ракета, самолет, сапер, секси, сексуальная, сенсация, снаряд, статья, супер, тема дня, телка, террористы, терроризм, тетька, толстая, феноменально, фурор, Хиросима, шпора, Чернобыль, Fallout+3 1; отказ 0.

Психолингвистическое описание семантемы

1. *Взрывное устройство*, начиненное взрывчатым веществом, которое может быть использовано на войне или в теракте.

2. *Сексуальная женщина* с пышными формами.

3. *Сенсационная новость*.

4. *Записка для подглядывания во время экзамена* на большом листе бумаги.

МЕРА

Ассоциативное поле (АСУРЛ 2011)

МЕРА 103: длины 19, веса 12; наказания 7; измерение 5; вес, предосторожности 4; большая, длина 3; во всем, кусок, линейка, сантиметр 2; алтын, безопасность, в, величина, вера, весов, весы, вещей, вины, в математике, времени, время, добра, жизни, знание, знать, знать ее, измерения, и объем, исчерпана, килограмм, крутая, масса, метр, мира, надо знать, овса, показания, предел, предосторожность, пресечения, расстояния, смерти, терпения, цена, чувств 1; отказ 1.

Психолингвистическое описание семантемы

1. *Единица измерения* количественной величины.
2. *Действия* в целях безопасности.
3. *Величина измерения*, основание для оценки качества.
4. *Предел*.
5. *Инструмент измерения*.

Необходимо принимать во внимание, что при описании каждой семемы как совокупности сем «близкие по семантике ассоциативные реакции, по-разному объективирующие один и тот же семантический компонент, осмысляются как разная метаязыковая объективация одной и той же семы, формулируется соответствующая сема, а частотность сходных по семантике ассоциаций суммируется и указывается как частотность актуализации данной семы в эксперименте» [Попова, Стернин 2007: 169]. В то же время различные по семантике ассоциативные реакции фиксируются на метаязыке описания как дифференциальные признаки. Например:

БАНДИТ

Ассоциативное поле одноименного стимула (АСУРЛ 2011)

Бандит 100:вор 10; преступник 8; пистолет 5; тюрьма 3; банда, маска, нож, оружие, преступление, разбойник, убийца 2; автомат; бесполезный, неинтересный человек; беспредельщик, браток, бутылка, в черном, гад, гопник, грабеж, граната, жадный, жвачка, заключенный, закон, занимательно, зек, зло, злой, киллер, кожаная куртка, лысый; маска, пистолет; мафия, мент, мерседес, мотоцикл (SuzukiBandit), мужчина, насильник, недоделанный, неудачник, одноглазый пират, пацан, пират, плохой, плохой человек, правительство, Путин, разбой; разбой, грабеж; револьвер, ружье, с большой дороги, страшный, Ткач, товарищ, узкоглазый, хулиган, цепь, человек, человек в маске, человек в черном чулке, Чикатило, чиновник, шпана 1. Отказ 6.

Психолингвистическое описание сем отдельной семемы

Семема 1. Лицо, совершившее общественно опасное действие, часто с применением оружия.

Архисема лицо 3 (*мужчина, пацан, человек*),

сема совершившее общественно опасное действие 35 (*вор 10, преступник 8, тюрьма 3, преступление 2, разбойник 2, убийца 2, беспредельщик, гопник, грабеж, заключенный, закон, зек, киллер, мент, насильник, одноглазый пират, пират, разбой; разбой, грабеж; хулиган, шпана 1*)

сема применением оружия 15 (*пистолет 5, нож 2, оружие 2, автомат, граната; маска, пистолет; револьвер, ружье, цепь 1*)

сема вместе с другими лицами 4 (*банда 2, браток, мафия 1*),

сема носит маску 5 (*маска 2; маска, пистолет; человек в маске, человек в черном чулке 1*),

сема одеет в черное 2 (*в черном, кожаная куртка 1*), и т.п.

Набор и количество психолингвистических значений слова зависят от контингента респондентов и часто определяются их уровнем образования, социальной и профессиональной принадлежностью, возрастными и гендерными характеристиками и т.п. Таким образом, описания слов, полученные с помощью экспериментов, могут иметь отличия от их словарных дефиниций даже при лексикографическом обобщении, т.е. использовании данных нескольких лексикографических источников для получения максимально полного толкования слова. Например:

БОЛЬШЕВИК

Психолингвистическое описание семантемы

1. Член большевистской партии в России начала XX века. СИЯ 127.
  2. Наименование какого-либо предприятия в России прошлого века. СИЯ 19.
- Словарная дефиниция [Ожегов, Шведова 1994]
«Член большевистской партии. ж. большевичка, -и (разг.)».

КАМИКАДЗЕ

Психолингвистическое описание семантемы

1. Террорист-смертник. СИЯ 58.
2. Летчик-смертник в японской армии. СИЯ 51.
3. Самоубийца. СИЯ 36.
4. Рискующий жизнью при выполнении трюков циркач или спортсмен. СИЯ 18.
5. Прием в компьютерной игре. СИЯ 2.

Словарная дефиниция [Ожегов, Шведова 1994]

«Летчик, в боевой операции, идущий на гибель вместе со своим самолетом, а также боевик, идущий на гибель для совершения террористического акта».

В настоящее время активно применяется интеграция нескольких типов описания значения, так как толкования слов, полученные в результате применения различных методик описания, дополняют друг друга. Например, если суммировать несопадающие значения слова *история*, полученные в результате обобщенного лексикографического описания (7) и психолингвистического описания (5), то количество отдельных семем возрастет до 9; а интегральное описание слова *лежать* (соответственно: 12 и 13 семем) будет включать 17 значений [Рустамова, Маклакова 2020: 13–15].

Если говорить о полевом подходе к структуре значения языковой единицы, то он практически не применяется в процессе создания толковых словарей. Методика описания психолингвистического значения позволяет подтвердить полевой характер семантемы на основе вычисления индекса яркости отдельных входящих в ее состав семем, поскольку в процессе описания «сформулированные семы приводятся ... с указанием общего числа испытуемых, актуализировавших в эксперименте данную сему (индекс яркости семы), ... приводится также совокупный индекс яркости (СИЯ) – сумма числа испытуемых, актуализировавших все семы данного значения» [Попова, Стернин 2007: 168–169]. Например:

КОРОЛЕВА

Психолингвистическое описание семантемы

1. Лицо женского пола, признанное самой красивой или лучшей на каком-либо мероприятии. СИЯ 112.
2. Лицо женского пола, обладающее высшей властью в государстве. СИЯ 51.
3. Главная героиня художественного произведения. СИЯ 33.

4. Любимая девушка или женщина. СИЯ 23.
5. Дочь короля. СИЯ 18.
6. Жена короля. СИЯ 16.
7. Мать принцессы или принца. СИЯ 11.

В психолингвистическом описании семантемысоотношение ядерного и периферийных значений может быть показано с помощью специальных индексов. Различие в количественных показателях при выявлении яркости ассоциативных реакций на слово-стимул в процессе описания значений или семем отдельно взятой семантемы свидетельствует о неодинаковой степени их актуальности в языковом сознании носителей языка. Данное обстоятельство позволяет описать семантему как полевое явление с ядром и разными зонами периферии [Маклакова 2018: 65–66], что весьма информативно для тех, кто изучает язык, например:

ВЫШИБАЛА

Семема 1. Крупный и сильный мужчина, который работает в охране клуба или частного лица – *общее количество реакций* 114 (Крупный 34 и сильный 29 мужчина, который работает 3 в охране 16 клуба 31 или частного лица 1); ЯДЕРНОЕ

Семема 2. Игра в мяч с битой – *общее количество реакций* 30 (Игра 27 в мяч 1 с битой 2); ДАЛЬНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ

Семема 3. Наемный убийца – *общее количество реакций* 9 (Наемный убийца 9) КРАЙНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ

Семема 4. Мужчина, который выбивает долги – *общее количество реакций* 8 (Мужчина, который выбивает 6 долги 2); КРАЙНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ

ДЕВУШКА

Семема 1. Лицо женского пола молодого возраста – *общее количество реакций* 38 (Лицо женского пола 17 молодого возраста 21); ЯДЕРНОЕ

Семема 2. Лицо женского пола для времяпрепровождения – *общее количество реакций* 22 (Лицо женского пола 12 для времяпрепровождения 10); БЛИЖНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ

Семема 3. Любимая и милая сердцу подруга – *общее количество реакций* 13 (Любимая 3 и милая сердцу 6 подруга 4); ДАЛЬНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ

БОЕВИК

Семема 1. Фильм со стрельбой и кровавыми драками – *общее количество реакций* 124 (Фильм 95 со стрельбой 13 и кровавыми 6 драками 6; его можно смотреть 2 по телевизору 2); ЯДЕРНОЕ

Семема 2. Террорист – *общее количество реакций* 9 (Террорист 7, который взрывает 2 что-л. или кого-л.); КРАЙНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ

Семема 3. Военный, который участвует в военных действиях – *общее количество реакций* 6 (Военный 2, который участвует в военных действиях 4); КРАЙНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ

Семема 4. Герой фильма со стрельбой и кровавыми драками – *общее количество реакций* 3 (Герой 2 фильма со стрельбой и кровавыми драками 1); КРАЙНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ.

Не следует оставлять без внимания и тот факт, что при анализе слов-ассоциатов, полученных в ходе экспериментов, выявляется значительное количество языковых единиц, посредством которых участники опросов выражают свое оценочное и эмоциональное отношение к слову-стимулу.

В полученном после семной интерпретации психолингвистическом значении слова системные коннотативные семантические признаки оценки и эмоции, которые в семной семасиологии обязательно фиксируются в структуре отдельно взятой семемы, могут иметь различное наполнение в виде контрарно противоположных семных конкретизаторов. Таким образом, в одном и том же значении словаактуализируются различные виды коннотации, обозначаемые следующими семами: *неоценочное, одобрительное, неодобрительное, незмоциональное, положительно-эмоциональное, отрицательно-эмоциональное*. В этом случае наблюдается явление *коннотативной многозначности слова*, которая проявляется на уровне семантемы. Наличие в структуре отдельной семемы нескольких видов коннотативных компонентов свидетельствует о *коннотативной вариативности семемы* [Маклакова 2018: 42–43]. Например:

МУЖ

Психолингвистическое описание семемы

1. Мужчина в семье по отношению к жене;

вызывает одобрение и положительные эмоции 52 из 541 или 10% всех реакций: любимый 11 (любимый 7, дорогой, лучший, прикольный, счастье 1), надежный 9 (опора, ответственность, гарантированность, гора, опора, надежность, надежный, стена, долг 1), верный 7 (верный 5, верность, верен 1), любящий 3 (любовь 2, любящий 1), сильный 3 (сильный 2, сила 1), заботливый 3 (забота 2, заботливый 1), кормилец 2, защитник 2 (защитник, смелость), хороший 2, добрый 2, добытчик, семьянин, уважение; *(с ним)* повезло; перспективный, порядочный, справедливый, работоспособный 1;

вызывает неодобрение и отрицательные эмоции 27 из 541 или 5% всех реакций: плохой 12 (идиот 2, скука 2, дурак, плохой, тупой, тупой козел, маньяк, боль, козел 1), пьяный 6 (пьяный, алкаш, перегар, пьет, пьяница, зависимость 1), неверный 5 (измена 2, неверный, изменник, изменяет жене 1), ленивый 2 (ленивый, лентяй), надоедливый, злой 1.

ШОПИНГ

Психолингвистическое описание семемы

1. Поход по магазинам за покупками;

вызывает одобрение и положительные эмоции 5 из 100 или 5% всех реакций: вид развлечения, развлечение, гламур, терапия, удовольствие 1;

вызывает неодобрение и отрицательные эмоции 9 из 100 или 9% всех реакций: болезнь, бред, жесь, кошмар, на хер, отвратительное дело, тупняк, уныл, фигня 1.

ЧИНОВНИК

Психолингвистическое описание семемы

1. Госслужащий;

вызывает одобрение и положительные эмоции 1 из 100 или 1% всех реакций: умный 1;

вызывает неодобрение и отрицательные эмоции 45 из 100 или 45% всех реакций: бюрократ 8; взятки, взяточник 4; жадный, козел, коррупционер 2; боров, взятка, виновник, вор, воруга, карьерист, коррумпированный, коррупция, ленивый, лжец и девственник; мразь, наглый, нехороший человек, обманщик, паразит, пузатый, страшный, сухарь, толстый и тупой; тролль, тупой, чванливый, чинуша 1.

Психолингвистические эксперименты показывают, что компоненты *оценка и эмоция* во многих семемах реально представлены *коннотативной вариативностью* – одна семема содержит противоречивую коннотацию: положительные и отрицательные оценки эмоции одновременно. При этом яркость той или иной оценки или эмоции мо-

жет существенно различаться. В данных случаях исследователи имеют дело с персональным опытом участников экспериментов и актуализацией оценки и эмоции в личностном языковом сознании, которые отличаются от системных или аксиологических, т.е. принятых в обществе, норм [Маклакова 2018]. Например:

ХАКЕР

Психолингвистическое описание коннотативного макрокомпонента
одобрительное – 9% всех реакций, *неодобрительное* – 9% всех реакций, *неоценочное* – 82% всех реакций.

ФИЛОСОФ

Психолингвистическое описание коннотативного макрокомпонента
одобрительное – 19% всех реакций, *неодобрительное* – 3% всех реакций, *неоценочное* – 78% всех реакций.

ФАНАТ

Психолингвистическое описание коннотативного макрокомпонента
одобрительное – 3% всех реакций, *неодобрительное* – 14% всех реакций, *неоценочное* – 83% всех реакций.

УЧИТЕЛЬ

Психолингвистическое описание коннотативного макрокомпонента
одобрительное – 18% всех реакций, *неодобрительное* – 5% всех реакций, *неоценочное* – 77% всех реакций.

Различная и относительно невысокая яркость оценки или эмоции, зафиксированная в данных психолингвистических значениях, – это проявление индивидуального восприятия мира у участников экспериментов, свидетельство того, что неодобрение или одобрение присутствуют в сознании только отдельных индивидов. Высокая степень *неоценочности* и *неэмоциональности* таких слов в данных примерах подтверждает их нейтральную коннотацию в лексикографических источниках. Добавим, что вектор коннотации отдельных семем может меняться в связи с социально-идеологическими процессами, характеризующими общество на определенных этапах его развития, что находит свое отражение в семантике слов. Подобную оценочную лексику в связи с этим с некоторой долей условности целесообразно разделить на *хронооценочную* (оценка изменяется в определенных временных рамках) и *иконстантнооценочную* (оценка постоянна и неизменна) [Маклакова 2018].

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы отметить бесспорную перспективность психолингвистических экспериментальных исследований для семасиологии. Нереализованные проекты и «проблемные белые пятна» в этом направлении вызывают неподдельный интерес современных ученых и ждут своих исследователей. Методика описания психолингвистического значения слова на основе результатов экспериментов актуальна и весьма востребована. Она апробирована на практике и активно применяется для лексикографической фиксации значений слов, несмотря на значительную трудоемкость этого процесса.

В Воронежском государственном университете уже опубликована целая серия выпусков «Психолингвистического толкового словаря русского языка», составленного коллективом авторов под руководством И.А. Стернина. Вклад И.А. Стернина в развитие этого направления психолингвистических исследований трудно переоценить, о чем свидетельствуют его многочисленные научные труды, а также научные диссертации его учеников, защищенные под его руководством.

© Маклакова Е.А., 2022

Литература

- Алефиренко Н.Ф.* Когнитивно-семиологическая теория слова. // Вестник Самарского гос. ун-та. Гуманитарная серия. Самара, 2006. №5/1 (45). С. 102–110.
- Болдырев Н.Н.* Концептуальное пространство когнитивной лингвистики. // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18–25.
- Левицкий В.В., Стернин И.А.* Экспериментальные методы в семиологии. // Вестник БДУ. Сер. IV. №2. 1990. С. 16–17.
- Маклакова Е.А.* Семное моделирование семем в сопоставительных исследованиях. М-во образования и науки РФ, ФГБОУ ВО «ВГЛУ». Воронеж, 2018. 483 с.
- Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. М.: Восток-Запад, 2007. 314 с.
- Рустамова Р.Р., Маклакова Е.А.* Интегрированное толкование слов история и лезать (на материале ассоциативных и толковых словарей) // Семантико-когнитивные исследования. Под ред. И.А. Стернина. Вып. 11. Воронеж: издательство «РИТМ», 2020. С. 12–18.
- Стернин И.А.* О новых возможностях лингвокогнитивного анализа (концептуальный анализ и описание психолингвистического значения слова) // Лингвоконцептологии и психолингвистика. Вып. 3. Воронеж: Истоки. 2010. С. 14–27.
- Стернин И.А.* Психолингвистическое значение слова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2011. № 1. С. 5–13.
- Стернин И.А., Рудакова А.В.* Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken. 2011. 192 с.

Словари

- Ассоциативный словарь употребительной русской лексики (АСУРЛ): 1080 стимулов. Научн. ред. А.В. Рудакова, И.А. Стернин. Воронеж: издательство «Истоки», 2011. 187с.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Словарь русского языка. Российская АН; Российский фонд культуры. М.: АЗЪ, 1994. 928с.

Сведения об авторе:

Маклакова Елена Альбертовна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова»

Контактная информация:

394613, г. Воронеж, ул. Тимирязева, д. 8.

ORCID: 0000-0001-6904-3808

email: elena.maklakova5@mail.ru

Для цитирования:

Маклакова Е.А. К вопросу об экспериментальном описании семантики языковых единиц // Вопросы психолингвистики № 2(52) 2022, С. 53–64, doi: 10.30982/2077-5911-2022-52-2-53-64

UDC 801.3

LBC 81.05

DOI 10.30982/2077-5911-2022-52-2-53-64

Research article

ON THE QUESTION OF EXPERIMENTAL DESCRIPTION SEMANTICS OF LANGUAGE UNITS

Elena A. Maklakova

Voronezh State University of Forestry and Technologies, Voronezh, Russia

Abstract

The article discusses the levels of description of the meaning of a word, among which a psycholinguistic description is singled out, made on the basis of the results of psycholinguistic experiments. The author points out the merits and advantages of the experimental technique, dwelling on the essential points of its application. The psycholinguistic meaning of a word is described as a set of semantic components identified through special processing of experimental results, which are the reactions of native speakers to stimulus words as a reflection of their linguistic consciousness. On specific examples, the article shows the methods of sememe and seme interpretation of the linguistic material obtained in the course of psycholinguistic experiments. The possibilities of this technique are considered and theoretically substantiated when fixing the connotative macro-component of the meaning. The necessity of a comprehensive integrated approach to the description of the semantics of a word, including a generalized lexicographic description, the results of contextual analysis and psycholinguistic experiments, is emphasized. In this case, much attention should be paid to the field approach to the semantic structure of word meanings, since in traditional explanatory dictionaries the arrangement of word meanings does not always correspond to the semantic core-periphery principle. Accounting for quantitative indicators that mark the brightness and, accordingly, a high level of communicative relevance of the associative reactions of the participants in the experiments, is essential for the implementation of the field structuring of semantemes and sememes. The article notes the invaluable contribution of the scientific and theoretical school of Voronezh State University in the field of general and Russian linguistics and personally I.A. Sternin in the development of the theoretical foundations of the psycholinguistic description of the meaning of the word. This direction has been applied in the form of a whole series of "Psycholinguistic explanatory dictionaries of the Russian language" published under the editorship and with the direct participation of the well-known linguist, which contributes to the further progress of psycholinguistic lexicography.

Keywords: word semantics, psycholinguistic description, lexicographic interpretation, semanteme, sememe, semantic feature.

©Maklakova E.A., 2022

Bionotes:

Elena A. Maklakova – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G.F. Morozov

Contact information:

8, Timiryazeva St., Voronezh, Russian Federation, 394613

ORCID:0000-0001-6904-3808

email: elena.maklakova5@mail.ru

For citation:

Maklakova E.A.(2022) On the question of experimental description semantics of language units. *Journal of Psycholinguistics*. 2(52), P. 53–64. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2022-52-2-53-64 (in Russian)

ОБ ОДНОМ ИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ КОММУНИКАТИВНЫХ НАВЫКОВ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ

Новичихина Марина Евгеньевна

Воронежский государственный университет,
Воронеж, Россия

Аннотация

Данная работа продолжает исследовательские традиции, заложенные доктором филологических наук, профессором И.А. Стерниным, и посвящена результатам исследования коммуникативных навыков современных студентов-первокурсников.

В качестве теоретического введения к описанию проведенного исследования постулируется необходимость дифференциации ряда понятий, активно используемых в теории коммуникации и нередко смешиваемых в научном и обыденном сознании: коммуникативная компетентность, коммуникативная компетенция, коммуникативный навык, коммуникативная грамотность. В частности, под коммуникативной компетентностью предложено понимать степень сформированности опыта взаимодействия индивида с окружающими людьми, а под коммуникативной компетенцией – систему внутренних ресурсов, необходимых для построения эффективной коммуникации. В свою очередь, коммуникативные компетенции предложено рассматривать как совокупность конкретных коммуникативных навыков, которые позволяют индивиду реализовывать адекватные модели общения в той или иной коммуникативной ситуации. Разграничение приведенных понятий позволило в дальнейшем сосредоточить внимание на таком объекте исследования, как коммуникативные навыки. В основу исследования положен метод анкетирования, а его целью стало выявление конкретных коммуникативных затруднений, испытываемых анкетирруемыми (которыми явились современные студенты), а также истоков этих затруднений. Ситуации общения, вызывающие наибольшие затруднения у опрашиваемых, подвергались фиксации и дальнейшему количественному и качественному анализу. Результатом исследования явился, с одной стороны, перечень реальных коммуникативных затруднений, испытываемых студентами, и их причин, а с другой стороны, подтверждение тезиса о том, что несформированность коммуникативных навыков может и должна быть устранена в ходе изучения студентами дисциплин коммуникативного цикла.

Ключевые слова: коммуникация, общение, коммуникативная компетентность, коммуникативная компетенция, коммуникативный навык, коммуникативная грамотность

Введение

Одним из направлений многогранной деятельности И.А. Стернина явились научные исследования в области современной коммуникации (межличностная, групповая, массовая, профессиональная, деловая, межкультурная коммуникация, риторика и речевое воздействие), а также обучение эффективной коммуникации различных слоев населения.

В частности, в 1991 г. в городе Воронеже по инициативе И.А. Стернина на базе Института усовершенствования учителей (ныне – Воронежский институт развития образования) была создана кафедра общей филологии и речевого воздействия, которая позднее трансформировалась в кафедру теории и практики коммуникации. На протяжении более 15 лет кафедра занималась как совершенствованием коммуникативных навыков современных учителей, так и исследованием состояния этих навыков у педагогов и школьников. Целый ряд научных и методических публикаций сотрудников кафедры (например [Гришук 2000; Лазуренко 2004; Чернышова, Стернин 2004]) стал тому прямым подтверждением.

В те же годы была заложена традиция проведения научно-практической конференции «Культура общения и ее формирование», которая смогла объединить и ученых-исследователей, и учителей, и старшеклассников – и в этом заключалась ее уникальность.

Подготовка под руководством И.А. Стернина комплекта учебных пособий по культуре общения стала отдельной вехой в истории Воронежского образования [Стернин, Гришук, Мудрова 2005; Стернин, Лазуренко Мудрова 2005; Стернин, Рудакова, Мудрова 2005; Стернин, Журавлева, Мудрова 2005; Стернин, Новичихина 2005] и, одновременно, отправной точкой начала преподавания в средних школах отдельного учебного предмета – «Культура общения».

С этого момента работы по исследованию коммуникативных навыков педагогов и школьников приобрели регулярный характер.

Подход к изучению коммуникативных проблем, предложенный И.А. Стерниным, сотрудники кафедры перенесли позднее на исследования других категорий – руководителей, политиков, студентов и т.д.

Данное исследование, проведенное на материалах опросов современных студентов, также целиком и полностью осуществлено в рамках исследовательских традиций, заложенных И.А. Стерниным.

Обзор основных понятий

В перечне компетенций, формируемых современной высшей школой, крайне важное и, между тем, весьма неоднозначное и специфичное место занимают так называемые коммуникативные компетенции. Их неоднозначность, в значительной степени, обусловлена неоднозначностью трактовки и смешением некоторых родственных понятий, таких как коммуникативная компетентность, коммуникативная компетенция, коммуникативный навык, коммуникативная грамотность и т.п. В рамках данной работы предлагается понимать перечисленные понятия следующим образом.

Коммуникативная компетентность – это определенный уровень сформированности личностного и профессионального опыта взаимодействия с окружающими, который необходим индивиду, чтобы успешно выполнять свою социально-профессиональную роль (см.: [Воронин, Сысоенко 2004; Богачева 2011] и др.). К понятию коммуникативной компетентности в том или ином варианте понимания обращаются И.А. Зимняя [Зимняя 2004], А.А. Леонтьев [Леонтьев 2005], Ю.П. Расторгуева [Расторгуева 2004] и др.

Понятие коммуникативной компетентности, которая представляет собой некоторую характеристику личности, не следует отождествлять с понятием *коммуникативной компетенции*. Дефиниции последнего понятия уделяют внимание О.В. Ишаева [Ишаева 2021], К.Ф. Седов [Седов 2004], В.В. Сафонова [Сафонова 2004] и др.

Коммуникативную компетенцию будем трактовать как систему внутренних ресурсов, необходимых для построения эффективного коммуникативного воздействия

в ситуациях межличностного взаимодействия; это совокупность личностных свойств и возможностей, а также языковых и внеязыковых знаний и умений, обеспечивающих коммуникативную деятельность человека. По словам Д. Хаймса, исследователя, который ввел в употребление этот концепт, суть коммуникативных компетенций состоит в том, чтобы знать, «когда следует говорить и когда – молчать, о чем следует говорить, с кем, когда, где, в какой форме» [Hymes 1972: 269–293]. Как справедливо пишет Н.Д. Десяева, «целесообразно говорить не столько о коммуникативной компетенции, сколько о коммуникативных компетенциях – системных образованиях, включающих собственно умения..., способность..., готовность...осуществлять разные виды коммуникации в различных ситуациях» [Десяева 2015: 266].

В свою очередь, коммуникативные компетенции можно представить как совокупность коммуникативных навыков, которые позволяют человеку выбирать уместные модели речевого поведения в зависимости от ситуации общения. Коммуникативную же грамотность логично понимать как грамотность человека в области общения.

Материалы и методы исследования

Отмеченная выше специфичность коммуникативных компетенций и коммуникативных навыков упирается в следующее противоречие. С одной стороны, никто не оспаривает их значимость, более того, систематически утверждается, что коммуникативные навыки являются основной составляющей профессионального успеха, составляющей профессиональных навыков. Априори утверждается, что высокая коммуникативная культура – важнейшее требование нашего времени. С другой стороны, молчаливо предполагается, что каждый человек, владеющий речью и способный посредством речи контактировать с окружающими людьми, обладает необходимым набором коммуникативных навыков. В результате, до недавнего времени дисциплины коммуникативного цикла занимали весьма скромное место в системе подготовки бакалавров, магистрантов и специалистов в высшей школе. Следует, однако, с удовлетворением констатировать, что в настоящее время ситуация стала меняться. В частности, на факультете журналистики Воронежского государственного университета уже на протяжении ряда лет читаются такие дисциплины, как «Основы теории коммуникации», «Риторика», «Принципы ведения переговоров», «Речевое воздействие» и др. Одной из целей названных учебных дисциплин становится овладение принципами построения эффективной коммуникации. Именно поэтому практические занятия по этим предметам нацелены исключительно на формирование тех или иных коммуникативных навыков, что, несомненно, является положительным моментом в обучении. Между тем, остается открытым следующий вопрос: насколько востребованы в студенческой среде формируемые коммуникативные навыки и насколько осознается эта востребованность самими обучающимися? Кроме того, несомненный интерес представляет формирование перечня наиболее частотных для студентов коммуникативных затруднений. Такой перечень, бесспорно, позволит осуществить адресную разработку практических заданий, нацеленных на разрешение соответствующих коммуникативных проблем.

Поставленный выше вопрос, а также практическая задача формирования перечня наиболее частотных затруднений в общении явилась первопричиной проведенного впоследствии исследования.

Основной составляющей этого исследования явилось анкетирование студентов. Предлагаемая им анкета состояла из трех частей. Первая часть предполагала ответ на вопрос: «*Испытывали ли вы когда-либо затруднения в общении?*» Опрашиваемые

могли выбрать один из двух вариантов ответа: «да» или «нет». Следующая часть анкеты была направлена на выявление ситуаций общения, вызывающих наибольшие затруднения (вопрос: «*Какие ситуации общения вызывают у вас наибольшие затруднения?*»). В качестве возможных вариантов ответов, из которых можно было выбрать и отметить любое количество, предлагались, например, следующие:

- *поздороваться с малознакомым или незнакомым человеком в лифте;*
- *спросить дорогу у случайного встречного;*
- *признать перед кем-то вслух свою вину за совершенный проступок;*
- *отказать кому-либо в просьбе;*
- *познакомиться с девушкой (молодым человеком);*
- *покритиковать некачественно выполненную кем-либо работу;*
- *высказать свою точку зрения на собрании, в компании и т.п.;*
- *завершить разговор с надоедливym собеседником;*
- *задать вопрос преподавателю;*
- *высказывать несогласие с мнением собеседника;*
- *поддержать начатый кем-то разговор;*
- *ответить на чей-то вопрос в официальной ситуации;*
- *обратиться с просьбой к кому-либо;*
- *вступить первым в общение с кем-либо;*
- *признать свою неправоту перед окружающими людьми;*
- *бесконфликтно отреагировать, когда вам делают замечание;*
- *подобрать слова, когда вас обидели;*
- *подобрать аргументы к словам;*
- *сделать комплимент кому-либо;*
- *доверительно поговорить с кем-либо;*
- *адать какой-нибудь деликатный вопрос;*
- *выстроить диалог с агрессивным собеседником;*
- *отреагировать на грубые и нетактичные замечания и др.*

Приведенный перечень вариантов реагирования на вопрос 2 был сформирован по результатам пилотного эксперимента, проведенного с другими участниками на подготовительном этапе. Вопрос, адресованный респондентам, предполагал также и фиксацию своего варианта (строка «*другое*»).

Наконец, третья часть анкеты была нацелена на выявление причин затруднений, возникающих в общении (вопрос: «*По какой причине, с вашей точки зрения, у вас возникают затруднения в общении?*»). В данном случае также можно было выбрать и отметить любое количество вариантов ответов; сами варианты, как и ранее, были сформированы по итогам проведенного на подготовительном этапе пилотного эксперимента, среди них фигурировали, например, такие:

- *несформированность навыков эффективного общения;*
- *стеснительность;*
- *страх услышать отказ;*
- *боязнь нарваться на агрессию;*
- *боязнь сформировать о себе негативное представление;*
- *боязнь показаться смешным и т.п.*

Вопрос, адресованный респондентам, допускал также и свой вариант ответа (строка «*другое*»).

Таким образом, материалом для описываемого исследования послужили ответы респондентов, полученные в ходе проведенного анкетирования.

Респондентами в проведенном исследовании явились студенты 1-го курса факультета журналистики ВГУ; общее количество опрошенных – 310 человек. Хронологические рамки исследования – 2018–2021 гг.

Результаты и обсуждение

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о следующем:

87,1% опрошенных утвердительно ответили на вопрос, испытывают ли они затруднения в общении;

12,9% на тот же вопрос ответили отрицательно. Примечательно, что все без исключения респонденты, давшие отрицательный ответ на поставленный вопрос, выбрали от одного до пяти вариантов ответов на вопрос 2 (о ситуациях общения, вызывающих наибольшие затруднения), что свидетельствует, очевидно, о стремлении респондентов дать «правильный», «предпочтительный» ответ;

результаты сопоставления анкет первокурсников по разным годам поступления показали, что в 2018/2019 г. соотношение респондентов, ответивших утвердительно/отрицательно на вопрос 1, составило 89,1%/10,9%, в 2019/2020 учебном году соотношение составило 88,7%/11,3%, а в 2021/2022 учебном году – 84,1%/15,9% соответственно. Однако в условиях постепенного возрастания доли непризнания самого факта затруднений в общении, количество отмеченных вариантов затруднений в общении (см. вопрос 2) неуклонно возрастает. Такое противоречие может свидетельствовать как о методических проблемах организации самого анкетирования, так и о психологическом неприятии обучаемыми факта наличия коммуникативных затруднений, нарастающем с течением времени. В свою очередь, подобное неприятие может быть обусловлено отмеченным выше смещением коммуникативных навыков и навыков элементарного говорения.

Результаты анализа ответов на вопрос 2 анкеты показал, что наиболее частотными затруднениями в общении у студентов 1 курса оказываются следующие:

- *покритиковать некачественно выполненную кем-либо работу (34%);*
- *выстроить диалог с агрессивным собеседником (32%);*
- *подобрать слова, когда вас обидели (26%);*
- *вступить первым в общение с кем-либо (24%);*
- *привлечь внимание нужного мне человека (отвлечшегося на что-то; продавца в магазине, разговаривающего с кем-то водителя маршрутки и т.п.) (22%);*
- *задать какой-нибудь деликатный вопрос (20%);*
- *отреагировать на грубые и нетактичные замечания (20%);*
- *отреагировать на попытку познакомиться со стороны девушки (молодого человека) (20%);*
- *признать перед кем-то вслух свою вину за совершенный проступок (18%);*
- *высказать свою точку зрения на собрании, в компании и т.п. (18%);*
- *бесконфликтно отреагировать, когда вам делают замечание (18%);*
- *ответить на чей-то вопрос в официальной ситуации (16%);*
- *попросить кого-то сфотографировать вас (16%);*
- *поддерживать начатый кем-то разговор (14%);*
- *признать свою неправоту перед окружающими людьми (14%);*
- *подобрать аргументы к словам (14%);*

• *отреагировать на попытку пожилого человека заговорить с вами в автобусе (12%);*

• *поздороваться с малознакомым или незнакомым человеком в лифте (10%);*

• *обратиться с просьбой к кому-либо (10%);*

• *задать вопрос преподавателю (10%).*

Оставшиеся варианты ответов носят менее частотный характер (менее 10%) (здесь и далее суммарный процент превышает 100, т.к. респондент мог отметить любое количество вариантов).

Результаты анализа ответов на вопрос 3 анкеты показали, что наиболее частотными причинами затруднений в общении первокурсников являются:

• *боязнь сформировать о себе негативное представление (87%);*

• *стеснительность (39%);*

• *боязнь нарваться на агрессию (33%);*

• *боязнь показаться смешным (24%);*

• *страх услышать отказ (16%);*

• *несформированность навыков эффективного общения (13%).*

Оставшиеся выбранные причины затруднений в общении имеют менее частотный характер (менее 10%).

Заключение

В целом, проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы: большинство опрошенных первокурсников испытывают коммуникативные затруднения;

выявленные затруднения лежат в различных плоскостях – как, например, профессиональной (*покритиковать некачественно выполненную кем-либо работу, ответить на чей-то вопрос в официальной ситуации, высказать свою точку зрения на собрании и т.д.*), так и личностной (*задать какой-нибудь деликатный вопрос,отреагировать на попытку познакомиться со стороны девушки (молодого человека), поздороваться с малознакомым или незнакомым человеком в лифте и др.*);

основная часть причин выявленных затруднений в общении имеет психологическую природу;

отдельной значимой причиной затруднений в общении можно назвать несформированность коммуникативных навыков;

выявленная несформированность коммуникативных навыков может и должна быть устранена в ходе изучения студентами дисциплин коммуникативного цикла.

В целом в описанном исследовании была продолжена традиция изучения коммуникативных навыков различных слоев населения, заложенная И.А. Стерниным.

©Новичихина М.Е., 2022

Литература

Богачева Т.Г. К вопросу о коммуникативной социальной компетентности // Вестник ННПУ. 2011. № 3. С. 6–12.

Воронин В.В., Сысоенко А.Н. Развитие коммуникативной компетентности управленца средствами акмеологического тренинга. М., 2004. 56 с.

Грицук Е.И. Концепт «толерантность» в сознании учащихся // Вестник ВИПКРО. Вып.6. 2000. С. 127–131.

Десяева Н.Д. Профессиональные коммуникативные компетенции и возможности их формирования в условиях действия современных образовательных стандартов // Вестник Университета.2015. № 3. С. 266–269.

Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. 38 с.

Ишаева О.В. Роль коммуникативной компетенции в подготовке студентов лингвистов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. 2021. № 3. С. 59–61.

Лазуренко Е.Ю. Коммуникативное поведение руководителя в оценке подчиненных и самооценке // Коммуникативные исследования 2004. Воронеж, 2004. С. 46–51.

Леонтьев А.А. Психология общения. 3-е изд. М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2005. 348 с.

Расторгуева Ю.П. Личностная обусловленность развития коммуникативной компетентности у студентов – будущих специалистов по социальной работе: Автореф. дис. ...канд. психол. наук. Краснодар, 2007. 22 с.

Сафонова В.В. Коммуникативная компетенция: современные подходы к многоуровневому описанию в методических целях. М.: Еврошкола, 2004. 236 с.

Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М., 2004. 320 с.

Стернин И.А., Грищук Е.И., Мудрова Л.Д. Культура общения. 5 класс. Изд. 2, перераб. Воронеж, 2005. 149 с.

Стернин И.А., Журавлева Н.В., Мудрова Л.Д. Культура общения. 8 класс. Изд. 2, перераб. Воронеж, 2005. 172 с.

Стернин И.А., Лазуренко Е.Ю., Мудрова Л.Д. Культура общения. 6 класс. Изд. 2, перераб. Воронеж, 2005. 135 с.

Стернин И.А., Новичихина М.Е. Культура делового общения. Вып. 2, испр. и перераб. Воронеж. 2005. 232 с.

Стернин И.А., Рудакова А.В., Мудрова Л.Д. Культура общения. 7 класс. Изд. 2, перераб. Воронеж, 2005. 152 с.

Чернышова Е.Б., Стернин И.А. Коммуникативное поведение дошкольника. Воронеж: изд-во «Истоки», 2004. 210 с.

Hymes D. On Communicative competence. In J.V. Pride and J. Holmes (eds.). Sociolinguistics. Selected Readings. Harmondsworth: Penguin, 1972. Pp. 269–293.

Сведения об авторе:

Новичихина Марина Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна Воронежского государственного университета

Контактная информация

394018, г. Воронеж, Университетская пл., 1, Воронежский государственный университет

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0401-2688>

e-mail: novichihiname@mail.ru

Для цитирования:

Новичихина М.Е. Об одном из исследований коммуникативных навыков современных студентов // Вопросы психолингвистики № 2(52) 2022, С. 65–72, doi: 10.30982/2077-5911-2022-52-2-65-72

UDC 81'23-057.87

LBC 81.055.1

DOI 10.30982/2077-5911-2022-52-2-65-72

Research article

ON ONE STUDY OF MODERN STUDENTS' COMMUNICATION SKILLS

Marina E. Novichihina

Voronezh State University, Voronezh, Russia

Abstract

This paper continues the research traditions established by Doctor of Philological Sciences, Professor I.A. Sternin and is devoted to the results of the study of communicative skills of modern first-year students.

As a theoretical introduction to the description of the conducted research, it postulates the need to differentiate a number of concepts that are actively used in communication theory and are often mixed in scientific and everyday consciousness: communicative competence, communicative competency, communicative skill, communicative literacy. In particular, communicative competence is proposed to be understood as a degree of experience of interaction between an individual and others, and communicative competency as a system of internal resources necessary to build effective communication. In turn, communicative competency is considered as a set of specific communicative skills that allow the individual to implement adequate models of communication in a particular communicative situation. The distinction of these concepts allowed to further focus on such an object of research as communication skills. The research was based on the questionnaire method, its purpose being to identify the specific communication difficulties experienced by the respondents (i.e., modern students), as well as the origins of these difficulties. The communication situations that are most difficult for interviewees have been captured and further quantified and analysed. The result of the study was, on the one hand, a list of real communication difficulties experienced by students and the causes of these difficulties, and on the other hand, the confirmation of the thesis that the lack of communication skills can and should be eliminated during the study of the disciplines of the communication cycle.

Keywords: communication, intercourse, communicative competence, communicative competency, communicative skill, communicative literacy

©Novichihina M.E., 2022

Bionotes:

Marina E. Novichihina – Doctor of Phylology, Professor, Department of the of the Public Relations, advertising and design Department, VGU

Contact information:

Universitetskaya pl., 1, Voronezh, Russia, 394018

ORCID: 0000-0002-0401-2688

email: novichihiname@mail.ru

For citation:

Novichihina M.E. (2022) On one study of modern students' communication skills. *Journal of Psycholinguistics*. 2(52), P7 65–72, Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2022-52-2-65-72 (in Russian)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ¹

Рудакова Александра Владимировна
ФГБОУ «Воронежский государственный университет»,
Воронеж, Россия

Аннотация

Целью настоящей работы является описание теоретических проблем нового направления – психолингвистической лексикографии. Накопление большого фактического экспериментального материала потребовало разработки принципов фиксации психолингвистического описания значения слова в лексикографических источниках. Теоретической основой исследования послужили идеи профессора И.А. Стернина, основателя Воронежской психолингвистической школы, о возможности описания психологически реальной семантики слова по данным эксперимента и о формировании психолингвистической семасиологии, основным понятием которой является понятие психолингвистического значения слова (значения слова, представленного в языковом сознании носителя языка), а основным методом – метод семантической интерпретации данных эксперимента.

В статье указаны основные отличия психолингвистических и традиционных толковых словарей.

Была разработана классификация типов психолингвистических словарей. Выделены два типа психолингвистических словарей – ассоциативные словари и семантические словари. Принципы подачи семантического материала в психолингвистических лексикографических источниках имеют ряд отличительных черт по сравнению с ассоциативными словарями, основное из которых – указание степени яркости отдельных семантических признаков и отдельных значений и их расположение в порядке убывания индекса яркости.

В статье представлены общий алгоритм создания психолингвистического семантического словаря и структура его словарной статьи. Важным вопросом при создании психолингвистического толкового словаря является критерий отбора его единиц. Предлагаются следующие принципы для отбора единиц словника данного типа словарей: 1) частотность слова; 2) социальная значимость; 3) семантическая нестабильность; 4) семантическая дифференциация; 5) частеречная принадлежность.

Отдельное направление психолингвистической лексикографии представляют дифференциальные словари, которые содержат сопоставительное описание семантики слова в групповом языковом сознании, показаны вариативные возможности построения словарной статьи дифференциальных психолингвистических словарей, приведены образцы фиксации психолингвистических значений слов в дифференциальных психолингвистических словарях русского языка.

Ключевые слова: психолингвистика, лексикография, семантика, языковое сознание, эксперимент

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №20-012-00013 «Дифференциальное описание семантики слова в русском языковом сознании и проблема его лексикографической фиксации».

Современной психолингвистикой накоплен большой объем экспериментальных данных, направленных на изучение семантики слова, выполнены семантические исследования языкового сознания носителей языка [Апресян 1965; Боргоякова 2002; Бутакова 2013; Виноградова 2016; Высочина 2001; Гуц 2005; Залевская 2013; Залевская 2014; Карабулатова 2002; Лебедева 1991 и др.], однако до настоящего времени ни в отечественной, ни в зарубежной психолингвистической науке не разработана единая теоретическая база психолингвистического описания семантики слов, а результаты исследований не представлены в общедоступной лексикографической форме. Разработка методики описания психолингвистического значения слова и его лексикографической фиксации устраняет этот пробел в научных исследованиях.

Данное исследование, выполненное в русле идей заслуженного деятеля науки РФ Иосифа Абрамовича Стернина [Стернин 2005; Стернин 2006; Стернин 2011; Стернин 2020а; Стернин 2020б и др.], посвящено теоретическому обоснованию нового направления в изучении семантики слова – *психолингвистической семасиологии*, разработке ее основных понятий и методов, а также способов и приемов практического отражения результатов психолингвистической семасиологии в лексикографических изданиях разного типа.

Основным понятием психолингвистической семасиологии является понятие *психолингвистического значения слова*, под которым понимается упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка на определенном этапе развития общества, в определенный временной период, и которые выявляются и описываются по результатам психолингвистических экспериментов [Стернин 2011].

Основным методом описания результатов исследования в психолингвистической семасиологии является *метод семантической интерпретации экспериментальных данных*, позволяющий соотнести результаты экспериментов с системой традиционных лингвистических описаний. Метод семантической интерпретации экспериментальных данных заключается в осмыслении экспериментальных данных как языковых репрезентаций семантических компонентов исследуемого слова на семном и семемном уровнях и может быть применен к экспериментальному материалу, полученному любым психолингвистическим методом.

Семантическую интерпретацию предваряет метод обобщения экспериментальных реакций, который предполагает объединение разных ассоциатов (ответов), вербализующих один и тот же по содержанию семантический признак, и метаязыковое формулирование данной семантической реалии. При использовании результатов нескольких психолингвистических методов используется метод интеграции данных разных экспериментов.

Психолингвистическое описание значения слова выполняется по разработанному алгоритму, включающему в себя ряд последовательных действий по семантической интерпретации психолингвистических данных. Результатом такого описания является психолингвистическая модель описания значения слова, в соответствии с которой в семной структуре каждой отдельной описываемой семемы выявляются и фиксируются все актуализированные типы сем в установленном данной моделью порядке. Для представления психолингвистических значений слов могут быть использованы вариативные виды модели, смоделированные для отдельных классов языковых единиц с учетом их специфики (слов отдельной части речи, ЛСГ в пределах одной части речи, синонимических рядов, тематических групп и др.).

Психолингвистическое описание значения слова способствует формированию *психолингвистической лексикографии*, отражающей в виде словарных статей психолингвистических словарей разных типов результаты семантической интерпретации экспериментальных данных. Под *психолингвистическими словарями* мы понимаем словарные издания, фиксирующие результаты психолингвистических экспериментов. «На современном этапе своего развития лексикография переходит от процесса “наделения” рядовых носителей русского языка языковым сознанием профессионального лингвиста к фиксации ровно той информации и в том виде, в которой она имеется, хранится в обыденном сознании носителей языка. В период антропоцентризма в лексикографии происходит обращение к человеку как носителю языка, причем он из пассивной роли адресата переходит в активную роль автора» [Дударева 2017: 155].

Принципы подачи семантического материала в психолингвистических лексикографических источниках имеют ряд отличительных черт по сравнению с ассоциативными словарями, основное из которых – указание степени яркости отдельных семантических признаков и отдельных значений и их расположение в порядке убывания индекса яркости.

Основными отличиями психолингвистических и традиционных толковых словарей являются следующие.

1. Словари содержат разные типы значений: в толковом словаре традиционного типа представлено лексикографическое значение слова, в психолингвистическом толковом словаре – психолингвистическое значение.

В толковом словаре представлен лексикографический конструкт (лексикографическое значение слова, которое составлено по личному опыту лексикографа и соответствует речевому употреблению, обычно письменному, литературно-художественному), психолингвистический словарь содержит психологически реальное значение данного слова (семантический конструкт; психолингвистическое значение).

2. Существующие на данный момент толковые словари представляют ограниченный по какому-либо критерию словник и семемы лексем (обычно нормированные лексические единицы и их семемы), в психолингвистическом словаре данное ограничение устранено – лексемы описаны с теми семемами, которые являются актуальными для носителей русского языка, в словаре приводятся также индивидуальные и «ложные» (с точки зрения лингвиста) семы и семемы.

3. Словарная статья психолингвистического словаря содержит дополнительную информацию, важную для носителя языка, но по каким-либо причинам (объем словаря, этические требования и др.) отсутствующую в «обычном» толковом словаре: релятивную, коннотативную, метаязыковую части.

4. Базой для формулирования психолингвистического значения являются результаты свободного ассоциативного или иного эксперимента. Базой традиционного толкового словаря обычно являются текстовые примеры словоупотребления, а также личный лингвистический опыт лексикографа.

Разработка принципов фиксации значения слова по данным эксперимента позволяет предложить следующую классификацию психолингвистических изданий.

Психолингвистические словари могут быть представлены двумя типами.

Первый тип – ассоциативные словари, описывающие ассоциативно-вербальную сеть какой-либо группы носителей языка. В настоящее время существует достаточно большое количество ассоциативных словарей [АСРН 2004; АСУРЛ 2011; ЕВРАС 2014;

РАС 2002; САНРЯ 1977; САС 2004 и др.]. Типология ассоциативных словарей представлена в монографии Е.И. Горошко «Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента» [Горошко 2001] и в учебном пособии В.Е. Гольдина и А.П. Сдоновой «Русская ассоциативная лексикография» [Гольдин 2008].

Второй тип психолингвистических словарей представлен семантическими словарями, содержащими перечисление сем и/или семем, актуализованных в ходе психолингвистических экспериментов в виде ассоциатов, субъективных дефиниций или материалов лингвистических опросов.

Психолингвистические семантические словари могут быть классифицированы по следующим критериям:

1) ассоциативные семантические словари (словари, описывающие ассоциативно-вербальную сеть носителей языка с минимальной – по некоторым основаниям – семантической классификацией реакций): а) ассоциативные семные словари; б) ассоциативные семемные словари (примером подобного словаря являются «Материалы к ассоциативно-семантическому словарю жителей города Омска» Л.О. Бутаковой, [Бутакова 2012; Гуц 2004; Патсис 2005 и др.]);

2) психолингвистические толковые словари (словари, основывающиеся на материале психолингвистических экспериментов и содержащие перечисление сем и/или семем исследованных слов-стимулов); подобные словари также можно назвать семно-семемными словарями.

По отражаемому в описании языковому сознанию выделяют психолингвистические общие (общенародные) словари, фиксирующие общее языковое сознание носителей языка без какой-либо групповой дифференциации (например, в 2012 г. был опубликован «Словарь обыденных толкований русских слов. Лексика природы» [СОТРС 2012]) и психолингвистические групповые словари, фиксирующие языковое сознание отдельных групп испытуемых по полу, возрасту, территории и др. (исследование Е.Н. Гуц, Н.Ю. Одиноквой, А.П. Палкина и др. [Гуц 2004; Одинокова 2007; Палкин 2010]).

По характеру описания семантики слова психолингвистические словари могут быть представлены интегральными (описательными) словарями, отражающими обобщенное языковое сознание носителей языка и интегрирующими результаты экспериментов с представителями разных групп, а также дифференциальными словарями, содержащими параллельные дифференциальные описания семантики одного слова в разных группах носителей языка (гендерный психолингвистический словарь, возрастной психолингвистический словарь, региональный психолингвистический словарь, профессиональный психолингвистический словарь, темпоральный психолингвистический словарь и др.).

Если описание значения слова основано на данных одного эксперимента, то такие словари относятся к психолингвистическим моноэкспериментальным изданиям. Описание значения слова, сформулированное по данным двух и более экспериментов, содержат психолингвистические комплексные (полиэкспериментальные) словари.

По полноте представленной лексикографической информации выделяют интегральный толково-психолингвистический словарь (содержит наиболее полное описание значения слова, например, сочетание лексикографического, контекстуального и психолингвистического значений слова) и словарь языкового сознания (собственно психолингвистический толковый словарь, в котором приводятся только выявленные и верифицированные психолингвистическими экспериментами значения, включая индивидуальные и рецептивные).

По типу лексики, представленной в словарном источнике, возможно создание психолингвистического словаря онимов (содержит описание семантики собственных имен, например [ПЛТСРЯ 2018]) и психолингвистического словаря апеллятивов (содержит описание семантики нарицательных имен, например [ПЛТСРЯ 2019]).

Психолингвистический динамический (темпоральный) словарь включает описание языкового сознания носителей языка двух и более временных периодов [Рудакова 2017].

Важным вопросом при создании психолингвистического толкового словаря является критерий отбора его единиц. Предлагаем следующие *принципы для отбора единиц словарика* данного типа словарей: 1) частотность слова: частотные слова; 2) социальная значимость: культурно-, общественно- и/или политически значимые лексемы; 3) семантическая нестабильность: активно семантически развивающиеся, изменяющиеся на современном этапе; единицы с нечеткой семантикой (разговорные, сленговые, оценочные); новые единицы языка (с еще не устоявшейся семантикой); 4) семантическая дифференциация: трудно семантически дифференцируемые синонимы; слова, имеющие групповые семантические различия (гендерные, возрастные, региональные, профессиональные и др.); 5) частеречная принадлежность: слова разных частей речи (как знаменательных, так и служебных).

Представим *структуру словарной статьи* Психолингвистического толкового словаря.

1. Заголовочное слово

Заголовочное слово (имя стимула) приводится в начале статьи и выделяется полужирным шрифтом: например, ГЛАЗ.

2. Ассоциативное поле стимула

Приводится экспериментальный материал (ассоциативное поле, полученное по результатам свободного или направленного эксперимента; данные, полученные методом субъективной дефиниции), семантическая интерпретация которого осуществляется при формулировании значения слова; указывается тип эксперимента, количество испытуемых и год проведения эксперимента. В качестве примера приведем ассоциативное поле стимула ГЛАЗ (ЕВРАС 2014; 538 ии):

ГЛАЗ 538: алмаз 58; око 56; зрение 31; голубой 24; зеленый 20; видеть 16; карий 15; зрачок 13; красивый 12; зоркий, лицо, нос 11; большой, очки, ресницы 10; орган, смотреть 9; красный 8; веко, синий, яблоко 6; взгляд, острый 5; всевидящий, линза, один, стеклянный, шоколадный 4; бровь, долой, зеркало, красота, круглый, орлиный, ресница, роговица 3; вид, видит, выколоть, косой, левый, наметан, наметанный, орла, открытый, очи, подбитый, правый, серый, третий, ухо, фильм, человек, человека, черный 2; Амир, анализаторы, болит, больной, бояться, в голове, в ночи, Вероны ... ясно 1; отказ 2.

3. Краткая дефиниция значения

Приводится краткое психолингвистическое толкование каждого значения с опорой на архисему и 2-3 яркие семы (для краткого наименования семемы при анализе структуры значения слова):

ГЛАЗ. 1. Орган зрения с голубым, зеленым зрачком.

4. Развернутая психолингвистическая дефиниция слова

Приводится развернутое связанное психолингвистическое толкование значения слова по результатам экспериментов с указанием индекса яркости каждого семантическо-

го компонента; перечисляются денотативные семы по психолингвистической модели, представленной ранее.

В основной части толкования приводятся семы с индексом яркости, равным 0,01 и более. Отдельными списками приводятся семы с индексом яркости менее 0,01. При количестве испытуемых более 100 человек индексы сем, вербализованных единичными и неединичными ассоциатами, могут быть округлены до 0,01. Индексы яркости менее 0,01 указываются более мелким шрифтом, приводятся общим списком (без ранжирования). Например:

ГЛАЗ

1. Орган зрения с голубым, зеленым зрачком

Орган 0,02 зрения 0,12; на лице 0,02 человека 0,01; так же, как нос 0,02, уши 0,01; имеет зрачок 0,03 с роговицей 0,01, глазное яблоко 0,01; круглый 0,01; красивый 0,03, голубой 0,05, зеленый 0,04, карий 0,03, большой 0,02, синий 0,01, серый 0,01, открыт 0,01, выбит 0,01; стеклянный 0,01, один 0,01;

(менее 0,01) на голове, как рот; у собаки, совы; располагается в глазнице; имеет анализаторы, хрусталик; принимает образ; бывает левый, правый, маленький, косой, больной; имеет цвет, чёрный, шоколадный; является парным органом; между ними находится нос; его рисуют; может быть выколот; требует защиты; двигается; у пирата один отсутствует; лечится офтальмологом, окулистом; находится на лбу у циклопа; управляется мозгом.

Отдельной строкой указываются симилятивные и оппозитивные связи слова (графа *То же, что...* и графа *Противоположно...*) с указанием индекса яркости каждой семы:

ГЛАЗ

То же, что: око 0,10

ВАЖНЫЙ

То же, что: главный 0,01; *(менее 0,01)* глобальный, значительный, основной, important, первостепенный

Противоположно: *(менее 0,01)* бесполезный, ненужный, незначительный, неважный, необязательный, побочный

5. Эмоционально-оценочный и метаязыковой компоненты

Оценочные и эмоциональные семы приводятся с указанием их индекса яркости после денотативных сем. Они формулируются на основе реакций, вербализующих общую оценку или эмоцию. Если семантическая интерпретация позволяет сформулировать конкретную эмоцию, то она указывается отдельно (*вызывает жалость, вызывает удивление* и др.). Семы эмоционально-оценочного компонента указываются после всех денотативных и метаязыковых сем. Например:

АВТОР. Писатель, ... вызывает неодобрение.

БОЛЬШОЙ. [Значительный] по размерам, объему; ... вызывает удивление; вызывает испуг.

При наличии после денотативных сем указываются метаязыковые семы, включающие указание на признаки лексемы как единицы языка (происхождение слова, частеречную принадлежность, особенности употребления и др.), например: ЧАТ – сема «буквы слова, записанные в обратном порядке» – слово *тач*».

6. Совокупный индекс яркости семемы

Приводится совокупный индекс яркости отдельного значения как сумма индексов яркости всех семантических компонентов данной семемы.

ГЛАЗ

1. Орган зрения с голубым, зеленым зрачком. СИЯ 0,68

2. Зрение. СИЯ 0,29

3. Взгляд. СИЯ 0,07

Семемы многозначного слова перечисляются в соответствии с полевым принципом описания – в порядке убывания совокупного индекса яркости (СИЯ). При одинаковом СИЯ нескольких значений они приводятся в словаре в произвольном порядке, поскольку их иерархия в языковом сознании не выявляется.

7. Рецептивные значения (контаминированные и ложные значения)

Отдельно указываются ложные значения (не соответствующие действительности) и контаминированные значения (семемы близких по фонетическому облику или семантическому содержанию слов).

ГЛАЗ

1. Голос (контаминация «глаз» – «глас», «голос»)

(менее 0,01) [Голос], например, правосудия, правды; в голове.

СИЯ 0,01

Пример употребления отсутствует

2. Мировоззрение (контаминация «глаз» – «взгляды»)

То же, что: (менее 0,01) мировоззрение.

СИЯ – менее 0,01

Пример употребления отсутствует

3. Отверстие в двери (контаминация «глаз» – «глазок»)

(менее 0,01) [Отверстие], например, в двери.

СИЯ – менее 0,01

Пример употребления отсутствует

Рядом приводится комментарий, объясняющий (если возможно) появление рецептивного значения.

8. Пример употребления семемы

Приводятся примеры слова с конкретным значением:

ГЛАЗ

1. Орган зрения с голубым, зеленым зрачком. *У него были карие глаза. Изучать анатомию глаза. Лишиться глаз.*

2. Зрение. *Верный глаз охотника. Подметить острым глазом. Жаловаться на плохие глаза.*

3. Взгляд. *Проводить глазами кого-либо. Пожирать, испепелять глазами.*

4. Участок вокруг зрачка с веком и ресницами. *Красить, подводить глаза. Тереть, промыть глаз.*

5. Светящаяся точка. *В темноте светился только глаз телевизора.*

Источниками примеров могут стать тексты из лексикографических изданий, данные Национального корпуса русского языка, открытых электронных источников, фразы, сформулированные составителем словаря.

9. Фразы

После всех семем в конце словарной статьи в графе *Фразы* приводятся устойчивые фразы, прецедентные тексты и типичные сочетания, в состав которых входит слово-стимул, с указанием индекса яркости каждого компонента и совокупного индекса яркости всех типов фраз. Например:

ГЛАЗ

Фразы 0,25: глаз – алмаз 0,11; красные глаза 0,02; острый глаз 0,01; всевидящее око (глаз) 0,01; стеклянные глаза 0,01; не в бровь, а в глаз 0,01; с глаз долой – из сердца вон 0,01; глаза – зеркало души 0,01; сделать круглые глаза 0,01; глаз наметан(ный) 0,01; орлиный глаз 0,01; третий глаз 0,01;

(*менее 0,01*) глазное дно; меткий глаз; глаз бури (*область прояснения и относительно тихой погоды в центре тропического циклона*); американский триллер «Глаз»; сайт телевизионного «Пятого канала» – glaz.tv; глаз да глаз; камень «кошачий глаз»; амулет «глаз Гора»; международная организация «Пять глаз».

10. Информация о неинтерпретируемых реакциях

В конце психолингвистического описания значения слова в графе *Не интерпретируются* приводится список неинтерпретируемых ассоциаций. Указывает их общее количество.

ГЛАЗ. *Не интерпретируются* 5: Амир, какой, намечен, рука, худой

ГОЛОВА. *Не интерпретируются* 3: мясо, ход, бинокль

Данный список обычно включает ассоциации, которые не поддаются однозначной интерпретации, требуют дополнительного исследования с целью определения связи стимула с реакцией.

11. Информация об отказах

Данный пункт содержит информацию о «нулевых» ответах – отказах и их индексе яркости, который высчитывается как отношение числа отказов к общему количеству опрошенных людей, например:

ГЛАЗ. Не актуально (отказ 2): 0,004

В отдельных словарях структура словарной статьи психолингвистического толкового словаря может варьироваться в зависимости от вида словаря, целей и задач исследователя.

Словарная статья может содержать комментарий составителя, поясняющий отдельные аспекты семантики описываемого слова.

Отдельную группу составляют психолингвистические сопоставительные толковые словари, которые содержат параллельные дифференциальные описания семантики одного слова по какому-либо параметру, определяемому различным составом испытуемых, временем и местом проведения экспериментов. Такие словари мы называем **дифференциальными психолингвистическими толковыми словарями**.

Для описания языкового сознания различных групп одного этноса с целью выявления «универсальных» семантических зон (общих для всех носителей языка) и «дифференциальных» составляющих (характерных только для отдельных групп людей) применяется сопоставительный метод. Результатом применения сопоставительного метода может быть создание серии дифференциальных семантических словарей. Можно говорить о создании такого направления, как **психолингвистическая сопоставительная лексикография**, в основе которого лежит сопоставительный метод.

Совместно с И.А. Стерниным, была разработана методика сопоставительного описания семантики, сформулированы принципы составления статей сопоставительных словарей разных видов (гендерный и возрастной дифференциальные словари, дифференциальные словари синонимов и оппозиций, региональный и динамический словари).

Психолингвистические семантические сопоставительные словари создаются по тому же алгоритму, что и общие. Дополнительными процедурами являются: 1)

описание экспериментального материала в словаре осуществляется двумя способами: линейным (составление отдельных одноименных групповых полей, полей синонимических единиц) и сопоставительным (представление результатов экспериментов в табличной форме с указанием общих и различных зон поля сравниваемых по семантике лексем); 2) установление групповых маркированных семантических компонентов, эндемичных семем и сем.

Структура словарной статьи дифференциального психолингвистического словаря состоит из трех частей: 1) описательная часть – последовательное (линейное) описание психолингвистических значений слова в групповом языковом сознании; 2) сопоставительная часть – параллельное сопоставительное описание значений слов в табличной форме; 3) объяснительная часть – комментарий составителей словаря, касающийся семантической структуры слова в сознании двух групп носителей языка.

Качественная шкала различий помогает определить степени специфики сопоставляемых значений, за основу берется уровень выявленных различий значений [Стернин 2020в: 3–11] (Таблица №1).

Таблица №1

Шкала определения уровня различий значений

Степень специфики сопоставляемых значений	Границы различий между совокупными индексами яркости семем
отсутствие различий	0
минимальный уровень различий	0,01-0,04
заметный уровень различий	0,05-0,25
существенный уровень различий	0,26-0,50
высокий уровень различий	0,51-0,70
гипервысокий уровень различий	0,71 и выше

В Дифференциальном психолингвистическом словаре, кроме общих количественных показателей (индекс яркости семы, совокупный индекс яркости семемы), используются дополнительные показатели: *индекс семного совпадения* значений (доля совпадающих сем сравниваемых значений от общего количества сем в обоих сравниваемых значениях); *индекс семной дифференциации* значений (доля несовпадающих сем двух сопоставляемых значений); *совокупная яркость интегральных сем* (вычисляется как совокупность индексов яркости отдельных интегральных сем); *совокупная яркость дифференциальных сем* сравниваемых слов (вычисляется аналогично).

Приведем пример дифференциального описания значения слова по результатам свободного ассоциативного эксперимента, проведенного с одноименными стимулами в конце XX в. и в 10-х годах XXI в. [РАС 2002; ЕВРАС 2014]. Семантической интерпретации подвергались все неединичные ассоциаты соответствующих полей (Таблица №2).

БОГ

Ассоциативные поля

РАС 173: есть 12; на небе 11; мой 8; церковь, черт 7; Господь, знает, небо, нет 6; ангел, Зевс, Иисус, Иисус Христос, отец 5; весть что, поможет, религия, солнце, творец 4; Бог, всемогущий, един, икона, один, солнца, с тобой 3; Аллах, везде, вера, вой-

ны, Всевышний, главный, даст, единый, земли, знает что, космос, любовь, на небесах, облако, он, помощь, свет, с ним, Христос 2. [РАС 2002, с. 59].

ЕВРАС 417: есть 80; вера 53; Всевышний 27; Иисус 26; религия 19; небо, сила, церковь 11; один 8; свет, создатель 7; Библия, всемогущий, всё, нет 6; душа, дьявол, един, святое, я 5; ангел, везде, любовь, он, Отец, рай, существует, черт 4; Аллах, вечен, вопрос, все, Господь, милостивый, мой, небеса, святой, святость, христианство, Христос 3; Будда, в помощь, в сердце, великий, верю, видит, власть, жизнь, Зевс, икона, ложь, мир, молитва, надежда, наш, не верю, солнца, судья, творец, царь 2 [ЕВРАС 2014, с. 14].

Таблица №2

Комментарий

Лексема БОГ в языковом сознании двух групп совпадает по трем значениям: **Высшее существо, обитает на небе / Высшее существо; Мифическое существо; Главный человек / Человек, наделенный властью.**

Эндемичное значение выявлено у группы начала XXI в – «*Творчески одаренный человек*» (СИЯ 0,05).

Значение **Высшее существо, обитает на небе / Высшее существо**

Оба значения являются актуальными для языкового сознания представителей конца XX в. и начала XXI в. (СИЯ 0,78 и 0,97 соответственно). Данный уровень различий по шкале уровней яркости оценивается как заметный.

Интегральные семантические компоненты темпоральных значений являются (1,48): например, *Иисус Христос 0,07 – 0,07; одна из ипостасей в христианстве – Отец 0,03 – менее 0,01, Аллах 0,01 – менее 0,01; обитает на небе 0,13 – 0,04; существует с точки зрения верующих 0,10 – 0,38; не признается атеистами 0,04 – 0,03; единый 0,05 – 0,03; ему поклоняются в церкви 0,04 – 0,03; общается с людьми посредством ангелов 0,03 – менее 0,01; изображен на иконах 0,02 – менее 0,01; все знает 0,04 – все видит (менее 0,01); является творцом 0,02 – является создателем 0,02; любит 0,01 – менее 0,01; несет свет 0,01 – 0,02; всемогущий 0,02 – 0,02, вездесущий 0,01 – 0,02; то же, что Господь 0,04 – менее 0,01; то же, что Всевышний 0,01 – 0,07; противоположно: черт 0,04 – менее 0,01.* Всего 38 сем.

Наиболее яркие различия отмечены у интегральных сем: *обитает на небе 0,13 – 0,04; существует с точки зрения верующих 0,10 – 0,38.*

Дифференциальная сема представителей конца XX в. (0,04): *помогает 0,04.*

Дифференциальные семы представителей начала XXI в. (0,12): *обладает силой 0,03; о нем написано в Библии 0,01; находится в душе человека 0,01; все, что с ним связано, является святым 0,03; обладает властью над жизнью человека 0,01; поддерживает 0,01; противоположно дьявол 0,01; (менее 0,01): например, Будда; за безгрешную жизнь отправляет душу человека в рай; относится к христианской религии; милостивый, великий; то же, что Царь Небесный (менее 0,01).* Всего 13 сем.

Всего у данной пары совпадающих значений 52 семы, из них 38 интегральных и 14 дифференциальных сем.

Индекс семного совпадения значений – 0,73; индекс семной дифференциации значений соответственно – 0,27.

Совокупная яркость 38 интегральных сем значений – 1,48, что обеспечивает достаточно высокий уровень близости данных значений. У 14 дифференциальных сем индекс совокупной яркости в 9 раз ниже (0,16).

Сопоставительное описание психолингвистического значения

РАС 2002	ЕВРАС 2014
<p>1. Высшее существо, обитает на небе <i>Высшее существо 0,01</i>; например, Иисус Христос 0,07; одна из ипостасей в христианстве – Отец 0,03, Аллах 0,01; обитает на небе 0,13; существует с точки зрения верующих 0,10; не признается атеистами 0,04; единый 0,05; ему поклоняются в церкви 0,04; общается с людьми посредством ангелов 0,03; изображен на иконах 0,02; <i>помогает 0,04</i>; все знает 0,04; является творцом 0,02; <i>поддерживает 0,01</i>; любит 0,01; несет свет 0,01; всемогущий 0,02, вездесущий 0,01.</p> <p><i>То же, что:</i> Господь 0,04, Всевышний 0,01 <i>Противоположно:</i> черт 0,04</p> <p>СИЯ 0,78 <i>Сегодня многие люди верят в Бога.</i></p>	<p>1. Высшее существо [Высшее существо]; например, Иисус Христос 0,07; обитает на небе 0,04; существует с точки зрения верующих 0,38; не признается атеистами 0,03; ему поклоняются в церкви 0,03; несет свет 0,02; <i>обладает силой 0,03; о нем написано в Библии 0,01; находится в душе человека 0,01; все, что с ним связано, является святым 0,03; обладает властью над жизнью человека 0,01</i>; единый 0,03, вездесущий 0,02, всемогущий 0,01; является создателем 0,02;</p> <p>(менее 0,01): одна из ипостасей в христианстве – Отец; например, Аллах, <i>Будда</i>; общается с людьми посредством ангелов; изображен на иконах; любит; <i>за безгрешную жизнь отправляет душу человека в рай; относится к христианской религии</i>; все видит; <i>ему молятся</i>, дает надежду; судит; вечный, <i>милостивый, великий.</i></p> <p><i>То же, что Всевышний 0,07; (менее 0,01) Господь, Царь Небесный</i> <i>Противоположно: дьявол 0,01; (менее 0,01) черт</i> СИЯ 0,97 <i>Бог существует только в головах людей.</i></p>
<p>2. Мифическое существо [Мифическое существо], например, Зевс 0,03, бог солнца 0,04, <i>бог войны 0,01, бог земли 0,01</i>; является предметом поклонения 0,04; <i>находится на облаках 0,01</i>; помогает 0,04; является творцом 0,01; <i>бывает главный 0,01</i>; в него верят 0,01.</p> <p>СИЯ 0,21 <i>Посейдон – бог морей.</i></p>	<p>2. Мифическое существо [Мифическое существо], является предметом поклонения 0,07; в него верят 0,13; <i>обладает силой 0,03</i>; является творцом 0,02;</p> <p>(менее 0,01): например, Зевс, бог солнца; <i>наделен властью; все видит; дарует жизнь; подает надежду; судит; его нельзя обманывать; ему молятся; вечный, великий, милостивый.</i> СИЯ 0,27 <i>Все славяне боятся бога войны Перуна.</i></p>

<p>3. Главный человек <i>Главный 0,01 человек 0,01.</i></p> <p>СИЯ 0,02 <i>Он наш бог, царь, отец.</i></p>	<p>3. Человек, наделенный властью Человек 0,01; <i>сильный 0,03 наделен властью над другими людьми 0,02;</i> (менее 0,01): <i>например, царь; великий, на него надеются, судит.</i></p> <p>СИЯ 0,07 <i>Муж – мой бог и защитник!</i></p>
<p style="text-align: center;">0</p>	<p>3. Творчески одаренный человек Человек 0,01; обладает большой физической силой 0,03; (менее 0,01): великий, обладает творческими способностями.</p> <p>СИЯ 0,05 <i>Иван Иванович – бог юриспруденции: лучше него никто не разбирается в этих документах.</i></p>
<p><i>Фразы 0,17: мой 0,05; бог знает что 0,05; Бог с тобой 0,02; бог весть что 0,02; бог в помощь 0,01; бог даст 0,01; бог с ним 0,01</i></p>	<p><i>Фразы 0,02: я 0,01; (менее 0,01) мой, наш; бог в помощь, бог в сердце, великий</i></p>
<p>Не интерпретируются 3: <i>Бог 3</i> Не актуально 0,03 Индекс освоенности слова 0,97</p>	<p>Не интерпретируются 3: <i>вопрос 3</i> Не актуально 0,02 Индекс освоенности слова 0,98</p>

Таким образом, для языкового сознания носителей языка конца XX в. БОГ – это высшее существо, которое обитает на небе, для представителей начала XXI в. БОГ – это высшее существо, в которое верят (в советское время был распространен атеизм, после 90-х г. XX в. многие стали открыто демонстрировать свои религиозные чувства; с этим связано и большое количество семантических признаков данного значения).

Значение Мифическое существо

Оба значения относятся к периферийной части семантемы каждой группы испытуемых (СИЯ 0,21 и 0,27). Уровень различий по шкале уровней яркости оценивается как низкий.

Интегральные семантические компоненты темпоральных значений являются (0,36): *например, Зевс 0,03 – менее 0,01, бог солнца 0,04 – менее 0,01, является предметом поклонения 0,04 – 0,07; является творцом 0,01 – 0,02; в него верят 0,01 – 0,13.* Всего 10 сем.

Дифференциальные семы представителей конца XX в. (0,08): *бог войны 0,01, бог земли 0,01; помогает 0,04; бывает главный 0,01; находится на облаках 0,01.* Всего 5 сем.

Дифференциальные семы представителей начала XXI в. (0,05): *обладает силой 0,03; (менее 0,01): наделен властью; дарует жизнь; подает надежду; судит; его нельзя обманывать; ему молятся; вечный, великий, милостивый.* Всего 10 сем.

Всего у данной пары совпадающих значений 25 сем, из них 10 интегральных и 15 дифференциальных сем.

Индекс семного совпадения значений – 0,40; индекс семной дифференциации значений соответственно – 0,60.

Совокупная яркость 10 интегральных сем – 0,36, что почти в 3 раза больше индекса яркости 15 дифференциальных сем (0,13).

Для представителей конца XX в. более актуальны разновидности мифических существ, для представителей начала XXI в. – признаки, которые им свойственны.

Значение *Главный человек / Человек, наделенный властью*

Оба значения относятся к периферийной части семантемы каждой группы испытуемых (СИЯ 0,02 и 0,07). Уровень различий по шкале уровней яркости оценивается как низкий.

Интегральная сема – *человек* 0,01 – 0,01. Всего 2 семы (0,02).

Дифференциальная сема представителей конца XX в. – *главный* 0,01; дифференциальные семы представителей начала XXI в.: *сильный* 0,03 *наделен властью над другими людьми* 0,02; (менее 0,01): *например, царь; великий, на него надеются, судит*. Всего 7 сем (0,06).

Всего у данной пары совпадающих значений 9 сем, из них 2 интегральные и 7 дифференциальных сем.

Индекс семного совпадения значений – 0,22; индекс семной дифференциации значений соответственно – 0,78.

Совокупная яркость 2 интегральных сем – 0,02, что в 3 раза ниже индекса яркости 7 дифференциальных сем (0,06).

Существенные темпоральные различия выявлены в параметре «Фразы». Прецедентные и сочетаемостные семы более развернуто представлены у группы конца XX в. Их совокупный индекс яркости почти в 9 раз больше, чем у представителей начала XXI в.

Индекс психолингвистической темпоральной специфики рассматриваемых лексем – заметный (количество семем не совпадает, есть эндемичное значение у группы начала XXI в.; уровень семантической близости значений существенный). Есть яркие отличия только в параметре «Фразы»: более ярко представлен у группы конца XX в., для носителей языка начала XXI в. эта информация мало актуальна.

Таким образом, современная практика представления семантики слова в психолингвистических словарях позволяет говорить о формировании нового направления в лексикографии – психолингвистической лексикографии и дает возможность перейти на новый этап психолингвистических исследований в области семантики слова.

© Рудакова А.В., 2022

Литература

Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука, 1965. 256 с.

Боргоякова А.П. Национально-культурная специфика языкового сознания хакасов, русских и англичан (на материале ядра языкового сознания): дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 181 с.

Бутакова Л.О., Гуц Е.Н. Ассоциативно-семантический словарь как основа для моделирования ценностных фрагментов языкового сознания носителей языка // Вопросы психолингвистики. 2013. №18. С. 158–173.

Виноградова О.Е., Стернин И.А. Психолингвистические методы в описании семантики слова. Воронеж: Истоки, 2016. 160 с.

Высочина О.В. Понимание значения иноязычного слова (психолингвистическое исследование): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2001. 183 с.

Гольдин В.Е., Сдонова А.П. Русская ассоциативная лексикография: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. Саратов: Научная книга, 2008. 77 с.

Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. Харьков; М.: Изд. группа «РА–Каравелла», 2001. 320 с.

Гуц Е.Н. Психолингвистическое исследование языкового сознания подростка: монография. Омск: Вариант-Омск, 2005. 260 с.

Дударева Я.А. Возможности использования «неймингового словаря русского языка» в исследовании синонимии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. №1 (69). С. 154–158.

Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента. М.: Директ-Медиа, 2013. 239 с.

Залевская А.А. Интерфейсная теория значения слова: психолингвистический подход. London: IASHE, 2014. 179 с.

Карабулатова И.С. Русская топонимия в этнопсихолингвистическом аспекте: дис. ... доктора филол. наук. Тверь, 2002. 502 с.

Лебедева С.В. Психолингвистическое исследование близости значения слов в индивидуальном сознании: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1991. 16 с.

Патсис М. Ассоциативное поле как инструмент анализа значения слова: На материале греческого языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 167 с.

Рудакова А.В. Лексикографическая фиксация темпоральных различий психолингвистического значения слова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2017. №1. С. 44–48.

Стернин И.А. Значение в языковом сознании: специфика описания // Вопросы психолингвистики. 2006. №4. С. 171–179.

Стернин И.А. Концепт, «психологически реальное» и «психолингвистическое значение» // Язык и история: сборник статей. Глазов, 2005. С. 179–182.

Стернин И.А. Некоторые проблемы психолингвистической лексикографии // Горизонты психолингвистики – 3: сб. науч. трудов / Под ред. Е.Ю. Мягковой. Тверь: ТГУ, 2020а. С. 134–140.

Стернин И.А. Проблемы интерпретации результатов ассоциативных экспериментов // Вопросы психолингвистики. 2020б. №3 (45). С. 110–125.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. 192 с.

Стернин И.А., Рудакова А.В., Стернина М.А. Шкалирование сходств / различий языковых явлений обыденным сознанием // Сопоставительные исследования 2020: сборник научных статей / Под ред. М.А. Стерниной. Воронеж: ООО «РИТМ», 2020в. Вып. 17. С. 3–11.

Палкин А.Д. Практикум по возрастной психолингвистике: учебное пособие. М.: Учреждение Российской академии наук Ин-т языкознания РАН, 2010. 360 с.

Одинокова Н.Ю. Профессиональные ассоциативные словари (на материале русского и английского языков) // Филология и человек. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2007. №4. С. 103–120.

Список словарей

АСРН 2004 – Ассоциативные нормы русского и немецкого языков / Н.В. Уфимцева, И.А. Стернин, Х. Эккерт, В.И. Милехина, В.М. Топорова. М.; Воронеж: Истоки, 2004. 130 с.

АСУРЛ 2011 – Ассоциативный словарь употребительной русской лексики: 1080 стимулов / Науч. ред. А.В. Рудакова, И.А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2011. 187 с.

Бутакова Л.О. Материалы к ассоциативно-семантическому словарю жителей города Омска. Омск: Вариант-Омск, 2012. 125 с.

Гуц Е.Н. Ассоциативный словарь подростка. Омск: «Вариант-Сибирь», 2004. 156 с.

ЕВРАС 2014 – Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус: Т. 1: От стимула к реакции. М., 2014. Режим доступа: http://iling-ran.ru/library/evras/evras_1.pdf.

ПЛТСРЯ 2018 – Рудакова А.В., Коваленко С.В., Стернин И.А. Психолингвистический толковый словарь русского языка. Вып. 1. Антропонимы. Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2018. 136 с. Режим доступа: <https://www.vsu.ru/ru/university/structure/communicate/pdf/dict/psy-ling/psy-ling1.pdf>.

ПЛТСРЯ 2019 – Психолингвистический толковый словарь русского языка. Вып. 6/1. Частотная лексика / Науч. ред. И.А. Стернин, А.В. Рудакова. Воронеж: Издательство ООО «РИТМ», 2019. 130 с. Режим доступа: <https://www.vsu.ru/ru/university/structure/communicate/pdf/psy-ling/psy-ling6-1.pdf>.

РАС 2002 – Русский ассоциативный словарь: [В 2 т.] / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева [и др.]; Рос. акад. наук. М.: АСТ: Астрель, 2002. Т. I. От стимула к реакции: Около 7000 стимулов. 781 с.

САНРЯ 1977 – Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А.А. Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. 192 с.

САС 2004 – Славянский ассоциативный словарь: рус., белорус., болг., укр. / Н.В. Уфимцева [и др.]. М.: Моск. гос. лингвист. ун-т [и др.], 2004. 790 с.

СОТРС 2012 – Словарь обыденных толкований русских слов. Лексика природы: [в 2 т.] / М.Ю. Басалаева [и др.]. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2012. Т. 1: А–М (Абрикос – Муравей). 535 с.

Сведения об авторе:

Рудакова Александра Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего языкознания и стилистики ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Контактная информация:

394018, Россия, г. Воронеж, Университетская площадь, д. 1

ORCID: 0000-0002-9119-8037

e-mail: a-rudakova@list.ru

Для цитирования:

Рудакова А.В. Теоретические и прикладные проблемы психолингвистической лексикографии // Вопросы психолингвистики № 2(52) 2022, С. 73–89, doi: 10.30982/2077-5911-2022-52-2-73-89

UDC 81'33

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2022-52-2-73-89

Research article

THEORETICAL AND APPLIED PROBLEMS OF PSYCHOLINGUISTIC LEXICOGRAPHY

Alexandra V. Rudakova
Voronezh State University,
Voronezh, Russia

Abstract

The purpose of this paper is to describe the theoretical problems of a new direction – psycholinguistic lexicography. The accumulation of a large amount of factual experimental material required the development of principles for fixing the psycholinguistic description of the meaning of a word in lexicographic sources. The theoretical basis of the study was the ideas of Professor I.A. Stermin, the founder of the Voronezh Psycholinguistic School, about the possibility of describing the psychologically real semantics of a word based on the experimental data and about the formation of psycholinguistic semasiology, the main concept of which is the concept of the psycholinguistic meaning of a word (the meaning of a word represented in the linguistic consciousness of a native speaker), and the main method was that of semantic interpretation of experimental data.

The paper shows the main differences between psycholinguistic and traditional explanatory dictionaries.

The classification of types of psycholinguistic dictionaries was developed. Two types of psycholinguistic dictionaries were distinguished – associative dictionaries and semantic dictionaries. The principles of presentation of semantic material in psycholinguistic lexicographic sources have a number of distinctive features in comparison with associative dictionaries, the main of which is the indication of the degree of brightness of individual semantic features and individual meanings and their ranking in the descending order of the brightness index.

The paper presents the general algorithm for creating a psycholinguistic semantic dictionary and the structure of its dictionary entry. An important issue of the psycholinguistic explanatory dictionary creation is the criterion for selecting its units. The following principles are proposed for the selection of dictionary units of this type of dictionaries: 1) word frequency; 2) social significance; 3) semantic instability; 4) semantic differentiation; 5) part-of-speech reference.

A separate direction of psycholinguistic lexicography is represented by differential dictionaries, which contain a comparative description of the semantics of a word in a group language consciousness; various possibilities of constructing a dictionary entry of differential psycholinguistic dictionaries are shown, examples of fixing psycholinguistic meanings of words in differential psycholinguistic dictionaries of the Russian language are given.

Keywords: psycholinguistics, lexicography, semantics, linguistic consciousness, experiment

Bionotes:

Alexandra V. Rudakova – Assistant Professor, Ph.D., Department of General Linguistics and Stylistics of the Philological Faculty, Voronezh State University

Contact information:

1 Universitetskaya pl., Voronezh, 394018, Russia

ORCID: 0000-0002-9119-8037

e-mail: a-rudakova@list.ru

For citation:

Rudakova A. V. (2022) Theoretical and applied problems of psycholinguistic lexicography. *Journal of Psycholinguistics*. 2(52), P. 73–89. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2022-52-2-73-89 (in Russian)

ПОНЯТИЕ ЯЗЫКОВОЙ ФОРМЫ, ПРОТИВОРЕЧАЩЕЙ ОБЩЕПРИНЯТЫМ НОРМАМ МОРАЛИ И НРАВСТВЕННОСТИ

Саломатина Мария Сергеевна

ФГБОУ «Воронежский государственный университет»,
Воронеж, Россия

Аннотация

Целью статьи является определение содержания понятия языковой формы, противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности. Обсуждаемое понятие упоминается в статье 5.61 КоАП РФ и является существенным для квалификации того или иного спорного текста как оскорбительного. Статья продолжает и развивает идеи профессора Иосифа Абрамовича Стернина в части выработки методики анализа текста в юридических целях. Содержание обсуждаемого понятия раскрывается в опоре на понимание неприличной формы высказывания, предложенной в трудах И.А. Стернина. Необходимость обращения к понятию языковой формы, противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности, обусловлена тем, что приведенная формулировка не является лингвистическим термином и не соотносится очевидным образом с конкретной лингвистической категорией, хотя дела по искам об оскорблении предполагают проведение лингвистической экспертизы, в рамках которой перед лингвистом ставится вопрос о форме выражения порочащей информации. Диффузность и неопределенность понятия языковой формы, противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности, создает также трудности методического характера для экспертного сообщества. В настоящей статье автором также поставлена и реализована задача выработки отдельных методических рекомендаций по анализу спорного текста на предмет наличия в нем языковых признаков оскорбления. В основу предложенной методики анализа легла концепция стилистической дифференциации лексики для целей лингвокриминалистики, разработанная И.А. Стерниным, а также традиционная концепция культуры речи, включающая в себя представление о культуре речи как феномене, функционирующем в виде трех аспектов – нормативного, коммуникативного и этического.

Ключевые слова: языковая форма, противоречащая общепринятым нормам морали и нравственности; оскорбление; унижение чести и достоинства; лингвистическая экспертиза текста; лингвокриминалистика

Одной из наиболее часто выполняемых лингвистических экспертиз является экспертиза по искам об оскорблении. Приведем актуальную формулировку п. 1 ст. 5.61. КоАП РФ «Оскорбление»: «Оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме <...>» [Консультант Плюс [http](http://)]. При этом выявление языковых признаков оскорбления в спорном тексте возможно при обязательном соблюдении двух условий: 1) четкого определения языковых признаков унижения чести

и достоинства; 2) точного толкования понятий неприличной языковой формы и языковой формы, противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности.

Номенклатура и содержание языковых признаков унижения чести и достоинства лица в лингвокриминалистике определены достаточно однозначно (см., например: Стернин 2013; Цена слова 2002), методика анализа текста на предмет наличия в нем языковых признаков унижения чести и достоинства также признана и активно реализуется экспертным сообществом.

В вопросе же определения понятий неприличной языковой формы и языковой формы, противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности, эксперты не всегда демонстрируют единодушие. Разночтения в понимании названных понятий вызваны прежде всего тем, что они [понятия] не являются терминологическими лингвистическими формулировками, следовательно, не указывают прямо на конкретный лингвистический феномен. В то же время, поскольку дела по искам об оскорблении предполагают проведение лингвистической экспертизы, ответ на вопрос о форме выражения порочащей информации ставится именно перед лингвистом.

Таким образом, в процессе выполнения исследования спорного текста эксперт-лингвист должен определить критерии анализа, иными словами, раскрыть содержание понятий неприличной языковой формы и языковой формы, противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности.

Наиболее точно и корректно понятие неприличной языковой формы сформулировано в работах профессора И.А. Стернина. Определяя неприличную языковую форму, он опирается на идею табуированности языковых средств и мысль о необходимости разграничения бытового (широкого, диффузного и субъективного) и юридического (узкого, конкретного, объективного) понимания неприличной языковой формы: «Неприличная форма высказывания – это облечение смысла в неприличные (непристойные) выражения, резко, то есть грубо нарушающие принятые в обществе нормы культуры речи и культуры общения. Для обиденного сознания неприличными являются как грубые (*морда, жопа, просрать*), так и нецензурные слова и выражения, то есть вся ненормативная лексика. Лексика и фразеология делятся на нормативную (допустимую как в устной, так и в письменной речи, в публичном общении, СМИ) и ненормативную (находящуюся за пределами норм литературного языка, которая рассматривается обществом как недопустимая в публичном употреблении, в средствах массовой информации). Таким образом, основное различие нормативной и ненормативной лексики – в допустимости ее публичного употребления: нормативная допустима, ненормативная недопустима в публичном употреблении. <...> Ненормативная лексика и фразеология <...> делится на два разряда: грубая (синоним – неприличная) – просторечная, грубо просторечная, вульгарная <...>; публичное употребление этих слов запрещается, но иногда допускается «между своими» в состоянии эмоционального напряжения; нецензурная (синоним – непристойная) – недопустима ни в каких общественных ситуациях, а использование ее является вызывающим нарушением общественной нравственности. Ненормативная лексика исключена моральным запретом общества из публичного употребления, при этом в некоторых ситуациях допускается в узком кругу общающихся, нецензурная же вообще исключается из употребления, допускается только «себе под нос».

<...> Из ненормативной лексики использование грубой (просторечная, грубо просторечная, вульгарная) также не подлежит правовому регулированию. <...> Грубое,

неприличное словоупотребление подлежит моральному осуждению, но не является предметом правового регулирования. <...> Правовому регулированию подлежит употребление в адрес конкретного человека непристойных (нецензурных) языковых форм. Подобное употребление имеет признаки оскорбления в юридическом смысле слова» [Стернин <http>].

Таким образом, для точной квалификации той или иной лексической единицы как неприличной эксперту достаточно знать список нецензурной лексики современного русского языка. Данный перечень также определен в одной из работ И.А. Стернина: «К нецензурной лексике в современном русском языке следует однозначно отнести пять слов – нецензурные обозначения мужского и женского половых органов (две единицы – на *п...* и на *м...*), нецензурное обозначение процесса совокупления и нецензурное обозначение женщины распутного поведения на *б...*, а также все образованные от этих слов языковые единицы, то есть содержащие в своем составе данные корни» [Стернин 2013: 16].

Разработка понятия неприличной языковой формы велась профессором И.А. Стерниным применительно к формулировке статьи об оскорблении в редакции 2011 г., где под оскорблением имелось в виду унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме. В 2021 г. содержание статьи 5.61 было изменено: понятие оскорбления стало менее конкретным и более широким, поскольку в него был включен такой весьма неопределенный критерий, как отнесенность единиц к языковым средствам, противоречащим общепринятым нормам морали и нравственности с точки зрения формальных признаков.

При попытке лингвистической интерпретации понятия языковой формы, противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности, целесообразно опереться на единственное лингвистическое понятие, содержащееся в приведенной формулировке, – понятие языковой формы. Сообщение о том, что некая языковая форма может стать основанием ограничения использования слова в той или иной ситуации, указывает на то, что ответ на вопрос о несоответствии употребления тех или иных языковых средств общепринятым нормам морали и нравственности может быть дан путем стилистического анализа спорного текста. Для любого лингвиста очевидно, что в языке не существует такого набора языковых средств, которые бы в принципе противоречили общепринятым нормам морали и нравственности. Речь может идти только о нарушении норм культуры речи, а именно – требований уместности и допустимости использования тех или иных слов и выражений.

Но поскольку в тексте статьи 5.61 упоминается критерий нелингвистический (противоречие языковой формы общепринятым нормам морали и нравственности), необходимо выработать такой подход к лингвистическому анализу текста, который позволит сформулировать задачу для эксперта так, чтобы ее было возможно решить лингвистическими методами.

Лингвистической категорией, которая даст возможность предложить собственно лингвистические параметры анализа текста на предмет наличия в нем языковых средств, противоречащих общепринятым нормам морали и нравственности, может стать культура общения, включающая в себя в качестве базового компонента культуру речи.

Приведем определение культуры общения: «Культура общения – сложное интегральное понятие, определяющее качество и степень совершенства общения [О]. Куль-

тура общения [К.о.] является неотъемлемой частью культуры личности. К.о. характеризует ценностные ориентации и нормативные парадигмы О., содержание и сущность нравственно-психол. качеств субъектов О., способы, средства, правила, формы О. К.о. включает совокупность практических приемов, норм, правил О. <...> К.о. зависит не только от совершенства какой-либо одной из сфер ее проявления, но и от степени их единства и соответствия: нельзя говорить о высокой культуре О., если нормы и правила О. несовершенны и не соответствуют гуманистическим ценностям, если при выборе средств О. не учитываются особенности индивидуальностей партнеров по О. и др. антропологические параметры. Основополагающее значение для К.о. имеет этический аспект: нравственные параметры процесса О. определяют его сущность, направленность, определенность, гуманистический смысл и уровень культуры <...> К.о. не ограничивается лишь поведенческим уровнем, качественной оценкой поведения, она включает в себя культуру речи, чувств, мимики, жестов, психол. культуру субъектов О., культуру сознания. Человек, ориентирующийся на высокие нравственные ценности, но не овладевший элементарной техникой О., не владеет высокой К.о. <...> К.о., ориентированная на гуманистические ценности, включает в себя способность выбора тактичных, корректных форм обращения. Дисгармония в К.о. ведет к потенциальной возможности возникновения конфликтных ситуаций, разрушающих О.» [Психология общения [http](#)].

Таким образом, как следует из приведенной дефиниции, культура общения как глобальное явление включает в себя следующие основные феномены: культуру поведения, культуру речи, чувств, мимики, жестов, психологическую культуру субъектов общения, культуру сознания. Культура общения имеет этическую основу, то есть базируется на нормах морали и нравственности, принятых в определенном обществе. Культура речи представляет собой одно из главных средств репрезентации культуры общения для личности, главный инструмент демонстрации человеком сформированного у него уровня культуры общения.

Поскольку в качестве объекта исследования в лингвистической экспертизе выступает текст, он должен анализироваться с точки зрения наличия / отсутствия в нем нарушений норм культуры речи. Подход к анализу спорного текста на предмет наличия в нем языковых признаков оскорбления с точки зрения культуры речи позволит выработать объективные критерии, которые дадут возможность эксперту пользоваться знакомым исследовательским инструментарием, а, следовательно, сделать обоснованные, верифицируемые выводы и избежать умозаключений интуитивного характера.

Под культурой речи в отечественной науке понимают «область духовной культуры, связанную с применением языка; качества речи, обеспечивающие эффективное достижение цели общения при соблюдении языковых правил, этических норм, ситуативных требований и эстетических установок» [Стилистический энциклопедический словарь русского языка [http](#)].

Таким образом, культура речи включает в себя три основных аспекта – нормативный, коммуникативный, этический. Названные аспекты могут быть положены в основу исследования спорных текстов в качестве критериев анализа речи субъекта. Однако применение указанного подхода возможно с серьезными ограничениями и поправками.

Во-первых, при анализе спорного текста на предмет наличия в нем языковых средств оскорбительного характера рассматривать необходимо только нарушение лексико-стилистических норм русского языка.

Во-вторых, говорить о нарушении лексико-стилистических норм в контексте экспертизы по искам об оскорблении возможно только в том случае, если спорные лексические единицы относятся к разряду ненормативной лексики (о понятии ненормативной лексики см. выше). В том случае, если в спорном тексте употреблены иностранные языковые единицы, не являющиеся ненормативными, о противоречии языковых средств общепринятым нормам морали и нравственности говорить нельзя и дальнейший анализ текста на предмет нарушения в нем этических или коммуникативных норм становится нецелесообразным.

Проиллюстрируем возможность применения предлагаемого подхода анализом языкового материала, ставшего объектом лингвистической экспертизы. Для исследования эксперту-лингвисту был предложен текст жалобы студента на преподавателя вуза. Жалоба была адресована ректору вуза¹:

«Услышав это, Иванов И.И.² буквально изошел на известные физиологические опорожнения»; «На мой взгляд, преподаватель Иванов И.И. настоящий хам, самодур и истерик».

Перед экспертом был поставлен следующий вопрос: содержит ли текст жалобы языковые признаки оскорбления Иванова И.И.? Заметим, что итоговый ответ на вопрос, несомненно, будет отрицательным, поскольку для того, чтобы усмотреть в тексте языковые признаки оскорбления, необходимо наличие в спорном тексте также одновременно всех языковых признаков унижения чести и достоинства лица (в анализируемом спорном тексте усматриваются только некоторые из этого набора признаков). Однако ответ на вопрос о наличии в спорном тексте слов и выражений, с формальной точки зрения противоречащих общепринятым нормам морали и нравственности, в данном случае может быть утвердительным.

В качестве критериев анализа были использованы аспекты культуры речи. Использование нормативного аспекта культуры речи в качестве параметра анализа спорного текста возможно в рамках лингвокриминалистики с рядом существенных поправок, о чем было сказано ранее.

1. Нормативный аспект культуры речи предполагает соответствие речи сформировавшимся в данном языковом коллективе нормам. К соблюдению языковых норм относятся «правила предпочтения литературной языковой единицы, а не ее нелитературного языкового конкурента, т.е. круг обязательных норм лит. языка (правильно *класть*, а не *ложить*; *инженеры*, а не *инженера*, мн.ч.; *который час?*, а не *сколько время?*); <...> правила выбора одного из вариантов в пределах лит. языка – того варианта, который больше соответствует определённой сфере употребления, т.е. круг вариативных норм лит. языка (в разговорной лучше сказать *картошка*: почистить *картошку*, сварить *картошку*, в деловой – *картофель*: закупка *картофеля*, цены на *картофель*)» [Стилистический энциклопедический словарь русского языка [http](http://)].

Как было сказано, спорные языковые единицы представляют собой фрагменты текста жалобы студента, направленной ректору. Таким образом, исследуемый текст представляет собой деловой документ, а именно, «официальное заявление с просьбой об устранении какого-н. беспорядка, несправедливости» [Ожегов [http](http://)]. Следовательно, в тексте жалобы должны быть соблюдены требования, предъявляемые к текстам де-

¹ В настоящей статье приводится фрагмент жалобы.

² Фамилия преподавателя изменена.

ловых документов. Как известно, для делового стиля характерны следующие общие признаки: «стандартизация, информативность, логичность», этикетность. В части требования к используемым лексическим средствам – использование стилистически нейтральных и книжных элементов, отсутствие экспрессивно окрашенной лексики и междометий [Грамота.ру [http](http://)].

Лексические единицы *хам, самодур, истерик* являются разговорными, экспрессивно окрашенными и отражают негативную эмоциональную оценку автором текста – студентом – личности и коммуникативного поведения И.И. Иванова, однако не относятся к разряду ненормативной лексики, а значит, их употребление в тексте официально-делового стиля, каким является жалоба студента, хотя и не соответствует нормам культуры речи, но не нарушает общепринятых норм морали и нравственности.

В контексте лингвистической экспертизы, как было сказано ранее, в качестве нарушающих лексические нормы могут быть квалифицированы ненормативные языковые единицы. В данном случае это стилистически сниженное выражение «изошел на известные физиологические опорожнения» являющееся перифразом, смысловым эквивалентом вульгарного выражения: *на говно изойти* – сильно нервничать, переживать, безуспешно пытаться доказать что-либо, добиться желаемого результата, понимания окружающих [Жгучий глагол [http](http://)].

2. Коммуникативный аспект культуры речи предполагает соответствие текста сфере речевого взаимодействия, задачам общения, особенностям адресата.

Как было установлено, спорный текст представляет собой официальное обращение студента к вышестоящему лицу – ректору вуза. Следовательно, текст жалобы должен соответствовать нормам общения, принятым для обозначенной коммуникативной ситуации. Использованная в спорном тексте ненормативная языковая единица *изошел на известные физиологические опорожнения* противоречит допустимым в ситуации официального общения ректора и студента правилам коммуникативного взаимодействия.

Таким образом, в тексте жалобы нарушены коммуникативные нормы.

3. Этический аспект культуры речи «связан с речевым выражением нравственного кодекса народа и учетом этого фактора. При этом выбор в пользу более эффективной единицы общения осуществляется не только между литературной (правильной) и нелитературной (неправильной), но и между правильными единицами. Напр., и приветствие *Здравствуйте, Константин Александрович!* (1), и приветствия *Здравствуй, Костя!* (2), *Привет, Костик!* (3) правильны, но в общении взрослых в официальной обстановке или обращении младшего к старшему лучше будет (1), а в неофициальном общении ровесников или приятельском обращении старшего к младшему – (2) или (3)» [Стилистический энциклопедический словарь русского языка [http](http://)].

Соблюдение этических норм предполагает соблюдение требований чистоты и уместности речи, которые, как было обосновано выше, в спорном тексте нарушены. Использование ненормативной языковой единицы *изошел на известные физиологические опорожнения* в тексте официального обращения студента к ректору говорит также о нарушении студентом норм речевого этикета. Этические нормы нарушены студентом и в отношении преподавателя И.И. Иванова, действия и личность которого были охарактеризованы при помощи ненормативных лексических средств.

Таким образом, в тексте жалобы нарушены этические нормы русского языка.

Проведенный лингвистический анализ позволяет сделать вывод о том, что в спорном тексте нарушены нормы культуры речи, а, следовательно, и нормы культуры общения, в том числе нормы культуры общения, принятые в академической среде. В данном случае автором спорного текста не были учтены или были проигнорированы особенности коммуникативной ситуации (официальное общение с ректором), статусные, интеллектуальные, культурные характеристики адресата жалобы – ректора вуза, доктора наук, профессора, а также другого участника коммуникативной ситуации – преподавателя И.И. Иванова. Таким образом, в спорном тексте содержатся ненормативные языковые средства, употребление которых в контексте спорного текста и с учетом коммуникативной ситуации противоречит общепринятым нормам морали и нравственности.

Заметим, что сделать вывод относительно нарушения в том или ином спорном тексте норм культуры речи, а, следовательно, культуры общения эксперт вправе только при условии несоблюдения автором текста одновременно трех групп норм культуры речи – собственно языковых (лексико-стилистических), коммуникативных, этических. Такой подход позволит произвести комплексное, объективное исследование спорного текста, а также дает необходимые в лингвокриминалистике максимально жесткие и однозначные критерии лингвистического анализа.

© Саломатина М.С., 2022

Литература

Белко В.К. Жгучий глагол: Словарь народной фразеологии, 2000. URL: <https://coollib.com/b/262049/read>. Дата обращения: 12.05.2022.

Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/d40cbd099d17057d9697b15ee8368e49953416ae/. Дата обращения: 19.05.2022.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. URL: <https://ozhegov.info/slovar/>. Дата обращения: 12.05.2022.

Портал «Грамота.ру». Деловое письмо. URL: <http://new.gramota.ru/spravka/letters/101-rubric-60>. Дата обращения: 12.05.2022.

Психология общения. Энциклопедический словарь. М.: Когито-Центр / под ред. А.А. Бодалева, 2011. URL: <https://984.slovaronline.com/>. Дата обращения: 18.05.2022.

Стернин И.А. Оскорбление и неприличная языковая форма как предмет лингвистической экспертизы (бытовое и юридическое понимание) // Стернин И.А. Лингвокриминалистика. Избранные статьи 2006–2012. URL: <https://rusexpert.ru/public/guild/9.pdf>. Дата обращения: 05.05.2022.

Стернин И.А., Антонова Л.Г., Карпов Д.Л., Шаманова М.В. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста. Ярославль: Канцлер, 2013. 35 с.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта, Наука / под ред. М.Н. Кожинной, 2003. URL: <https://rus-stylistics-dict.slovaronline.com/>. Дата обращения: 12.05.2022.

Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. М.В. Горбаневского, 2002. М.: Галерея, 2002. 424 с.

Сведения об авторе:

Саломатина Мария Сергеевна – доцент кафедры общего языкознания и стилистики филологического факультета ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», кандидат филологических наук, доцент.

Контактная информация:

394018, Россия, г. Воронеж, Университетская площадь, 1.

ORCID: 0000-0002-1276-9744

email: salomatina.maria@yandex.ru

Для цитирования:

Саломатина М.А. Понятие языковой формы, противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности // Вопросы психолингвистики № 2(52) 2022, С. 90–98, doi: 10.30982/2077-5911-2022-52-2-90-98

UDC 81'33

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2022-52-2-90-98

Research article

**THE CONCEPT OF LANGUAGE FORM CONTRADICTING TO GENERALLY
ACCEPTED NORMS OF MORALITY AND ETHICS**

Maria S. Salomatina

Voronezh State University,
Voronezh, Russia

Abstract

This paper is devoted to the definition of the concept of a linguistic form that contradicts the generally accepted norms of morality and ethics. The concept under discussion is mentioned in article 5.61 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and is essential for qualifying a particular controversial text as offensive. The article continues and develops the ideas of Professor Iosif Abramovich Sternin in terms of developing a methodology for text analysis for legal purposes. The concept under discussion is based on the understanding of the obscene form of the statement proposed in the works of I.A. Sternin. The need to refer to the concept of a linguistic form that is contrary to generally accepted norms of morality and ethics is due to the fact that the above formulation is not a linguistic term, and it does not obviously correlate with a specific linguistic category, although cases of claims for offence involve a linguistic examination, within which a question is raised about the form of expression of discrediting information. The ambiguity of the concept of a linguistic form, which is contrary to generally accepted norms of morality and ethics, also creates methodological difficulties for the expert community. In this paper, the author also sets and implements the task of developing some methodological recommendations for analyzing the controversial text for the presence of linguistic signs of offence in it. The proposed methodology for analysis is based on the concept of stylistic differentiation of

vocabulary for the purposes of forensic linguistics, developed by I.A. Sternin, as well as the traditional concept of the culture of speech, which includes the idea of the culture of speech as a phenomenon that functions in the form of three aspects – normative, communicative and ethical.

Keywords: language form, contradicting to generally accepted moral standards, obscene form of statement, offence, humiliation of honor and dignity; linguistic expertise of text; forensic linguistics

© Salomatina M.A., 2022

Bionotes:

Maria S. Salomatina – Assistant Professor, Ph.D, Department of General Linguistics and Stylistics of the Philological Faculty, Voronezh State University, Voronezh

Contact information:

1 Universitetskaya pl., Voronezh, 394018, Russia

ORCID: 0000-0002-1276-9744

email: salomatina.maria@yandex.ru

For citation:

Salomatina M.A. (2022) The concept of language form contradicting to generally accepted norms of morality and ethics. *Journal of Psycholinguistics*. 2(52), P. 90–98. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2022-52-2-90-98 (in Russian)

КОГНИТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ НАУЧНОГО ТЕКСТА: ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Стеблецова Анна Олеговна

Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко,
Воронеж, Россия

Аннотация

В настоящей работе представлены результаты сопоставительного анализа когнитивной структуры *объект – цель*, вербализованной в тексте современной научно-исследовательской статьи. Когнитивная структура *объект – цель* представляет собой смысловую взаимосвязь этих научных категорий исследования; их вербальная репрезентация в тексте научной статьи детерминирована этнокультурными особенностями научного мышления. В основу гипотезы исследования и методики его проведения были положены идеи профессора И.А. Стернина, основателя Воронежской психолингвистической школы, Заслуженного деятеля науки РФ, о национально-культурной специфике языкового сознания, а также разработанный им алгоритм сопоставительного анализа, позволяющий выявлять и описывать этнолингвистическую специфику на разных уровнях языковой системы, в том числе и на уровне текста и дискурса. Настоящее исследование проводилось на материале английских и русских текстов научных медицинских статей, представляющих оригинальные научные исследования. Результаты дескриптивно-сопоставительного анализа вербальной репрезентации *объекта* и *цели* в текстах обнаружили как сходные языковые средства, так и различия, отражающие этнолингвистическую специфику восприятия научного текста. К этнолингвистическим особенностям вербализации *объекта* и *цели* в тексте англоязычной исследовательской статьи относится стандартизированный линейный характер их репрезентации, многократные референции к *объекту*, дублирование структуры *объект – цель* в аннотации и в последнем абзаце введения, экспликация категории *цель* одноимённой лексемой. Вербальная репрезентация когнитивной взаимосвязи между научными категориями *объекта* и *цели* в тексте русскоязычной научной статьи отличается меньшей стандартизованностью и большей вариативностью языковых средств. Автором отмечены случаи отсутствия вербальной репрезентации *цели* во введении, а также использование синонимических замен при референции к *объекту*. В заключении представлена авторская интерпретация выявленных этнолингвистических особенностей вербализации когнитивной структуры *объект – цель* в русле концепции национально-культурной специфики языкового сознания.

Ключевые слова: научный текст, когнитивная структура, вербальная репрезентация, объект, цель, этнолингвистическая специфика

Введение

Проблемы когнитивных структур знания, отраженных в формально-грамматических и лексико-синтаксических конструкциях предложения и текста, обсуждались

учеными с момента становления психолингвистики как самостоятельной отрасли российской когнитивной науки. Основой для решения этих проблем можно считать синтаксическую модель порождения речи А.А. Леонтьева–Т.В. Ахутиной [Ахутина 1989], разработанную в русле концепции речемыслительной деятельности Л.С. Выготского [Выготский 1983], и результатов нейролингвистических исследований нарушения речи. В синтаксическом аспекте модель предполагает три уровня анализа: глубинный (или смысловой), семантический и формально-грамматический (или поверхностный).

Теоретическое разделение процессов порождения речи на внутренний и внешний характерно как для концепций выдающихся представителей российской психолингвистики – А.А. Залевской, И.А. Зимней, Т.В. Черниговской [Залевская 1977; Зимняя 1985; Черниговская 1984], так и для зарубежных моделей естественных когнитивных структур Ч. Осгуда и соавторов [Осгуд, Суси 1972] или «трансформационной грамматики» Н. Хомского [Хомский 1962]. В рамках этой парадигмы научный текст является наиболее репрезентативным объектом изучения процессов и механизмов восприятия или декодирования глубинных структур.

Письменный текст вообще, будучи результатом когнитивно-дискурсивной практики, представляет собой фиксированный во времени и пространстве фрагмент речемыслительной деятельности. Научный текст есть результат речемыслительной деятельности в процессе познания. Именно открытие, освоение, осмысление и передача нового знания как содержания когнитивно-дискурсивной практики является сутью и смыслом существования научного текста. Не случайно один из важнейших разделов отечественной психолингвистики, связанный с именами выдающихся ученых Ю.А. Сорокина, А.М. Шахнаровича, Н.В. Уфимцевой, Е.Ф. Тарасова, А.И. Новикова, посвящен исследованиям текста. В своем ретроспективном обзоре «Текст и его изучение с помощью лингвистических и психолингвистических методик (ретроспективный обзор)», анализирующем лингвистические и психолингвистические подходы к изучению текста, Ю.А. Сорокин выделяет семь психолингвистических методик [Сорокин 2008]. Среди них особо отметим исследования смысловой компрессии текста (заголовки, аннотации) в русле «логико-фактологического» направления [Дридзе 1981; Зимняя, Малинина 1977; Микк 1974; Микк 1981; Новиков 1983] и работы по изучению национально-культурной специфики текста, а также особенностей вербального и невербального поведения носителей разных лингвокультур [Дмитрюк 1985; Марковина 1982; Марковина, Сорокин 2010; Национально-культурная специфика... 1977; Сорокин 1977], поскольку выраженные в них идеи и концепции дали толчок многим последующим подходам к изучению научного текста [Новиков 2007; Пешкова 2002; Хомутова 2010; Чернявская 2016].

Лингвистические проявления этнокультурных характеристик в тексте и дискурсе, национально-культурные аспекты речевого поведения выросли в отдельное научное направление – этнопсихолингвистику. Объектами ее изучения являются устная и письменная речь, языковое сознание, речевое (коммуникативное) поведение – явления, анализ которых немислим в отрыве от национального языка и культуры. Огромный вклад в изучение и осмысление этих вопросов внес выдающийся российский ученый, основатель и руководитель Воронежской школы психолингвистики Иосиф Абрамович Стернин. Его научные проекты в области выявления и описания этноспецифических характеристик языкового сознания и коммуникативного поведения, во многом определили развитие этнопсихолингвистической парадигмы отечественной психолингвистики и коммуникативистики.

Результаты исследований И.А. Стернина, его коллег и учеников по этнолингвистической проблематике представлены в коллективных монографиях и монографиях «Американское коммуникативное поведение»(2001), «Коммуникативное поведение. Очерк английского коммуникативного поведения» (2003), «Russian and American Communicative Behavior» (2003), «Русские. Коммуникативное поведение» (2006), «Национальная специфика делового общения в англоязычной и русскоязычной коммуникативных культурах» (2009), «Языковое сознание жителей Воронежа» (2010), «Метапрофессиональный деловой дискурс: типология и национальная специфика»(2017) и многих других. Серия диссертаций, выполненных в Воронежском государственном университете с 1990 по 2020 гг. в русле изучения национально-культурной специфики языкового сознания, коммуникативного поведения, проблем концептологии и теории лакуарности на всех уровнях репрезентации значения – от семантики слова и лексической группы до семантики текста и дискурса – были основаны на идеях и выполнены по руководством И.А. Стернина. Полный список этих диссертаций представлен в книге «Сопоставительный анализ в исследовании и преподавании языка (из опыта Воронежской школы сопоставительных исследований)» [Конопелько 2019:11–13]. Подчеркивая неоспоримость национальной специфики менталитета, И.А. Стернин выявлял и описывал ее воздействие на процессы и результаты межэтнического общения, на коммуникативную, дискурсивно-когнитивную деятельность индивидов, групп и этнокультурных общностей. Труды И.А. Стернина оказали непосредственное влияние на наши исследования делового текста и дискурса [Стеблецова 2017], академического дискурса и научного текста [Торубарова, Стеблецова 2020], медиатекста медицинской профилактики [Стеблецова, Стернин 2019]. Разработанный И.А. Стерниным и М.А. Стерниной метод сопоставительно-параметрического анализа, заключающийся в «... использовании формализованных параметров описания языков, концептосфер и их национальной специфики» [Стернина 2014: 3], доказал свою эффективность при анализе текстов и дискурсов различных институциональных сфер [Стеблецова 2010; Стеблецова, Стернин 2019]. В частности, наша модель дескриптивно-сопоставительного анализа [Стеблецова 2017] была разработана для выявления и описания национальной специфики дискурса трудоустройства, оперативного взаимодействия и кадрового дискурса в англоязычной и русскоязычной коммуникативных культурах.

Психолингвистические и этнолингвистические аспекты анализа научного текста неизбежно актуализируются, как только исследователи предпринимают попытку объяснить языковые различия любого уровня языковой системы. Изучая и сопоставляя лингвостилистические, дискурсивные, жанровые проявления этнокультурной специфики научного медицинского текста на материале англоязычных и русскоязычных научно-исследовательских статей [Науменко, Стеблецова 2021; Стеблецова, Науменко 2019; Стеблецова, Торубарова 2019], мы столкнулись с необходимостью декодирования когнитивных структур научного текста, раскрывающих его глубинные смыслы. Таким образом, целью настоящей работы является анализ взаимосвязи и взаимозависимости смысловых структур научного медицинского текста и их вербальной репрезентации, а также выявление этнопсихолингвистической детерминированности этих взаимосвязей.

Материалы и методы

Предметом сопоставительного анализа стала когнитивная структура *объект-цель*, облигаторно представленной в тексте современной научно-исследовательской статьи. Материалом послужили оригинальные исследовательские статьи

(Research Article) ведущих рецензируемых английских и российских медицинских журналов за 2017–2022 гг., из которых методом сплошной выборки были получены научные тексты. Корпус англоязычных источников составили журналы крупнейшего международного портала *BMJ Journals (bmj.com)* *Heart*, *Open Diabetes Research and Care*. Русскоязычные научно-исследовательские статьи собраны из российских журналов *Российский кардиологический журнал*, *Сердце: журнал для практикующих врачей* и *Терапевтический архив*. Все тексты относятся к жанровому типу исследовательской статьи; в анализ включались заголовки, аннотации и полные тексты статей.

С позиций когнитивно-дискурсивной парадигмы текст научной статьи есть письменное отражение исследовательского процесса, его алгоритма, ключевых этапов и результатов. Порождение любого текста является продуктом сложного психолингвистического механизма; создание же научного текста подразумевает действие особых способов речевой и мыслительной деятельности человека, связанных с исследованием – наиболее высокоорганизованной и структурированной формой познания. Тексты научных статей отражают глубинные процессы речемыслительной деятельности ученого – от определения проблемы и выдвижения гипотезы до представления результатов и формулирования выводов.

При изучении и описании способов вербализации этих процессов необходим некий общий термин, объединяющий единицы / параметры нашего анализа. В диссертационной работе Ю.Н. Науменко используется термин «научные категории исследования», которые автор определяет как «облигаторные этапы (компоненты) процесса научного познания, которые конвенционально реализованы в тексте исследовательской статьи разнообразными дискурсивными способами и языковыми средствами» [Науменко 2021:79].

Данное определение отражает дискурсивный подход к определению понятий *актуальности*, *цели*, *объекта*, *дизайна*, *результатов* и прочих облигаторных смысловых категорий исследовательского процесса, как бы проецируя дискурсивный процесс – исследование на дискурсивный продукт – текст научной статьи. С позиций теории речевой деятельности эти научные категории исследования есть не что иное, как глубинные смысловые связи или когнитивные структуры текста, ментальные репрезентации которых существуют в мозгу исследователя. В тексте научные категории исследования находят свое выражение в определенных семантических и синтаксических структурах (например, в номинативных словосочетаниях или *nounphrases*), реализуются в тексте в устойчивых логико-смысловых последовательностях (например, *объект – актуальность – цель / object – relevance – objective* (англ.)), и локализуются в определенных разделах текста (например, в заголовке / *title*, аннотации / *abstract*, введении / *introduction*). В настоящей публикации мы рассматриваем когнитивную структуру *объект–цель* в аспекте ее вербальной репрезентации в текстах англоязычных и русскоязычных научных статей. Методика исследования включала приемы структурно-семантического и синтагматического анализа, метод дескриптивно-сопоставительного описания данных.

Результаты и обсуждение

Объект – базовая и, казалось бы, однозначная категория любого научного исследования – представляет определенные сложности для восприятия причем как в английской, так и в русской научно-исследовательской статье. В отличие от жанра диссертации, в тексте научной статьи эта категория практически никогда не реализуется

с помощью одноименной лексемы, поэтому ее идентификация только на основании пропозиционального содержания требует определенных когнитивных усилий реципиента. Данные нашего корпуса медицинских статей свидетельствуют, что вербализация *объекта* часто происходит в синтагматическом сочетании с вербализацией *предмета*. Это сочетание обычно воспринимается как *тема / topic* исследования. Рассмотрим несколько типичных примеров подобной вербализации *объекта* в заголовках научных медицинских статей.

- (1) Lipoprotein-associated phospholipase A2 activity, genetics and calcific aortic valve stenosis in humans
- (2) Longitudinal associations between loneliness, social isolation and cardiovascular events
- (3) Общая вода тела и рецидивирующая фибрилляция предсердий
- (4) Частота и сроки наступления острого инфаркта миокарда у больных сахарным диабетом 2 типа в зависимости от сахароснижающей терапии

Заголовки состоят из многословных (*lipoprotein-associated phospholipase A2 activity, calcific aortic valve stenosis, longitudinal associations, рецидивирующая фибрилляция предсердий, сроки наступления острого инфаркта миокарда*) и однословных (*genetics, loneliness, частота*) номинативных конструкций, каждая из которых (или все вместе) может восприниматься как *объект*. При этом семантико-синтаксическая организация этих словосочетаний внутри заголовка (запятые, соединительные союзы, *and*) отражает перечисление равноправных компонентов. Такая организация заголовков научных медицинских статей является выражением смысловых связей между компонентами – корреляции, взаимосвязи, взаимозависимости, взаимовлияния. В некоторых случаях эта связь эксплицирована лексическими маркерами, например, *association* в примере (2). Таким образом, пропозиция заголовка «Взаимосвязь между одиночеством и сердечно-сосудистыми заболеваниями» воспринимается реципиентами как *тема* или *проблема* исследования (*предмет+объект*). Аналогичные когнитивные операции можно произвести и в заголовках (1), (3), (4).

Необходимо отметить, что определенной верификацией представленных выше выводов являются последующие текстовые референции к *объекту* при вербализации *цели*. Как правило, референции встречаются несколько раз в разных разделах текста научной статьи. В Таблице 1 приведены примеры синтагматической корреляции *объекта* и *цели* в аннотации / abstract и введении / introduction/ background англоязычных и русскоязычных научных статей.

Таблица № 1

Локализация *объекта* и *цели* в тексте научной статьи

	Заголовок / Title	Аннотация / Abstract	Введение / Introduction
1	Lipoprotein-associated phospholipase A2 activity, genetics and calcific aortic valve stenosis in humans	<i>Our objective was to test the association between plasma Lp-PLA2 activity and genetically elevated Lp-PLA2 mass/activity with CAVS in humans.</i>	<i>The objective of this study was to assess the relationship between Lp-PLA2 activity and the presence of CAVS in patients with documented heart disease undergoing cardiac surgery as well as in the general population.</i>

2	Longitudinal associations between loneliness, social isolation and cardiovascular events	Objective <i>This study aimed to examine the association between loneliness, social isolation and cardiovascular disease (CVD), looking at both self-reported CVD diagnosis and CVD-related hospital admissions</i>	Therefore, the present study aimed to extend the research on loneliness, social isolation and CVD using data from the English Longitudinal Study of Ageing (ELSA) linked to Hospital Episodes Statistics (HES).
3	Общая вода тела и рецидивирующая фибрилляция предсердий	Цель исследования. Уточнение связи между содержанием общей воды тела и рецидивированием фибрилляции предсердий (ФП) неклапанной этиологии.	вербализация отсутствует
4	Частота и сроки наступления острого инфаркта миокарда у больных сахарным диабетом 2 типа в зависимости от сахароснижающей терапии	Цель. Оценить частоту и сроки наступления первого острого ИМ у больных СД 2 типа в зависимости от проводимой на амбулаторном этапе сахароснижающей терапии...	вербализация отсутствует

Анализ формальных грамматических и лексических средств вербализации *объекта и цели* в английском и русских научных текстах обнаруживает некоторые различия. Так, в англоязычных текстах (1,2) отмечаем дословное повторение *объекта* или *темы* исследования при двукратной вербализации *цели* – в аннотации и в последнем абзаце / последнем предложении введения. Сама научная категория *цель* эксплицируется лексемой *objective*; пропозиция выражена в рамках инфинитивной конструкцией *to test / to assess the association / there lationship between*, что отражает смысловую связь между *объектом* и *предметом*.

Когнитивная структура *объект– цель* в русских текстах совпадает с англоязычными аналогами, при этом можно заметить некоторые расхождения на уровне их лексико-грамматической реализации. Так, экспликация научной категории *цель* происходит только в аннотации научной статьи, во введении она вербально не представлена (примеры 3, 4 Таблица № 1). Пропозициональное содержание цели может быть выражено как инфинитивной конструкцией *оценить частоту* (пример 4), так и номинативной конструкцией с отглагольным существительным *уточнение связи* (пример 3). Наш корпус русскоязычных медицинских статей показывает, что номинативные конструкции являются распространенным способом вербализации пропозиционального содержания *цели*, например:

(5) Цель. Оценка структурно-функциональных особенностей течения заболевания у больных с компенсированным гипертоническим сердцем.

(6) Цель. Установление природы и характера поражения ЦНС по данным патологоанатомического исследования умерших больных ВИЧ-инфекцией с прижизненным диагнозом «энцефалит неясной этиологии».

Кроме того, русскоязычные тексты демонстрируют еще одну лингвокогнитивную особенность: в тексте не только не эксплицируется сама научная категория *цель*, но и ее пропозициональное содержание вербально реализуется с помощью лексических маркеров – клише, указывающих на общую проблематику исследования. В примерах ниже предлагаем заголовки научных статей и фрагменты аннотации, иллюстрирующие данную особенность.

(7) **Остеоартроз в клинике внутренних и профессиональных болезней: дифференциально-диагностические аспекты**

В статье *рассматриваются вопросы патогенеза, факторов риска и диагностики профессионального и профессионально обусловленного остеоартрита... Обсуждаются вопросы дифференциальной диагностики.*

(8) COVID-19: каковы **риски пациентов с артериальной гипертензией?**

В статье *затрагиваются вопросы рисков у больных артериальной гипертензией на фоне коронавирусной инфекции ... и подходы к ведению таких пациентов.*

Как видно из примеров, интерпретация представленных фрагментов аннотации как содержащих *цель* исследования затруднена отсутствием эксплицитного выражения этой научной категории, а также генерализованным характером лексических маркеров *обсуждаются вопросы / затрагиваются вопросы и подходы*, которые в сочетании с содержательными компонентами заголовка отсылают реципиента к *объекту* или *теме* исследования. В примере (7) вербализация самого *объекта* или *темы* осуществлена не дословным их повторением, но с помощью синонимических замен детализирующего характера. Так, термин *клиника болезней* в заголовке заменен в аннотации на *патогенез, факторы риска и диагностики; остеоартроз* заменен на более узкий термин *остеоартрит*. Предполагаем, что подобные замены вызваны стремлением авторов избежать лексических повторов, а также апелляцией к реципиенту-эксперту, который, обладая общими с автором знаниями, может произвести собственные когнитивные операции по декодированию семантических смыслов.

Заключение

Обобщая отдельные результаты исследования, мы можем заключить, что выводы относительно вербальных средств репрезентации знания и особенностей его восприятия в научном тексте неразрывно связаны с осмыслением глубинных когнитивных смыслов и структур, находящихся за поверхностными репрезентациями.

Результаты нашего исследования свидетельствуют, что текст научной статьи, являясь письменным выражением когнитивно-дискурсивного процесса исследования, содержит универсальные с точки зрения познания научные категории. Эти категории находятся во взаимосвязи, образуя смысловые когнитивные структуры текста, например, *объект – цель*. Deskриптивно-сопоставительный анализ их вербальной репрезентации в тексте обнаруживает не только выбор сходных языковых средств, указывающий на универсальность речемыслительных процессов, но и различия, отражающие этнолингвистическую специфику процессов порождения и восприятия текста.

Вербальная репрезентация когнитивной взаимосвязи между научными категориями *объекта* и *цели* в тексте *англоязычной научной статьи* отличается стандартизированным линейным характером: первичная репрезентация объекта / темы в заголовке дублируется в аннотации и в последнем абзаце введения. Каждая повторная номинация пропозиции объекта происходит с помощью одних и тех же лексических средств, нормативные изменения – замена термина аббревиатурой. Сама категория *цели* эксплицирована одноименной лексемой, пропозициональное содержание реализуется в рамках стандартизированной инфинитивной конструкции. На наш взгляд, это объясняется конвенциональным для англоязычного академического сознания стремлением установить наиболее прямые корреляции между глубинными смыслами и их вербальной репрезентацией, а также прагматической целью облегчить восприятие содержания научного текста, устранив возможные коммуникативные сложности, например, неоднозначные интерпретации.

Вербальная репрезентация когнитивной взаимосвязи между научными категориями *объекта* и *цели* в тексте *русскоязычной научной статьи* отличается меньшей стандартизованностью и большей вариативностью языковых средств. Первичная репрезентация объекта / темы в заголовке может повторяться в аннотации, но далеко не всегда во введении. Повторная номинация пропозиции объекта может осуществляться с помощью синонимических замен. Научная категория *цели* не всегда выражена эксплицитно, что может создавать коммуникативные сложности для ее восприятия и идентификации реципиентом. Мы предполагаем, что эти особенности русскоязычного академического стиля детерминированы этнокультурными традициями русского научного мышления. Восприятие научного текста, правильная интерпретация его глубинных смыслов и категорий находится в «зоне ответственности» реципиента, поскольку он принадлежит к тому же дискурсивно-экспертному сообществу, что и автор текста, а значит, может провести необходимые когнитивные операции по извлечению скрытых смыслов.

В заключение констатируем, что интеграция этнопсихолингвистического подхода и сопоставительных методов в русле анализа национально-культурной специфики подтверждает свой потенциал в исследованиях научного текста и дискурса, а результаты таких исследований способны расширить наши представления об особенностях научного мышления представителей разных этнокультур.

© Стеблецова А.О., 2022

Литература

Американское коммуникативное поведение: Научное издание / под ред. И.А. Стернина и М.А. Стерниной. Воронеж: ВГУ-МИОН, 2001. 224 с.

Ахутина Т.В. Порождение речи. Нейролингвистический анализ синтаксиса. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1989. 218 с.

Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т.3 Проблемы развития психики / под ред. А.М. Матюшкина. М.: Педагогика, 1983. 368 с.

Дмитрюк Н.В. Национально-культурная специфика вербальных ассоциаций. АКД. М., 1985.

Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. М., 1981.

Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека. Калинин: КГУ, 1977. 83 с.

Зимняя И.А., Малинина Ю.Ф., Толкачева С.Д. К вопросу о психологических механизмах рецептивных видов речевой деятельности // Иностранные языки в высшей школе. 1977. Вып.12.

Зимняя И.А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. М., 1985. 160 с.

Конопелько И.П. Сопоставительный анализ в исследовании и преподавании языка (из опыта Воронежской школы сопоставительных исследований). Воронеж: Изд-во ООО «РИТМ», 2019. С. 11–14.

Марковина И.Ю. Влияние лингвистических и экстралингвистических факторов на понимание текста. Дис... на соиск. учен.степ. канд. филолог. наук. М., 1982.

Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Культура и текст. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. 138 с.

Микк Я. Методики разработки формул читабельности // Советская педагогика и школа. 1974. Вып. 9.

Микк Я. Оптимизация сложности учебного текста. М., 1981.

Науменко Ю.Н. Маркеры научных категорий исследования: сопоставительный анализ способов вербализации. Дис... на соиск. учен.степ. канд. филолог. наук. Тверь, 2021.

Науменко Ю.Н., Стеблецова А.О. Вербализация научной категории актуальность в англоязычном и русскоязычном академических дискурсах // Филология и культура. 2021. № 1 (63). С. 84–93.

Национально-культурная специфика речевого поведения: коллективная монография / под ред. А.А. Леонтьева, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова. М.: Наука, 1977.

Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. М., 1983.

Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты: монография / под ред. Н.В. Васильевой, Н.М. Нестеровой, Н.П. Пешковой. М.: Институт языкознания РАН, 2007. 224 с.

Осгуд Ч., Суси Дж., Танненбаум П. Измерение значения. В кн.: Семиотика и искусствометрия. М., 1972.

Пешкова Н.П. Типология научного текста: психолингвистический аспект. Уфа: Изд-во УГАТУ, 2002. 261 с.

Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские. Коммуникативное поведение. М.: Флинта-Наука, 2006. 328 с.

Сорокин Ю.А. Метод установления лакун как один из способов выявления специфики локальных культур // Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977.

Сорокин Ю.А. Текст и его изучение с помощью лингвистических и психолингвистических методик (ретроспективный обзор) // Вопросы психолингвистики. 2008. №8. С. 29–41.

Стеблецова А.О. Национальная специфика делового общения в англоязычной и русскоязычной коммуникативных культурах: монография / под ред. И.А. Стернина. Воронеж: ИПЦ Воронеж. гос. унта, 2009. 207с.

Стеблецова А.О. Дискурс трудоустройства в сопоставительном аспекте: национальная специфика коммуникативных культур // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 2. С. 182–186.

Стеблецова А.О. Метапрофессиональный деловой дискурс: типология и национальная специфика. Воронеж, 2017. С. 294–301.

Стеблецова А.О., Науменко Ю.Н. Заголовки английских и русских научных статей: дискурсивно-когнитивные особенности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 4 (820). С. 161–179.

Стеблецова А.О., Стернин И.А. Интердискурсивность медиатекстов медицинской профилактики // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6. № 3. С. 794–809.

Стеблецова А.О., Торубарова И.И. Формальность как стилеобразующая характеристика академического английского: синхронический анализ научных медицинских текстов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2019. Т. 18. № 4. С. 157–173.

Стернин И.А., Ларина Т.В., Стернина М.А. Очерк английского коммуникативного поведения. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2003. 185 с.

Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2014. 114 с.

Торубарова И.И., Стеблецова А.О. Научная медицинская статья: проявления национальной специфики в универсальном жанре академического дискурса // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2020. № 4 (67). С. 145–153.

Хомский Н. Синтаксические структуры. В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. V. М., 1962.

Хомутова Т.Н. Научный текст: интегральный подход. Челябинск: ЮУрГУ, 2010. 333 с.

Черниговская Т.В., Деглин В.Л. Проблема внутреннего диалогизма (нейрофизиологическое исследование языковой компетенции) // Учен. зап. Тартуск. ун-та. Труды по знаковым системам. 1984. Вып. 17. С. 48–67.

Чернявская В.Е. Научно-исследовательская статья как вербализация нового научного результата (на материале лингвистики) // Жанры речи. 2016. №1. С. 56–64, doi: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-56-64.

Языковое сознание жителей Воронежа: Монография / под ред. И. А. Стернина. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2010. 249 с.

Sternina, M., Sternin, I. Russian and American Communicative Behavior. Voronezh: IstokiPublishing House, 2003. 96 p.

Источники примеров

Cyberleninka.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osteartroz-v-klinike-vnutrennih-i-professionalnyh-bolezney-differentsialno-diagnosticheskie-aspekty/> Дата обращения 11.05.2022.

eLIBRARY [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29817745>/Дата обращения 14.05.2022

Heart.bmj.com [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://heart.bmj.com/content/106/18/1407>,<https://heart.bmj.com/content/106/18/1394/> Дата обращения 10.04.2022.

Htn.almazovcentre.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://htn.almazovcentre.ru/jour>,https://htn.almazovcentre.ru/jour/article/view/1937?locale=ru_RU/ Дата обращения 16.04.2022.

Ter-arkhiv.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ter-arkhiv.ru/0040-3660/article/view/30943>,<https://ter-arkhiv.ru/0040-3660/issue/view/4957> Дата обращения 14.05.2022.

Сведения об авторе:

Стеблецова Анна Олеговна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков Воронежского государственного медицинского университета им. Н.Н. Бурденко

Контактная информация:

394006 г. Воронеж, ул. Студенческая, д.10

ORCID:<https://orcid.org/0000-0002-4682-4887>

e-mail: annastabl@vrmgmu.ru, annastabl@mail.ru

Для цитирования:

Стеблецова А.О. Когнитивные структуры научного текста: этнолингвистический аспект // Вопросы психолингвистики № 2(52) 2022, С. 99–110, doi: 10.30982/2077-5911-2022-52-2-99-110

UDC 81'23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2022-52-2-99-110

Research article

**COGNITIVE STRUCTURES OF THE RESEARCH TEXT:
ETHNOLINGUISTIC ASPECT**

Anna O. Stebletsova

Burdenko Voronezh State Medical University,
Voronezh, Russia

Abstract

The article discusses a cognitive aspect of multidisciplinary discourse study of the research publications. It is focused on the comparative analysis of the *object – objective* cognitive structure in the text of English and Russian medical research papers. The *object – objective* cognitive structure is defined as an underlying relationship of these research categories; its verbal representation is determined by ethnocultural characteristics of academic way of thinking. The study hypothesis and methodology are based on the ideas of Professor Iosif A. Sternin, the Head of Voronezh School of Psycholinguistics, Honoured Scholar of the Russian Federation, who developed an algorithm of comparative analysis to reveal and describe ethnocultural properties of the word, text and discourse.

The material of the study involves English and Russian research articles in medical sciences which were analysed by descriptive and comparative methods. The principle findings demonstrated similarities and differences in the verbal representation of the *object – objective* cognitive structure, which possibly reflect ethnocultural characteristics in the process of the research text interpretation by the recipient. The English research texts show rigid and conventional verbalization the *object – objective* cognitive structure, its references are found in different parts of the text, the verbalization of the *objective* is explicit. Verbal

representation of the *object – objective* cognitive structure in Russian texts is less rigid and more variative regarding the implied language means. The corpus demonstrates cases of implicit representation of the *objective* or even its absence in the Introduction. The reference to the object can be performed with the synonyms. The author argues that these differences in the verbal representation of the *object – objective* cognitive structure may be determined by ethnocultural characteristics of the national academic reasoning and way of thinking.

Keywords: research text, cognitive structure, verbal representation, object, objective, ethnolinguistic characteristics

©Stebletsova A.O., 2022

Bionotes:

Anna O. Stebletsova – Doctor of Sciences (Philology), Head of Foreign languages Department, Burdenko Voronezh State Medical University

Contact information:

394006 Voronezh, Ul. Studencheskaya, 10

e-mail: annastabl@vrngmu.ru, annastabl@mail.ru

For citation:

Stebletsova A.O. (2022) Cognitive structures of the research text: ethnolinguistic aspect. *Journal of Psycholinguistics*. 2(52), P. 99–110. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2022-52-2-99-110 (in Russian)

ВОЗРАСТНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ПАРАМЕТРА ОЦЕНОЧНОСТИ ЯДЕРНЫХ ЕДИНИЦ РУССКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

Чернышова Елена Борисовна

Борисоглебский филиал Воронежского государственного университета,
Борисоглебск, Россия

Аннотация

Статья посвящена проблеме исследования возрастной вариативности ядерных единиц русского языкового сознания. Целью работы является выявление и описание возрастной вариативности параметра оценочности ядерных слов. Источниками исследования послужили Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус и Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников 1-11 классов. Сбор эмпирического материала осуществлялся методом сплошной выборки, в ходе которого из ассоциативных полей ядерных единиц-стимулов выделялись реакции, которые имеют с ними оценочные связи. Количественный анализ параметра оценочности исследуемых единиц осуществлялся методом индексации. Под индексом оценочности ядерной единицы мы понимаем отношение количества ассоциатов, имеющих оценочные связи с ядерной единицей, к общему количеству реакций в ее ассоциативном поле. В результате квантитативного анализа полученных данных сделаны следующие выводы: параметр оценочности ассоциативных доминант русского языкового сознания имеет возрастную специфику, различаясь численными значениями и особенностями динамики. Более 60% ядерных слов в возрастных вариантах ядра русского языкового сознания имеют разнонаправленную динамику параметра оценочности.

Ключевые слова: языковое сознание, ядерные единицы русского языкового сознания, возраст, свободный ассоциативный эксперимент, оценочные реакции, оценочная стратегия ассоциирования

В конце XX века оценка впервые стала рассматриваться как объект психолингвистики в рамках теории ментального лексикона индивида, разрабатываемой учеными Тверской психолингвистической школы. А.А. Залевской [Залевская 1990], Е.Н. Колодкиной [Колодкина 1990, 1991] был выявлен и описан такой параметр ядерной единицы (ЯЕ) ментального лексикона, как оценочность.

Исследование параметра оценки (ПО) в психологической структуре значения отдельных русских слов А. А. Залевская и Е. Н. Колодкина осуществили методом субъективного шкалирования, которое заключалось в измерении участниками эксперимента степени выраженности оценки в предложенных им лексических единицах с помощью шкальных значений. Процедура шкалирования осуществлялась следующим образом: «каждому слову соответствовало некоторое число на градуальной

шкале, пропорциональное субъективно переживаемой мере проявления этого параметра» [Залевская 1990: 74–75]. Установить степень выраженности ПО в значении слов позволили определение ранга шкалируемого слова и среднего арифметического как коэффициента его оценочности. По результатам исследования было установлено, что в психологической структуре значения каждой единицы ментального лексикона индивида содержится оценочный компонент [Залевская 1990; Колодкина 1990].

В исследованиях современных российских психолингвистов оценка изучается в разных аспектах (Таблица. №1).

Таблица №1

Психолингвистические исследования оценки

Исследователи	Аспект исследования оценки	Результаты исследования
Н.В. Уфимцева [Уфимцева 2017]	оценка как базовая категория языкового сознания носителя языка	наиболее важными в структуре языкового сознания (ЯС) русских являются оценки: <i>плохо, хорошо, много, быстро, всегда.</i>
М.А. Минина [Минина 1995]	оценка как компонент психологической структуры значения слова	эмоционально-оценочное значение как важный компонент существует в ассоциативно-вербальной сети индивида благодаря синтагматике и парадигматике ассоциативных связей слов
А.В. Кленова [Кленова 2007]	оценка как компонент языковой картины мира (ЯКМ) школьников	оценка активизирована по отношению к широкому кругу объектов, познанных ребенком в ходе выработки непосредственного жизненного опыта; ассоциативно-вербальная сеть школьников имеет значительное количество ассоциативных связей оценочного характера
Д.Ю. Просовецкий [Просовецкий 2015], И.А. Стернин [Стернин 2008, 2010]	оценка как компонент значения языковой единицы	психологически реальная семантика языковой единицы отражается в ее ассоциативном поле; таким образом, в ассоциативном поле может присутствовать информация об оценке, которая содержится в слове.

<p>А.В. Гусейнова [Гусейнова 2004]</p>	<p>оценка как психолингвистическая категория</p>	<p>оценочное содержание слова в тексте распространяется на все высказывание и наслаивается на его действительный смысл</p>
<p>Ю.Н. Караулов [Караулов 1999, 2002]</p>	<p>оценка как компонент синтаксических моделей, полученных в процессе анализа ассоциативно-вербальной сети</p>	<p>оценка, являясь важной составной частью общей информации стимула/реакции, наличествует во всех ассоциациях, в которых проявляется языковое сознание индивида</p>
<p>А.В. Варварин [Варварин 2009]</p>	<p>оценка как регулятивное звено диалога</p>	<p>оценка определяет речевое и неречевое поведение партнера в диалоге, его мыслительную деятельность</p>
<p>Н.С. Сергиева, А.П. Боргоякова, А.П. Сдобнова, Р.И. Березин, Е.Н. Гуц, Т.В. Соколова, Н.И. Береснева [Сергиева 2009, Боргоякова 2002; Сдобнова 2015, Березин 2003а, Гуц 2005, Соколова 1999, Береснева 1995].</p>	<p>оценка как компонент семантических зон ядра языкового сознания носителей языка разных возрастов</p>	<p>в ядре ЯС школьников и взрослых зона «Оценка» занимает первые и вторые места по количеству входящих связей в ранжированном списке семантических зон. Кроме того, данная зона имеет возрастную и гендерную специфику</p>
<p>Ю.О. Бронникова [Бронникова 1997: 13]</p>	<p>оценка как компонент значения лексемы</p>	<p>оценочные лексемы, используемые в речи младшими школьниками, представляют систему языковых единиц, имеющую возрастную специфику, в основном проявляющуюся в составе и обусловленную детскими интересами и потребностями. Оценочной лексике младших школьников присуща ярко выраженная эмоциональная окраска</p>
<p>М.И. Грицко [Грицко 2015].</p>	<p>оценка как компонент системы ценностных ориентаций носителя языка</p>	<p>динамика оценок современных реалий молодежью 18-25 лет свидетельствует о формировании у них новых ценностных ориентаций</p>

Наше исследование ядра ЯС (языкового сознания) позволило выявить тот факт, что, по сути, каждая ядерная единица имеет в своей психологической структуре значения оценочный компонент, тем самым параметр оценочности является универсальной характеристикой единиц ядра ЯС. «Оценке подлежит все» [Караулов 1999: 32].

Под параметром оценочности ядерной единицы ЯС понимается доля оценочных связей в их ассоциативном поле.

Исследования А.В. Кленовой [Кленова 2007], посвященные анализу оценочных смыслов в языковом сознании школьников, показали, что оценочное слово, которым в ходе ассоциативного эксперимента реагирует испытуемый, далеко не всегда имеет со стимулом оценочную ассоциативную связь. Для преодоления этой трудности интерпретации необходимо дать определение оценки в психологическом и психолингвистическом аспектах.

В психологии под оценкой понимают отражение ценностных (потребностных) отношений, которые принадлежат субъект-объектному и субъект-субъектному типам [Батурин 1998].

Оценка, рассматриваемая в психолингвистическом аспекте, – «это положительная / отрицательная характеристика объекта, ассоциированная в сознании носителя языка с телом определенного языкового знака» [Чернышова 2019: 17].

Тем самым при определении того, оценочна ли ассоциация, нужно установить, выражает ли она ценностное (потребностное) отношение между испытуемым (субъектом) и объектом оценки, который обозначен соответствующим стимулом [Чернышова 2019: 182]. Например, *умный* → *разумный* или *очень* → *добрый*.

Анализ реакций испытуемых разного возраста, полученных в ходе ассоциативного эксперимента, позволяет выявить возрастные варианты оценочной зоны ядра русского языкового сознания.

Вариативность оценки – это наличие нескольких вариантов системы оценочных значений в языковом сознании представителей той или иной лингвокультурной общности в зависимости от их социокультурных параметров «возраст», «пол», «региональная принадлежность» [Чернышова 2019: 21–22].

Для исследования параметра оценки в возрастном варианте ядра русского ЯС был применен метод индексации, предполагающий выражение в виде определенного индекса параметра оценочности ядерных единиц возрастного варианта ядра русского языкового сознания.

Материалом для исследования послужили ассоциативные словари:

– «Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников 1-11 классов»; «Ассоциативный словарь школьников Саратова и Саратовской области» (900 тыс. реакций, 1998-2008 гг.) (РАСШ) [Гольдин 2011];

– «Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус» (ЕВРАС) [Черкасова, Уфимцева 2014] с данными САЭ, осуществленного в высших учебных заведениях европейской части России в 2008-2011 гг.

В фокусе изучения оценочной параметризации действительности носителями русского языка стали три возрастные группы:

- группа испытуемых 7-11 лет;
- группа испытуемых 12-16 лет;
- группа испытуемых 17-21 года.

В итоге сплошной выборки оценочных ассоциаций из ассоциативных полей ядерных единиц нами была получена совокупность оценочных реакций (ОР), составляющих оценочную зону ассоциативного поля (АП) каждой исследуемой ядерной единицы (ЯЕ).

Количественная квалификация параметра оценочности ЯЕ осуществлялась при помощи индексирования. «Индекс оценочности (ИО) ядерной единицы – это отношение количества ассоциатов, имеющих оценочные связи с ядерной единицей, к общему количеству реакций в ее АП» [Чернышова 2017: 406].

Итоги квантитативного анализа ассоциативных данных показаны в Таблице № 2.

Таблица № 2

Параметр оценочности ЯЕ в возрастных вариантах русского ЯС (%)

ЯЕ	7-11 лет	12-16 лет	17-21 год
	(РАСШ)	(РАСШ)	(ЕВРАС)
человек	31,4	40,1	29,8
дом	4,9	9,1	18,6
жизнь	26,2	36,3	41,2
деньги	4,5	9,9	40,6
друг	19,5	22,6	39,6
любовь	4,2	7,3	23,4
работа	28,2	17,2	33,3
радость	7,8	6,8	10,8
смерть	13,3	6,1	12,7
стол	3,7	1,0	1,3
мир	7,0	1,1	7,8
время	0,4	0,4	1,1
свет	2,3	1,0	1,1
красный	1,4	0,7	3,0
женщина	22,9	31,5	32,2
книга	10,8	13,4	21,1
грязь	4,9	3,5	9,2
идти	0	0,3	0,2
старый	2,7	1,7	3,4
мальчик	10,1	12,0	8,3
девушка	50,0	35,2	45,0
сильный	7,7	9,4	5,0
город	3,6	2,1	4,3
море	2,6	4,9	1,5
счастье	9,5	7,7	6,1
собака	10,8	13,9	19,9
ум	7,1	6,0	23,7
глупый	7,3	3,5	3,8
школа	6,5	8,1	7,2
война	3,3	8,5	16,4

Рассмотрим вариативность параметра оценочности ядерных единиц русского ЯС.

Данные таблицы №2 позволяют выявить разнонаправленную динамику параметра оценочности исследованных ядерных единиц.

Положительная динамика параметра оценочности регистрируется в ассоциативных полях девяти из тридцати исследуемых ядерных единиц: *дом, жизнь, деньги, друг, любовь, женщина, книга, собака, война*. Отрицательная динамика – в АП ядерной единицы *счастье*.

Разнонаправленная динамика параметра оценочности в зависимости от возраста испытуемых наблюдается в ассоциативных полях двадцати ядерных единиц, таких как *человек, идти, мальчик, сильный, море, школа, работа, радость, смерть, мир, красный, грязь, старый, девушка, город, ум, стол, свет, глупый, время*.

Рис. 1. Динамика параметра оценочности ядерных единиц русского ЯС.

Увеличение индекса параметра оценочности свидетельствует о повышении оценочного отношения к реалиям и персоналиям, называемым ядерными единицами.

Разнонаправленная динамика параметра оценочности говорит о «волновых» изменениях в ценностной системе испытуемых. Качественный анализ оценочных ассоциаций, составляющих оценочную зону исследуемых ядерных единиц, показал, что в одном случае испытуемые 7-11 лет чаще продуцируют оценочные реакции на предъявляемое им слово, испытуемые 12-16 лет на это же слово дают меньше оценочных реакций, а испытуемые 17-21 года вновь чаще реагируют оценочными словами (см. на рисунке динамику параметра оценочности ЯЕ *работа*). Приведем примеры таких «волновых» процессов на рисунке 2.

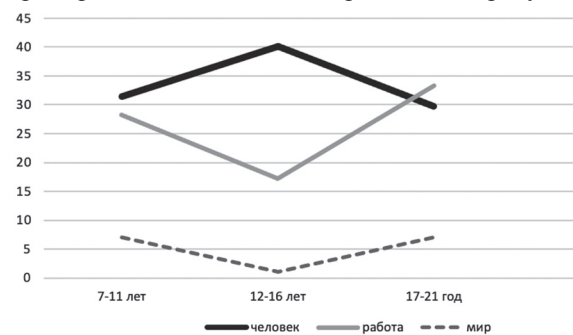

Рис. 2. Динамика параметра оценочности ядерных единиц *человек, работа, мир*.

Таким образом, общая тенденция развития оценочной зоны возрастных вариантов ядра русского языкового сознания – стандартизация – направлена на сближение со взрослой ассоциативной нормой и прослеживается в динамике параметра оценочности. Ярко выраженный параметр оценочности ядерных единиц возрастных вариантов русского ЯС обусловлен высокой активацией оценочной стратегии ассоциирования у испытуемых в ходе эксперимента, что подтверждает значимость той или иной реалии/персоналии в языковом сознании изучаемых возрастных групп.

© Чернышова Е.Б., 2022

Литература

Батурин Н.А. Оценочная функция психики: дисс. ...док. философ. наук. С-Пб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 1998. 383 с.

Березин Р.И. Коммуникативные единицы актуального лексикона подростка // Языковое сознание: устоявшееся и спорное: тез. докл.: XIV междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М.: ИЯ РАН, 2003а. С. 27–28.

Березин Р.И. Коммуникативно-семантические группы актуального лексикона подростка // Лингвистические/психолингвистические проблемы усвоения второго языка. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2003б. С. 121–128.

Береснева Н.И. Ассоциации детей от шести до десяти лет: (Ассоц. значение слова в онтогенезе) / Н.И. Береснева, Л.А. Дубровская, И.Г. Овчинникова. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1995. 254 с.

Боргоякова А.П. Национально-культурная специфика языкового сознания хакасов, русских и англичан: на материале ядра языкового сознания: дисс. ... канд. филол. наук. М.: Моск. гос. лингвист. ун-т, 2002. 181 с.

Варварин А.В. Интерактивный статус субъективной оценочности в диалогическом дискурсе: на материале английского и русского языков: дисс. ... канд. филол. наук. М.: Моск. гос. обл. ун-т, 2009. 168 с.

Грицко М.И. Оценочные характеристики как маркеры национальной идентичности (на примере Русской региональной ассоциативной базы данных – СИБАС) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13, вып. 2. С. 5–15.

Гусейнова А.В. Коннотативный аспект связного текста: дисс. ... канд. филол. наук. Махачкала: Дагестан. гос. пед. ун-т, 2004. 166 с.

Гуц Е.Н. Репрезентация образов сознания подростка некодифицированными языковыми знаками: психолингвистический аспект: дисс. ... докт. филол. наук. Омск: Алт. гос. ун-т, 2005. 486 с.

Залевская А.А. Экспериментальное исследование параметра оценки в психологической структуре значения слова // Психолингвистические проблемы семантики. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1990. С. 73–83.

Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: Институт русского языка РАН, 1999. 180 с.

Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности: Послесловие // Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М.: Астрель: АСТ, 2002. Т. 1: От стимула к реакции: ок. 7000 стимулов. С. 750–782.

Кленова А.В. Оценочные смыслы в ассоциативном словаре (на материале ассоциативного словаря школьников Саратова и Саратовской области): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов: Сарат. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского, 2007. 23 с.

Колодкина Е.Н. Параметр оценки в психологической структуре значения 215 существительных // Психолингвистические проблемы семантики. Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1990. С. 67–73.

Колодкина Е.Н. Оценка и эмоциональность в психологической структуре значения слова // Проблемы семантики: психолингвистические исследования. Тверь: Изд-во ТГУ, 1991. С. 89–93.

Минина М.А. Психолингвистический анализ семантики оценки: на материале глаголов движения: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М.: Ин-т языкознания, 1995. 22 с.

Просовецкий Д.Ю. Психолингвистический метод выявления оценки, содержащейся в слове // Вестник Воронежского государственного университета. 2015. № 3. С. 78–80.

Сдобнова А.П. Лексикон школьника как динамическая система. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2015. 245 с.

Сергиева Н.С. Хронотоп жизненного пути в русском языковом сознании: дисс... докт. филол. наук. М.: Институт языкознания РАН, 2009. 420 с.

Соколова Т.В. Ассоциативный тезаурус ребенка 3-6 лет: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М.: Институт языкознания РАН, 1999. 65 с.

Стернин И.А. Значение слова и его компоненты. Воронеж: Истоки, 2008. 20 с.

Стернин И.А. К разработке психолингвистического толкового словаря // Вопросы психолингвистики. 2010. Вып. (2) 12. С. 57–63.

Уфимцева Н.В. Психолингвистика, этнопсихолингвистика и неопсихолингвистика // (Нео)психолингвистика (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем / под ред. В. В. Красных. М.: Гнозис, 2017. С.40–42.

Чернышова Е.Б. Динамика и вариативность оценки в создании носителей русского языка: [монография]; Российская академия наук, Институт языкознания. Борисоглебск: Кристина и К, 2017. 295 с.

Чернышова Е.Б. Динамика и вариативность оценки в русском языковом сознании: параметрический подход: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.19; [Место защиты: Военный университет]. Москва, 2019. 462 с.

Список использованных словарей, электронных баз данных и их условные обозначения

ЕВРАС – *Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В.* Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус. В 2 т. Т. I. От стимула к реакции. Т. II. От стимула к реакции. URL: <http://iling-ran.ru/main/publications/evras>. Дата обращения: 06.05.2021.

РАСШ – *Гольдин В.Е.* Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников 1-11 классов: в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / В. Е. Гольдин, А. П. Сдобнова, А. О. Мартыанов. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2011. 500 с. Т. 2. От реакции к стимулу. Ч. 1. А-Н. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2011. 480 с. Т. 2. От реакции к стимулу. Ч. 2. О-Я. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2011. 420 с.

Сведения об авторе:

Чернышова Елена Борисовна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики начального образования Борисоглебского филиала Воронежского государственного университета

Контактная информация:

397160, Борисоглебск, ул. Народная, 43

email: elena-chernishova@yandex.ru

Для цитирования:

Чернышова Е.Б. Возрастная вариативность параметра оценочности ядерных единиц русского языкового сознания // Вопросы психолингвистики № 2(52) 2022, С. 111–120, doi: 10.30982/2077-5911-2022-52-2-111-120

UDC 81'23

LBC 81.2

DOI 10.30982/2077-5911-2022-52-2-111-120

Research article

**AGE VARIABILITY OF EVALUATION PARAMETER OF NUCLEAR UNITS
OF RUSSIAN LANGUAGE CONSCIOUSNESS**

Elena B. Chernishova

Borisoglebsk Branch of Voronezh State University,
Borisoglebsk, Russia

Abstract

The article is devoted to the problem of studying the age-related variability of the nuclear units of the Russian language consciousness. The aim of the work is to identify and describe the age-related variability of the evaluation parameter of nuclear words. The sources of the study were «Russian Regional Associative Dictionary-Thesaurus» and «Russian Associative Dictionary: Associative Reactions of Schoolchildren in Grades 1-11». The materials of these associative databases made it possible to collect empirical material for three age groups of subjects (7-11-year-olds, 12-16-year-olds, 17-21-year-olds). The method of continuous sampling from the associative fields of nuclear units-stimuli identified reactions that have evaluative connections with them. Quantitative analysis of the evaluation parameter of the studied units was carried out by the indexing method. Under the evaluation index of a nuclear unit, we mean the ratio of the number of associates having evaluative connections with a nuclear unit to the total number of reactions in its associative field. As a result of a quantitative analysis of the obtained data, we came to the following conclusions: the parameter of evaluation of the associative dominants of the Russian language consciousness has an age specificity, differing in numerical values and features of the dynamics. Positive dynamics of the evaluation parameter is registered in 9% of the studied nuclear units, while 1% has negative dynamics. More than 60% of the studied nuclear words in the age variants of the core of the Russian language consciousness have multidirectional dynamics of the evaluation parameter.

Keywords: language consciousness, nuclear units of Russian language consciousness, age, free associative experiment, evaluation reactions, evaluation strategy of association

Bionotes:

Elena B. Chernishova – Professor, Doctor of Philology (Dr. habil.), Chair of Theory and Methods of Primary Education Department, Borisoglebsk Branch of Voronezh State University

Contact information:

43 Narodnaya str., Borisoglebsk, Russia, 397160

email: elena-chernyshova@yandex.ru

For citation:

Chernishova E.B. (2022) Age variability of evaluation parameter of nuclear units of Russian language consciousness. *Journal of Psycholinguistics*. 2(52), P. 111–120. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2022-52-2-111-120 (in Russian)

ВОСПРИЯТИЕ И ПОНИМАНИЕ АДРЕСАТА В ДИАЛОГЕ С ТЕКСТОМ: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Чижова Лариса Алексеевна

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Аннотация

В статье рассматривается деятельность адресата коммуникативного акта – формирование навыков декодирования текстов разных типов, поликодовых и гомогенных, с участием вербального кода – текстов, представляющих разные жанры устной, письменной, печатной словесности и средств массовой информации. Изучение мотивации и целеполагания адресата текста при его декодировании включает исследование гносеологической и онтологической сторон деятельности человека в диалоге с текстом. Особое внимание нацелено на построении гипертекста в процессе интерпретации смысла текста адресатом при выработке критического отношения к воздействию – навыков контрсуггестивности – как стимула личностного роста для адресата акта коммуникации.

Ключевые слова: коммуникативный акт, адресант, адресат, иллюкуция, контрсуггестивность

В литературоведении при традиционном описании процессов восприятия и понимания текста участников акта коммуникации в качестве центра исследования выделяется создатель текста, адресант. Так, обычно именно автор, его мировоззрение, формирует центр внимания исследователя. Однако при бурном развитии средств массовой коммуникации востребованными оказываются многочисленные способы формирования воздействия на получателя текста в коммуникативном акте не только с участием художественного текста, прецедентного в национальной культуре. Различия мотивации и целеполагания для создания текста адресантом, с одной стороны, и для понимания текста при его декодировании адресатом – с другой, – важная установка для исследования психолингвистических черт деятельности как адресанта, так и адресата.

Формирование функционально-семиотической парадигмы в лингвистике послужило важной вехой на пути исследования коммуникативных актов. Включение понятия семиозиса в научную парадигму символизировало сосредоточение внимания не только на анализе вербального текста, но и на обоих участниках с их навыками вербализации смысла, с их мирозерцанием и характером заинтересованности в успехе или неуспехе акта коммуникации, хотя, следует отметить, что традиционно, со времен античности, философы концентрировали внимание на соотношении мысли и слова [Платон 1990] только у адресанта, создателя текста.

В современном общем языкознании важной вехой оказался не только поиск соотношения мысли и слова, но и описание выбора варианта из возможных средств выражения смысла для определения наилучшего способа воздействия на адресата, при

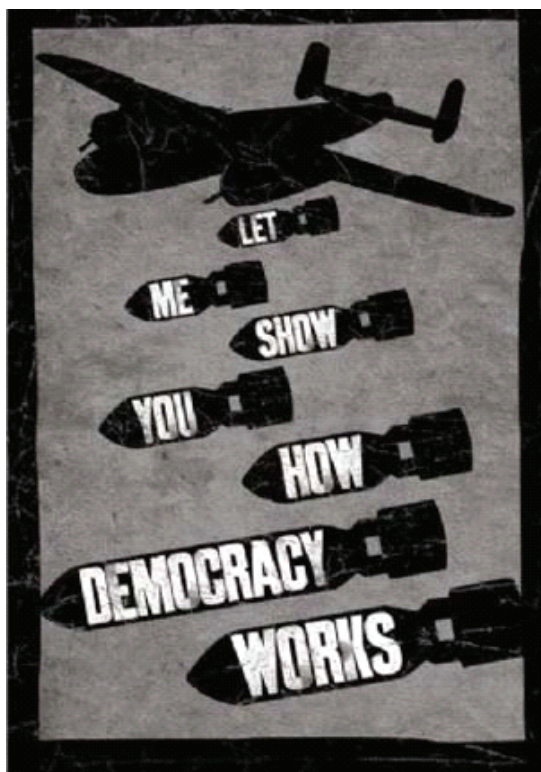
признании необходимости общей базы языковых навыков у обоих участников акта коммуникации, что объясняет введение понятия семиозиса в создании функционально-семиотической научной парадигмы. Однако психолингвистика и когнитивная лингвистика при анализе деятельности участников коммуникативного акта в основном сосредоточивала внимание на создателе текста. Так, при формировании традиции анализа семиозиса с выделением трех аспектов – семантики, синтактики и прагматики [Моррис 1982] – в центре внимания оказывалось соотношение связей смысла и его вербализации, а переход к смыслу от синтактики при декодировании текста, т.е. поведение адресата, его онтологическая деятельность, оставалась в тени.

Следует отметить, что восприятие и понимание окружающей действительности человека познающего – в центре внимания представителей наук гуманитарного цикла, в том числе филолога, а функциональная научная парадигма позволяет описать и создателя текста, и его получателя в акте коммуникации при учете достижений психолингвистики и когнитивной лингвистики. Такое направление исследований формируется когнитивной лингвистикой в отношении анализа вербального семиотического кода. Соотношение гносеологического и онтологического видов деятельности человека на пути познания формирует задачи общего языкознания и психолингвистики в описании эволюции Homo Sapiens в истории человечества на третьей планете от Солнца. При несомненном признании относительности фиксации знания в знаке / знаках вербального кода (причем, не только словом, но и текстом), при учете того, что концепт, в качестве представления знания в научной картине мира, может вообще не иметь способа вербальной презентации [Попова, Стернин 2010: 85–88], мы подчеркиваем значимость исследований речевой деятельности и адресанта, и адресата коммуникативного акта.

Внимание представителя современной когнитивной лингвистики сосредоточено на выявлении соотношения концепта и способа его вербализации обычно вне отношения к противопоставлению социальных ролей адресанта и адресата, хотя интенции самоидентификации и самовыражения двух участников могут быть различными в выборе способа представления концепта из-за различия индивидуальных картин мира участников коммуникации и, что особо значимо, из-за различия оценок уровня навыков кодирования и декодирования смысла и оценок смысла у адресанта и адресата. Например, анализ случаев применения адресантом навыков суггестивного воздействия на адресата с использованием техник намеренной лжи, искажением подачи информативной составляющей сообщения, с одной стороны, и отсутствием у адресата навыков контрсуггестивности, навыков распознавания истинных намерений автора текста – с другой, требуется не только выделить разные типы адресантов и адресатов, но и ввести необходимость учета в классификации актов коммуникации признака успешности / неуспешности достижения цели как со стороны создателя текста, так и со стороны его получателя. То же касается изучения степени эмоционального воздействия в сфере декодирования оценки события со стороны адресата – это также требует от получателя текста не просто навыков базового уровня при декодировании смысла текста, но и навыков хотя бы первого уровня в классификации уровней Ю.Н. Караулова [Караулов 2010]. Следует отметить, что такой же аспект должен учитываться и в ситуациях «общения» читателя с текстом и художественного, и научного содержания: понимание текста вмещает такие уровни, как восприятие, осмысление и интерпретация.

Случаи псевдоуспеха коммуникативного акта возможны во всех сферах коммуни-

кации при отсутствии или неполноценности навыков со стороны как создателя текста, так и его получателя. Если обратиться к оценке успешности / неуспешности коммуникативного акта, то типология ошибочных решений возрастает в сфере поликодовых текстов. Причем в таких случаях приходится констатировать, что символический визуальный код может не только доминировать и способствовать успеху коммуникации, но, в случае несоответствия информации, предоставляемой визуальным и вербальным кодами, рисуночный код может быть главным в достижении целеполагания адресанта, вопреки вербальной части текста. Например, знаний базового уровня адресату достаточно, чтобы понять вербальную часть поликодового текста в следующем примере: “*Let me show you how democracy works*” («Позволь продемонстрировать тебе, как работает демократия»), однако именно рисунок с изображением военного самолета с падающими бомбами способствует пониманию намерения адресанта.

Анализ поликодового текста доказывает, что возможно несоответствие иллюкативного воздействия разных семиотических кодов: в приведенном примере рисуночный код символического типа оказывается более значимым, чем вербальный. В случае, когда в СМИ создаются, например, «фейковые» новости в ситуации информационной войны, именно зрительные образы оказывают наибольшее воздействие, в том числе при намеренном «приглушении» значимости вербальной части текста. Обычно усиление воздействия зрительного образа возникает именно при отсутствии вербализации, специального «умолчания». Такой именно тактики часто придерживаются СМИ Украины в показе событий на Донбассе в 2022 году.

При обращении к традиции функциональной парадигмы в научных исследованиях – анализа локуции, иллокуции и перлокуции при описании коммуникативного акта в истории общего языкознания – в центре внимания оказывается именно адресант и его деятельность в сфере описания создания вербального текста и направленной иллокуции на адресата. Хотя в лекциях Дж. Остина рассматривается вся совокупность сторон коммуникативного акта [Остин 1986: 22–130], как делает это и Дж. Сёрль [Сёрль 1986: 151–169], но наибольшее внимание уделено именно создателю текста в коммуникативном акте. Так, Дж. Сёрль в своей статье описывает иллокутивные силы, которые использует адресант для воздействия на своего адресата [Сёрль 1986: 170–194]. Рассмотрению форм речевого воздействия на адресата коммуникативного акта и описанию социальных стереотипов иллокуции посвящено много работ в сфере прагматики. Особо следует выделить школу З.Д. Поповой и И.А. Стернина. Так, Иосиф Абрамович Стернин подробно останавливается на описании видов общения в соответствии с социальными ролями коммуникантов, представляет типологию имиджей, анализирует влияние фактора адресата на речевое поведение говорящего, степень эффективности воздействия [Стернин 2001, 2011, 2012], а в работе Ю.Е. Прохорова и И.А. Стернина исследуются национальные стереотипы речевого поведения в актах коммуникации [Прохоров, Стернин 2011].

Наша задача – концентрация внимания на адресате текста, на его восприятии, осмыслении, интерпретации текста в акте коммуникации, на своеобразном «диалоге» получателя текста и текста как такового. В семиотическом аспекте такую задачу сформулировал У. Эко [Эко 2007]. Исследование деятельности адресата предполагает выделение множества сторон рассмотрения заявленной темы: среди них – соотношение психических и когнитивных механизмов при декодировании текста, в том числе поликодового, а также вопросы интерпретации вербального кода при декодировании смысла с учетом разграничения, с одной стороны, устного и письменного вида представления текста и гипертекста в дискурсе с применением современных информационных технологий – с другой. Важно анализировать намерения у адресата попыток понять замысел создателя текста при формировании гипертекста с помощью или без помощи «посредников», в том числе информационных технологий, причем, не только в средствах массовой информации, а во всех сферах функционирования вербального кода: в текстах разных жанров, различных родов и видов словесности. Такова, в частности, должна быть работа с научным текстом при обращении к комментариям и ссылкам, в том числе – к цитируемой литературе.

В жанрах устной словесности внимание психолингвистов и социолингвистов привлекают стороны прагматического воздействия, формирования правил коммуникативного поведения универсального типа: таковы правила Г.П. Грайса [Грайс 1985: 217–237] и Дж. Лича [Leech 1983], при этом основное внимание уделяется поведению адресанта. Однако не менее важны исследования в сфере формирования у адресата акта коммуникации навыков критического отношения к оценке всех сторон поведения адресанта. Именно эта сторона – анализ поведения адресата – актуализируется в современном обществе, особенно в тех случаях, когда получатель текста не обладает навыками объективно оценивать не только автора, но и всю ситуацию, воспроизводимую в акте коммуникации.

Если в центр внимания поставить фигуру адресата коммуникативного акта, то большие успехи достигнуты в сфере изучения невербальной коммуникации – при описании

языка мимики, жестов и говорящего, и слушающего, что дает основание диагностировать неискренность в передаче информации, а также сформировать представление о психотипе и адресанта, и адресата. Этот аспект требует от участников общения формирования навыков кодирования и декодирования невербального текста: для адресата – распознавание суггестии со стороны говорящего и для обоих участников – проявлений следования культурной традиции или влияния эмоций [Крейдлин 2002]. Анализ поведения участников коммуникации усложняется, если исследованию подлежит поликодовый текст – с вербальным и невербальным компонентами.

Приведем пример анализа двух актов коммуникаций: чтение текста пьесы А.Н. Островского «Бесприданница» и просмотр одноименного фильма режиссера Я.А. Протазанова 1936 года. При сопоставлении отрывка вербального текста пьесы А.Н. Островского [Островский 1875: 7–81] и сцены фильма Я.А. Протазанова как особого поликодового текста, в котором взаимодействуют различные семиотические коды, в том числе воспринимаемый зрением код жеста, мимики, телодвижения персонажа с позиции зрителя в качестве адресата, можно увидеть, как проявляется различие степени иллюкутивного воздействия на читателя и зрителя адресантов двух текстов – драматурга А.Н. Островского, с одной стороны, и создателей фильма Я.А. Протазанова в качестве вторичных коллективных авторов: режиссера, оператора, актеров, костюмеров и других членов съемочной группы – с другой.

Сопоставим восприятие и понимание сходной сцены в пьесе и в фильме со стороны адресата. В пьесе «Бесприданница», в явлении двенадцатом третьего акта, автором подчеркивается активная роль Паратова в разговоре с Ларисой: характерно описание поведения Паратова – ремарки типа *Страстно смотрит на Ларису*, а о Ларисе сказано, что она говорит *тихо, опустя голову*. В речи Ларисы – первоначальная неуверенность в принятии решения следовать за Паратовым, а затем происходит смена активности ролей Паратова и Ларисы [Островский 1975: 61–63].

В фильме же Я.А. Протазанова (с 17 минуты и далее) в самом начале сцены разговора двух персонажей явно проявляется активная роль вербального поведения Ларисы, но в интерпретации жестов, мимики актрисы, ее телодвижений – неуверенность Ларисы в правильности выбора сценария поведения по отношению к Паратову [Бесприданница]. В поведении Паратова в начале анализируемой сцены фильма – спокойствие, даже безразличие, осознание своего превосходства над всеми. Так для зрителя подготовлена возможность формирования настороженности в оценке искренности чувств Паратова к Ларисе. Таким образом, при декодировании поликодового текста, как в примере с фильмом «Бесприданница», возникают дополнительные возможности воздействия суггестии со стороны адресанта на восприятие и понимание смысла со стороны адресата.

Анализ отрывка пьесы и сцены из фильма вызывает необходимость рассмотрения интерпретации текста в акте коммуникации с двух позиций: во-первых, сопоставление монокодового и поликодового текстов; во-вторых – сопоставление восприятия и понимания адресата при чтении текста пьесы и в ситуации «общения» с экранизацией пьесы. Если ставить адресата в центр внимания исследователя, то следует остановиться на нескольких аспектах антропологического характера: значимости формирования навыков чтения в процессе социализации личности и влиянии социальных факторов на место чтения в отношении к другим формам социального общения вербального типа.

Необходимость привлечения внимания к адресату в аспекте формирования социальных навыков чтения очевидна: в дидактике, при обучении чтению, пожалуй, наиболее востребованному аспекту формирования навыков человека в общении с вербальным текстом, главное внимание должно быть уделено семье и школе как важнейшим социальным институтам. Важность формирования навыков понимания вербального текста – условие успеха социализации личности в обществе на всех этапах ее развития, более того, именно навыки понимания вербального текста способствуют преемственности в сфере культурного наследия нации. Именно чтению человек обязан возможности расширения своего круга представлений о себе и об окружающем мире. Сопоставляя интерпретации различных текстов, адресат приобретает способность анализировать собственные поступки и прогнозировать их последствия в будущем, что способствует формированию, в том числе, объективной оценки информационного потока – для выяснения «темных пятен» в своем понимании событий и текстов, а такие навыки являются необходимым фактором для осознания значимости события, если происходит смена социальных ролей: адресат текста становится автором своего текста, что требует осознания личной ответственности за интерпретацию события.

Изучение техники чтения в общении с текстом при декодировании его смысла – важная сторона изучения не только биографии отдельного человека, но и истории цивилизаций. Так, во введении к сборнику «История чтения в западном мире от Античности до наших дней» [Кавалло, Шартье 2008: 9–52] отмечены черты смены эпох в отношении к письменному тексту – от традиции проговаривать письменный текст вслух в эпохе чтения текста «с требованием тишины», как было в средневековой Европе, что до сих пор является установкой работы в библиотеке – к эпохе чтения «про себя», часто с опущением частей текста без попыток углубления понимания фу! текста, а затем к эпохе возможностей компьютерных технологий для обращения к комментариям разного типа, в том числе с установкой поиска аргументации в заочном «споре» адресата с автором письменного текста.

Еще более усложняется деятельность адресата при декодировании текста в межкультурной коммуникации при знакомстве с текстом в переводе на родной язык в отношении к тексту оригинала – на неродном языке. Сложности психологического восприятия и понимания текста в таких ситуациях – особая проблематика психолингвистики и дидактики. Об этом рассуждал Георгий Лозанов в своих лекциях [Лозанов 1971], и это требует особого внимания психолингвиста.

Если формирование навыков чтения – обычная задача в тех цивилизациях, в которых функционирует письменность, и общественное устройство способствует формированию социального института школы, то навыки декодирования устной речи со стороны адресата – до сих пор не только мало изученная сфера психолингвистики, но и область, не ставшая предметом школьного образования, хотя устная речь – базовый навык человека уже на ранних этапах его социализации. Однако опасность утраты формирования навыков устной речи, скорей всего, не грозит человечеству, а о снижении статуса навыков чтения в сфере понимания вербального текста как необходимой базы личностного роста следует задуматься не только филологам.

Показательны примеры описания деятельности адресата при восприятии и осмыслении текста в устном роде словесности при сопоставлении с интерпретацией читателем текста в жанре печатной словесности. Таков пример воспроизведения в записи устного рассказа «Дорогое яичко» сказительницы из Саратовской области с переда-

чей ощущения крушения мира из-за того, что мышка, махнув хвостом, разбила яичко: «Деда плачет, баба горюет, сорока ногу изломала, тын расшатался, дуб с себя листочки посшибал», а затем и поповна не донесла воду с речки, попадя «с горя и выкинула пироги за окошко», а поп помер, разбив голову о косяк, тут «стали попа хоронить и поминки справлять» [Сказки Саратовской области 1937: 147–148]. В пересказе А.Н. Афанасьева сказки о Курочке звучит тот же мотив крушения привычного миропорядка: «девочка-внучка с горя удавилась», а дьячок перебил все колокола на колокольне, поп «все книги изорвал» [Афанасьев 2020]. В тексте же К.Д. Ушинского, предназначенного для общения адресата с письменным текстом (текст знаком каждому русскому человеку с детства), ощущение катастрофы космического масштаба отсутствует и вводится новая категория ценности яйца – яйца не простого, а золотого, вместо представления о яйце как о мироздании, когда представляются слова Курицы при общении с дедом и бабой [Ушинский 2016]. Главное – то, что происходит смена ориентации в системе ценностей при построении картины мира для адресата письменного текста:

Курочка кудахчет:

«Не плачь, дед, не плачь, баба!

Я снесу вам яичко другое,

Не золотое – простое».

Своеобразное подтверждение той же аксиологической интерпретации смысла фиксируется и в тексте А.Н. Толстого [Толстой 1940: 8]: после того, как яйцо оказалось разбитым, курицы стали летать, «ворота скрипеть, сор под ногами закурился, двери побутусились, тын рассыпался, верх на избе зашатался», но обещание Курочки снести золотое яичко предотвратило «катастрофу», и все успокоилось – в отличие от рассказа народной сказительницы звучит та же тема смены ценности:

А курочка-ряба им говорит:

– Дед, не плачь, бабка, не рыдай,

Куры, не летайте,

Ворота, не скрипите, сор под порогом,

Не закуривайся,

Тын, не рассыпайся,

Верх на избе, не шатайся,

Снесу вам еще яичко:

Пестро, остро, костяно, мудрено,

Яичко не простое – золотое.

Пример разных вариантов сходных по сюжету текстов о курочке и разбитом яйце был приведен для того, чтобы показать, насколько различна интерпретация сюжета сказки в устной и письменной словесности, как изменяется картина мира при декодировании устного и письменного текстов, с описанием воздействия на читателя при формировании у него системы ценностей, в отличие от воздействия на слушателя в общении с представителем народа, без претензии сказительницы на авторство.

Действительно, известны попытки создания в письменной традиции знаков, позволяющих установить связь с устной речью, – в том числе знаков препинания, знаков-диакритиков или приемов графического построения поэтического текста – в буквенной письменности. Приведем только один пример возможной интерпретации письменного текста для определения психотипа поведения персонажа в басне И.А. Крылова «Волк и Ягненок» [Крылов 1946: XIII]: при описании вербального поведения Волка переда-

ется интонационное членение речи, когда Волк отстаивает свое право сильного, что отражено графическим способом представления словоформы *моё* отдельно в строке, что позволяет ощутить иллюкутивную силу слов Волка и формирует этическое неприятие этого персонажа в восприятии читателя:

Кричит: «Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом

Здесь чистое мутить питье

Моё

С песком и с илом?..»

В русском письменном тексте выработаны специальные знаки, помогающие интерпретировать текст. Таковы, например, знаки препинания, в том числе вопросительный знак, символизирующий вопрос в диалоге, с одной стороны, и сочетание знаков вопросительного и восклицательного для выражения риторического вопроса при передаче степени иллюкутивной силы утверждения, – с другой стороны.

Исследование процедур восприятия и понимания письменного текста на современном этапе развития общества постиндустриального типа требует пристального внимания и психолога, и социолога, и лингвиста: применение цифровых технологий позволяет каждый письменный текст выстраивать как гипертекст с системой гиперссылок, и этот навык позволяет адресату следовать за предложенными возможностями расширения, углубления информационной составляющей воспринимаемого текста, а также способствует выстраиванию таксономических отношений между понятиями, отраженными в вербальном тексте. От обширности базы данных, таланта создателя программного обеспечения, а также от степени заинтересованности адресата в теме сообщения зависит глубина понимания темы условным читателем при создании гипертекста. Однако и на этом новом этапе возможностей восприятия и углубления понимания текста адресат остается пассивной фигурой в акте коммуникации, поскольку читатель следует за ссылками, предоставленными так называемыми «вторичными» авторами текста (первичный автор – создатель текста, подвергаемого затем специальной обработке в дискурсе при формировании перекрестных ссылок, как представлено, например, в электронной энциклопедии «Кругосвет» [Энциклопедия Кругосвет]). Так, в привычной для филолога работе с текстом требуется учет комментария разного типа. К примеру, при трактовке диалога «Кратил» Платона, в связи с необходимостью понимания для читателя соотношения гносеологических и онтологических аспектов описания познавательной деятельности человека, отраженных в слове как единице лексической системы, трудно обойтись без обращения к комментариям А.Ф. Лосева и А.А. Тахо-Годи.

В процессе формирования навыков филологического анализа вербального прецедентного типа текста, важного для определения этнокультурной самоидентификации автора, предполагается формирование у читателя навыков декодирования смыслов и осмысления текста на первом и втором уровнях в упомянутой концепции Ю.Н. Караулова [Караулов 2010]: на уровне определения аксиологических ценностей в картине мира создателя текста, с одной стороны, и на уровне выявления средств воздействия автора на формирование картины мира читателя, – с другой.

Без сомнения, анализ деятельности создателя вербального текста на двух обозначенных уровнях зависит во многом от степени таланта адресанта, а также от влияния литературного жанра в пределах литературного направления. Так, отказ от представления привычной в обыденном восприятии временной последовательности событий, включение отступлений в романе в стихах «Евгений Онегин» А.С. Пушкина, а также

наличие эпиграфов как своеобразных меток гипертекстовости – все эти особенности построения текста инициируют интерес читателя, создают перспективу развития его познавательной деятельности с целью не только воссоздания синхронного среза картины мира автора текста, но и выстраивания соотношения со своей картиной мира, с синхронным срезом времени для читателя – своеобразный тип диахронического представления разных эйдосов в создаваемом читателем своего гипертекста, что свидетельствует о высоком уровне развития личности читателя. Выработка таких навыков интерпретации текста – важная задача профессиональной подготовки филолога в системе высшего образования.

Однако следует отметить, что навыки интерпретации адресатом текста любого типа должны быть сформированы у каждого человека вне зависимости от его социальной роли, статуса, профессии, гендерной принадлежности, от возраста. Возможность формирования таких навыков – прежде всего в сферах функционирования семьи и образовательной системы государства. Очевидно, что наличие у адресата навыков внимательного чтения, построения собственного «гипертекста» со своими маркерами дополнительных сведений в целях выработки критического отношения к чужому тексту, а также формирования оценки собственной познавательной деятельности – важный аспект суждения о функционировании социальной системы. Именно при обеспечении развития личности в качестве адресата в общении с вербальным текстом можно надеяться на сохранность национальной культуры для последующих поколений.

© Чижова Л.А., 2022

Литература

- Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.
- Кавалло Г., Шартье Р. Введение // История чтения в западном мире от Античности до наших дней / ред.-сост. Г. Кавалло, Р. Шартье. М.: Изд. ФАИР, 2008. С. 9–52.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Изд. ЛКИ, 2010. 264 с.
- Крейдлин Г.Е. Невербальная семантика: Язык тела и естественный язык. - М.: Новое литературное обозрение, 2002. 592 с.
- Лозанов Г.К. Суггестология = Суггестология. София: Наука и искусство, 1971. 518 с.
- Лотман М.Ю. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: комментарий. М., 1980. 2-е изд. 1983. 416 с.
- Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. Сборник переводов. / Под ред. Ю.С. Степанова. М.: Радуга, 1982. С. 37–89.
- Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник. Пер. с англ. / Сост. и вступ. ст. И. М. Кобозевой и В. З. Демьянкова. Общ. ред. Б.Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. 424 с.
- Остин Дж.Л. Слово как действие / Перевод с английского А.А. Медниковой // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986. С. 22–130.
- Платон. Кратил. // Платон. Собрание сочинений в четырёх томах / Общая редакция А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 613–681.
- Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. 314 с.
- Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. 4-е изд., М.: Флинта: Наука, 2011. 326 с.

Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов. / Перевод с английского В.З. Демьянкова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М.: Прогресс, 1986. С. 170–194.

Серль Дж.Р. Что такое речевой акт? / Перевод с английского И.М. Кобозевой. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М.: Прогресс, 1986. С. 151–169.

Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001. 227 с. URL: <http://sterninia.ru/index.php/izbrannye-publikatsii/item/109-vvedenie-v-rechevoe-vozdejstvie-2001> (дата обращения: 12.03.2022).

Стернин И.А. Основы речевого воздействия. Учебное издание. - Воронеж: «Истоки», 2012. 178 с.

Стернин И.А. Фактор адресата в речевом воздействии. Воронеж: «Истоки», 2012. 51 с.

Субботин М.М. Гипертекст. Новая форма письменной коммуникации / М.М. Субботин // Итоги науки и техники. Сер. Информатика. М.: ВИНТИ, 1994. 157 с.

Ушакова Н.В. и др. Основы психологии общения: Для бортпроводников. М., 1990. 111 с.

Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / У. Эко. СПб.: «Симпозиум», 2007. 502 с.

Энциклопедия Кругосвет. URL: <https://www.krugosvet.ru/> (дата обращения: 12.03.2022).

Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон» РООИ «Реабилитация», 2009. 1248 с.

Leech G.N. Principles of Pragmatics / G. N. Leech. L.: Longman, 1983. 250 p.

Источники материала

Афанасьев А.Н. Русские народные сказки. М., Изд.: Альфа-книга, 2020. 1087 с.

Бесприданница (фильм Я. Протазанова, 1936 г.). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jhumDvwhE8> (дата обращения: 12.03.2022).

Крылов И.А. Полное собрание сочинений Т.3. М.: Изд. ОГИЗ, 1946.

Островский А.Н. Бесприданница // Островский А. Н. Полное собрание сочинений. В 12-ти томах. Т. 5. М.: Искусство, 1975. С. 7–81.

Сказки Саратовской области. / Сборник сост. Т.М. Акимова, П.Д. Степанов. - Саратов: Саратов. обл. изд., 1937. 206 с.

Толстой А.Н. Русские сказки. Том 1. - Москва, Ленинград: Изд.: Детиздат, 1940. 208 с.

Ушинский К.Д. Любимая книга сказок. М., Изд.: АСТ, 2016. 128 с.

Сведения об авторе:

Чижова Лариса Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Контактная информация:

119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1, 1-й корп. гум. фак-тов
e-mail: lachizhov@yandex.ru

Для цитирования:

Чижова Л.А. Восприятие и понимание адресата в диалоге с текстом – психолингвистические аспекты // Вопросы психолингвистики № 2(52) 2022, С. 121–131. doi: 10.30982/2077-5911-2022-52-2-121-131

UDC 81'23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2022-52-2-121-131

Research article

**PERCEPTION AND UNDERSTANDING BY ADDRESSEE IN DIALOGUE WITH
TEXT: PSYCHOLINGUISTIC ASPECTS**

Larisa A. Chizhova

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

Abstract

The article deals with the activity of the addressee of a communicative act, i.e. the formation of skills for decoding texts of various types, polycode and homogeneous, with components of a verbal nature – texts representing different genres of oral, written, printed literature and the media. The study of the motivation and goal-setting of the addressee of a text during its decoding includes the study of the epistemological and ontological aspects of human activity in dialogue with the text. Particular attention is paid to the hypertext construction in the process of interpreting the text meaning by the addressee in developing a critical attitude to the influence of the text creator as a stimulus for personal growth for the addressee of the act of communication, the skills of countersuggestivity, in deepening understanding of the text.

Keywords: communicative act, addresser, addressee, illocution, countersuggestivity.

© Chizhova L.A., 2022

Larisa A. Chizhova – Candidate of Philology (PhD), Assistant Professor, Department of General and Comparative-Historical Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

Contact information:

I Humanities, MSU, Leninskie Gory, Moscow, 119991

e-mail: lachizhov@yandex.ru

For citation:

Chizhova L.A. (2022) Perception and understanding by addressee in dialogue with text: psycholinguistic aspects. *Journal of Psycholinguistics*. 2(52), P. 121–131. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2022-52-2-121-131 (in Russian)

ХЕЙТИНГ КАК ВИД КИБЕРАГРЕССИИ. СТЕРЕОТИПНЫЙ ОБРАЗ ХЕЙТЕРА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ

Каменева Вероника Александровна

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

Морозова Ирина Станиславовна

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

Рабкина Надежда Владимировна

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

Аннотация

В работе рассмотрен хейтинг как вид агрессии в киберкоммуникации. Определена специфика, отличающая его от других форм киберагрессии. Очерчены основные актуальные направления исследований хейтинга отечественными и зарубежными учеными. Выделены малоизученные аспекты данного научного объекта, например «racial hate». Систематизированы данные о характерных чертах хейтинга, включающие объект киберагрессии, цели хейтеров, триггеры хейтинга. В работе даны уточненные трактовки понятий «хейтинг» и «хейтер». Важная задача исследования заключалась в выявлении стереотипного представления о хейтере в языковом сознании студентов российских вузов. На основании данных, полученных в ходе цепного ассоциативного эксперимента, выявлены стереотипные черты хейтера в языковом сознании студентов. Материалом исследования стали реакции 537 российских студентов, полученные в ходе свободного ассоциативного эксперимента. Генеральная совокупность исследования формировалась путем онлайн-анкетирования. Группировка полученных реакций по семантическим группам, составление ассоциативного поля, семантический анализ структур семантических групп признаков, характеризующих слово-стимул «хейтер», осуществлялись при помощи семантического анализа. Слова-реакции дополнительно были проанализированы по методу семантического гештальта. Сделан вывод о сложившемся образе-стереотипе хейтера: это неуверенный в себе завистливый человек А, злой, плохой, не очень умный и не совсем психологически здоровый, который ненавидит человека Б (как правило, публичную личность) и завидует ему, так как желает человеку Б зла и видит в нем своего противника, и свою ненависть и зависть он выражает в интернет-комментариях, полных ненависти, зависти, агрессии и негатива, в основной своей массе необоснованных.

Ключевые слова: киберагрессия, киберкоммуникация, хейтинг, моделирование, ассоциативный эксперимент, языковое сознание, стереотип

1. Введение

Смена реального пространства коммуникации на виртуальное привела к возникновению новой коммуникативной реальности с пока еще неустоявшимися социальными, правовыми и лингвистическими характеристиками. С одной стороны, новые формы коммуникации в виртуальном пространстве обусловлены новыми техническими воз-

возможностями взаимодействия коммуникантов (анонимность, синхронно-диахронность, неограниченность аудитории и др.), с другой – определенными юридическими ограничениями и правилами, необходимыми для предотвращения случаев вербальной агрессии в виртуальном пространстве, разжигания розни, подстрекательства к противоправным действиям и т. д., но ограничивающими права личности на свободу слова. В период формирования лингвистических и экстралингвистических аспектов киберкоммуникации остро встает вопрос об изучении агрессии в киберкоммуникации и формировании методологии ее исследования. Следовательно, необходимо точное определение киберагрессии и описание ее видов с целью их однозначной дифференциации. Кроме того, актуальным, теоретически значимым и практически ценным представляется изучение образа инициатора того или иного вида киберагрессии в языковом сознании реципиентов. Изучение стереотипного, усеченного образа инициатора определенного вида киберагрессии в лингво-когнитивном ракурсе позволит внести определенный вклад в совершенствование теории киберкоммуникации и когнитивной лингвистики.

Целью статьи является обособление хейтинга от других видов агрессии и определение стереотипного представления об инициаторе хейтинга в языковом сознании российских студентов.

Для достижения цели решаются следующие задачи: анализ киберагрессии как сложного феномена, включающего различные виды агрессивной коммуникации; дифференциация хейтинга от других форм киберагрессии; описание характерных черт хейтинга, включая объект киберагрессии, цели хейтеров и триггеры хейтинга; создание генеральной совокупности исследования для определения стереотипного представления об инициаторе хейтинга в языковом сознании российских студентов путем онлайн-анкетирования; группировка полученных реакций по семантическим группам (зонам); составление ассоциативного поля; количественный и семантический анализ структур семантических групп (зон) признаков, характеризующих слово-стимул «хейтер»; моделирование стереотипного образа хейтера у российских студентов с учетом его содержания, структуры и выраженности.

2. Материал и методы

Сбор эмпирического материала был осуществлен в сентябре 2021 года на базе Кемеровского государственного университета (КемГУ). Респондентами выступили 537 студентов в возрасте 19–22 лет: 358 (66,7%) девушек, 179 (33,3%) юношей. Информанты вносили ответы в предложенную им онлайн-таблицу. Материал включал задание, инструкцию по заполнению и таблицу для внесения ответов. Респондентам было предложено записать ассоциации к слову «хейтер».

Основным методом сбора фактологического материала стал ассоциативный эксперимент – методика изучения стереотипов, имеющая ряд преимуществ по сравнению с другими методиками психолингвистики, так как с ее помощью можно исследовать не только то, как стереотипы передают социальную действительность, но и субъективную систему связей, существующую между компонентами одного стереотипа [Адамова 2005: 88]. Ассоциативный эксперимент выступает источником данных для реконструкции определенного фрагмента картины мира, отраженного в обыденном языковом сознании, а также позволяет отследить соответствующие стереотипы в диахронии [Горошко 2001: 8]. В настоящее время ассоциативный эксперимент активно используется для исследования различных социально и культурно значимых стереоти-

пов: гендерных, этнических, расовых, религиозных и других [Жарникова 2016; Тарасенко, Красноперова 2018].

Из существующих классификаций ассоциативных экспериментов наиболее известен вариант, разработанный Е.И. Горошко, которая подразделяет анализ языкового сознания по способу подачи слова-стимула и фиксации слов-реакций, выделяя свободный, направленный и цепной. Свободный ассоциативный эксперимент предполагает следующую последовательность действий: испытуемому предъявляют некое слово-стимул, и он должен ответить на него первым словом, которое пришло ему в голову, без каких-либо ограничений в семантике, стиле и т. д. В ходе направленного ассоциативного эксперимента выбор слова-реакции ограничен какими-то условиями, например принадлежностью к определенной части речи [Горошко 2005: 53–54]. Цепной ассоциативный эксперимент позволяет испытуемому приводить любое количество слов-реакций, формальные и семантические особенности которых ничем не ограничены [Горошко 2005]. В данном исследовании проводился цепной ассоциативный эксперимент.

Для структурирования и интерпретации полученных данных применялись семантический анализ, метод семантического гештальта Ю.Н. Караулова и моделирование. На основании полученных реакций на слово-стимул «хейтер» было смоделировано ассоциативное поле; установлены доминирующие формы реакций; выявленные признаки изучаемого стереотипа были разбиты на семантические группы (зоны), что позволило идентифицировать содержание, структуру и выраженность стереотипных представлений у русскоязычных студентов о хейтерах; создана модель стереотипного представления о хейтерах.

Уже доказано, что языковое сознание зависит от социально значимых стереотипов. Языковые и социальные стереотипы тесно взаимосвязаны. Если кто-то имеет в обществе подчиненный статус или ему навязывается подчиненное положение, это прослеживается и в коммуникации [Cameron 1992; Lakoff 1987]. Несмотря на то, что языковое сознание – «динамичная и комплексная среда, существующая в виде разнообразных речевых построений, некое единство когнитивных, эмоциональных и языковых процессов» [Потапов 2002: 115], стереотипы устойчивы и трудно поддаются корректировке.

Под стереотипом в данной работе понимается эмоционально окрашенный схематический образ, стандартизированное, устойчивое представление о человеке или группе лиц, работающее как когнитивная схема при их восприятии.

3. Теоретические основы исследования киберагрессии

3.1. Киберагрессия как сложный феномен

По данным психологов, многие авторы комментариев зачастую не осознают свою агрессивность [Стексова 2013], так как принадлежат к конфликтно-агрессивному подтипу языковой личности, для которого естественна демонстрация негативной иллюзии по отношению к коммуникативному партнеру. Для них агрессия в виртуальном пространстве является общим эмоциональным фоном [Седов 2005] и выражает, прежде всего, отношение к миру и окружающим. Агрессивные комментарии они воспринимают как шутку, не задумываясь о негативном влиянии на психику и социальное поведение объекта подобных насмешек, которое может привести к попыткам суицида и т.д. Основная опасность киберагрессии заключается в том, что *Homo cyberus* – не просто

«цифровой отпечаток» [Плешаков 2011], некий отдельно существующий в киберпространстве цифровой двойник реальной личности: последствия киберагрессии выходят за пределы виртуальности [Монахова 2019].

Киберагрессия в большинстве случаев представляет собой целенаправленный вид языковой агрессии, выраженный посредством интернет-технологий [Grigg 2010; Lipton 2011; Smith, et al. 2008]. Языковая агрессия – «зонтиковый» термин, покрывающий все типы негативного или критического отношения говорящего к адресату, выраженные при помощи языковых средств [Апресян 2003]; в разных исследованиях ее обозначают как речевую, словесную или вербальную агрессию, а также как языковое насилие, что, вероятно, является калькой с английского термина «verbal abuse».

М.Л. Ибарра и К.Дж. Митчелл для определения киберагрессии используют термины «online harassment» и «Internet harassment». Отмечается, что эта проблема наиболее актуальна для представителей подросткового и юношеского возраста. По мнению ученых, она напрямую связана с социальным благополучием, поскольку киберагрессорами становятся те подростки, которые имеют плохие взаимоотношения в семье и со сверстниками, употребляют психотропные вещества, нарушают закон [Ybarra, Mitchell 2004; Ybarra, Mitchell 2007].

Один из наиболее креативных синонимов киберагрессии – киберинвективность, понимаемая как полиаспектный феномен, связанный с нарушением языковых и прочих норм, функционально-семантическая категория языка в виртуальном пространстве [Зеркина, Ломакина 2015].

Итак, языковая агрессия в киберпространстве – это выраженное средствами языка негативное эмоционально-оценочное отношение к виртуальному собеседнику, идущее вразрез с общепринятыми представлениями об этике межличностной коммуникации, принимающее вид текста, перенасыщенного негативной вербально-визуальной информацией, и вызывающее у реципиента «тягостное впечатление» [Зеркина, Ломакина 2015].

В исследованиях юридической направленности зарубежные ученые выделяют три категории кибервиктимизации (cyber victimization), или киберагрессии (cyber abuse): киберхарассмент (cyber harassment), подразумевающий преследование в интернет-пространстве по принципу пола или расы; кибербуллинг (cyberbullying), основанный на преследовании по всем прочим признакам; киберсталкинг (cyber stalking), который может перерасти в физическое насилие или другие формы оффлайн-агрессии и в этом смысле является самым опасным видом киберагрессии [Lipton 2011].

Многочисленные отечественные исследования в области киберагрессии можно разделить на те, которые фокусируются собственно на агрессоре (например, интернет-сообществе «граммар-наци») [Ефремов 2016] и используемых в его рамках тактиках [Печенегова 2021], адресате (например, школьные учителя) [Пушкина и др. 2021], социальной специфике участников акта киберагрессии (например, киберсоциализация молодежи) [Таранова 2016], интернет-площадке, на которой он осуществляется (например, сайты о здоровом образе жизни) [Косова 2014], жанровой принадлежности (например, альтернативная электронная энциклопедия) [Виноградова, Федосеева 2017]) и т.д.

Выделяют разные виды киберагрессии: троллинг, флейминг, буллинг, хейтинг, киберсталкинг, астротурфинг, харассмент, очернение, имперсонация, эксклюзия, хеппислепинг, киберсуицид, стёб и т. д. Они тесно переплетены как друг с другом, так

и с различными проявлениями агрессии в реальном мире [Parti, et al. 2018], но всех их объединяет умышленность, регулярность, широкий круг участников, неравное распределение сил и интенсивное психологическое реагирование всех участников коммуникации [Филенко 2019].

3.2. Хейтинг

Актуальность исследования хейтинга в киберкоммуникации отмечается многими отечественными и зарубежными учеными. Так, А. Тонтодимамма, Ю. Нисси, А. Сарра и Л. Фонтанелла пишут о том, что «социальные сети стали местом для эмоциональных дискуссий, в результате которых часто используются оскорбительные выражения. Написание и распространение высказываний, которые разжигают ненависть, встречаются повсеместно в киберпространстве. В результате многие страны уже признали разжигание ненависти в киберпространстве серьезной проблемой, и это привело к созданию – как в Европе, так и во всем мире – ряда инициатив, направленных на определение этой проблемы и разработку эффективных мер борьбы» [Tontodimamma et al. 2021: 158].

А. Аранго, Дж. Перес и Б. Поблет отмечают технические и лингвистические сложности классификации высказываний в сети Интернет как оскорбительных при анализе больших объемов информации [Arango, et al. 2019]. В свою очередь, ряд исследователей поднимают вопрос о соотношении мер по борьбе с киберагрессией и законодательно защищенным правом человека на свободу слова. К. Бретшнайдер рассматривает данную проблему в правовом поле США [Brettschneider 2013]. Мы же считаем важным учитывать и культурную обусловленность вербальных проявлений эмоционального реагирования.

«Online hate» (онлайн-ненависть) трактуется Д. Килвингтоном как подстрекательство к насилию или актам дискриминации, разжигание ненависти к отдельному человеку или группе лиц на основании их законодательно защищаемых характеристик: расы, национальной принадлежности, вероисповедания, гендера, сексуальной ориентации, инвалидности. Игнорирование случаев разжигания онлайн-ненависти может, по мнению исследователя, привести к насильственным действиям, преступлениям на почве ненависти [Kilvington 2020: 257].

Похожее определение онлайн-ненависти дают А. Тонтодимамма, Ю. Нисси, А. Сарра и Л. Фонтанелла, рассматривая ее прежде всего в коммуникативном аспекте. Онлайн-ненависть, или язык вражды, они определяют как любое сообщение, которое унижает человека или группу лиц на основании их расы, национальной принадлежности, гендера, сексуальной ориентации и религии [Tontodimamma, et al. 2021: 157].

А.М. Блюк, Н. Фолкнерб, Э. Якубович и К. МакГартия в своих работах обращаются к разжиганию ненависти по признаку расовой принадлежности. Исследователи выделяют «racial hate», или «cyber-racism». В своем исследовании они дифференцируют групповые и индивидуальные источники киберрасизма. Согласно полученным данным, группы и отдельные лица используют различные каналы для разжигания ненависти на расовой почве. Кроме того, варьируются цели киберрасизма и коммуникационные стратегии у групп и отдельных лиц, разжигающих ненависть [Bluic, et al. 2018].

Обзор работ отечественных исследователей позволил выявить существенные отличия в трактовке понятия «Online hate». Ряд отечественных ученых полагают, что понятие «онлайн хейтинг», или «онлайн хейтерство», применимо только в случае с агрессией в киберпространстве, направленной на популярную личность. А.А. Арцер и Е.Н. Маковецкая в своей работе выделяют четыре характерные черты хейтинга:

1) объект киберагрессии – только знаменитые и популярные личности; 2) отсутствие какой бы то ни было объективной оценки в высказываниях хейтеров; 3) невозможность конструктивной беседы; 4) randomness триггеров. Хейтеры стремятся унижить жертву, внушить страх и стыд, неуверенность в себе, разрушить реальные и виртуальные социальные отношения жертвы [Арцер, Маковецкая 2020].

А.Л. Печенегова выдвигает утверждение, противоречащее точке зрения А.А. Арцера и Е.Н. Маковецкой. Она полагает, что объектом киберагрессии хейтеров можно считать обычных подростков. Исследователь рассматривает хейтинг именно как форму речевой агрессии учащихся в интернет-пространстве, при этом соглашается с утверждением о randomness триггеров [Печенегова 2020].

М.А. Андреев и Е.Н. Ткач, Г.У. Солдатова и А.Н. Ярмина рассматривают хейтинг шире: в объект хейтинга они включают не только людей, но и события или явления. Хейтинг трактуется как оскорбляющие комментарии и сообщения, критику в адрес человека или события [Андреев, Ткач 2020; Солдатова, Ярмина 2019].

Как видно из приведенного обзора научных работ отечественных и зарубежных ученых, трактовка понятия «хейтинг» существенно отличается в плане объекта киберагрессии и триггеров хейтинга.

Зарубежные исследователи трактуют хейтинг как вид киберагрессии, выражающийся в сообщениях или комментариях, которые возбуждают расовую, гендерную, национальную, социальную (классовую), религиозную ненависть и ненависть к людям с ограниченными возможностями здоровья или физическими особенностями внешности. Объектом хейтинга признаются только люди, при этом, как правило, только популярные личности.

В отечественных исследованиях доминирует трактовка хейтинга как вида агрессии в киберкоммуникации в сообщениях или комментариях, выражающих ненависть не только к собеседникам, но и к обсуждаемым явлениям. Объектом хейтинга, по мнению отечественных исследователей, может стать любой человек, а не только известная личность. Триггеры не ограничены расовой, гендерной и т.д. принадлежностью объектов хейтинга. Считается, что триггером хейтинга может послужить что угодно.

4. Результаты цепного ассоциативного эксперимента и их обсуждение

В ходе исследования было получено 506 реакций на слово-стимул «хейтер», в том числе 39 немаркированных отказов и 8 маркированных («–», XXXX, не знаю); 11 реакций, не связанных семантически со стимулом; 7 реакций, обозначающих хейтеров из своего окружения: *Олег, моя сестра, Ларин, Максим К.*

Применение количественного подсчета полученных данных и проведение семантического анализа реакций респондентов позволили идентифицировать ядерные признаки исследуемого стереотипа. Самые частотные реакции на слово-стимул «хейтер»: *ненависть, ненавистник* (131 реакция); *зависть, завистник* (67); *злой, злодей, злоба* (30); *агрессия, агрессор* (27). Данные признаки составляют ядро указанного стереотипа. Ближайшую периферию составили следующие реакции: *неуверенный в себе, неуверенность* (12); *обидчик* (12); *оскорблять, оскорбительный* (11); *критик, критика* (11). Дальняя периферия: *негатив, негативный* (10); *унижать* (9 реакций); *враг, недруг, неприятель* (9); *глупый* (6).

Полученные слова-реакции были проанализированы по методу семантического гештальта [Караулов 2000] и распределены по семантическим зонам, объединяющим

стереотипные признаки явления, обозначенного словом-стимулом. Основу для именованной семантической зоны к слову-стимулу «хейтер» составили базовые местоимения «кто», «что», «какой», «где» и «как», т.е. ассоциирующиеся со словом-стимулом лицо, предмет, признаки, действие, место и качество. Слова-реакции каждой семантической зоны были распределены в порядке убывания. В итоге получилась следующая картина ассоциативного поля.

Лицо, ассоциируемое со словом-стимулом «хейтер»: *ненавистник* (88), *человек* (68), *завистник* (54), *агрессор* (25), *недоброжелатель* (16), *обидчик* (13), *критик* (5), *неудачник* (5), *враг* (5), *киберхулиган* (4), *фанат* (4), *антифанат* (3), *провокатор* (3), *недруг* (3), *тролль* (3), *противник* (2) *обиженка* (2), *комментатор* (2), *школьник* (2), *идиот* (2), *злодей* (2), *Коля-хейтер* (2). Основная масса слов-реакций связана с эмоциями (*ненавистник, завистник*) и враждебным отношением к объекту хейтинга (*недоброжелатель, недруг, враг, противник*), а также стратегиями и тактиками соответствующего поведения (*агрессор, обидчик, критик, тролль, киберхулиган, провокатор*). Кроме того, есть слова, в семантике которых можно усмотреть попытку объяснения причины такого поведения (*обиженка, неудачник, идиот, злодей*).

Очевидно, что практически все существительные грамматически относятся к мужскому роду. Сомнительно, что этот факт можно интерпретировать как указание на биологический род среднестатистического хейтера. Слова, в семантику которых входит однозначное указание на биологический род, не так многочисленны (*школьник, петух, Коля-хейтер*). Единственное существительное женского рода (*обиженка*) вряд ли может указывать на биологический род: большой словарь русских поговорок на сайте dic.academic.ru первым значением приводит гендерно-нейтральное «обиженный человек», а вторым – «изнасилованный заключенный». И только сайт модные-слова.рф дает определение, указывающее на биологический женский род: «презрительное наименование девушки, которая пытается манипулировать чувствами своего партнера, надеясь получить желаемое». Можно предположить, что на слова-реакции так или иначе оказал влияние грамматический род слова-триггера (*хейтер*) или же сработал стереотип, согласно которому мужчинам присуще более агрессивное поведение, чем женщинам.

Некоторые слова-реакции указывают на роль хейтера в интернет-общении (*киберхулиган, комментатор*) или на известные прецеденты виртуального пространства, например на некогда популярный мем «Коля-хейтер». Среди однократных слов-реакций – обценная и просторечная лексика (*урод, чмо, бяка, деиёвка*), в том числе из области тюремного арго (*петух*) и молодежного сленга (*душила, гоблин*), окказионализмы (*унижатор, оскорблатор, злослов*), слова, чье значение включает в себя сему «возраст» (*сопляк, малолетки, подростки*), вошедшие в язык интернет-общения иностранные заимствования (*блогер, jabroni* – т.е. неудачник), в том числе из области популярной психологии (*буллер, абьюзер, токсик*). Многие попытки подобрать синоним к слову «хейтер» демонстрируют достаточно богатый словарный запас участников опроса (*позёр, злопыхатель, неприятель, соперник, вредитель, инициатор, задира, невежа, хулиган* и т.д.).

В группе предметов собственно предметное значение отсутствует полностью, в основном это абстрактные существительные: *ненависть* (26), *зависть* (13), *злость* (11), *унижение* (6), *негатив* (5), *оскорбление* (5), *агрессия* (5), *травля* (3), *комплексы* (2), *страх* (2). Среди однократно встречающихся слов-реакций: *действие, пиар, копия, плесень, неприязнь, недостатки, антипопулярность, обсессия, критика, абсурд, неуважение, неприязнь, недоброжелание, неуверенность, пустота, неудовлетворенность, га-*

досье, внимание, любовь, угрозы, критика, самооценка. Основная масса слов-реакций, которые можно отнести к этой группе, обозначают эмоции (*ненависть, злость, страх*), в том числе и сложные социальные эмоции (*зависть*), а также стратегии и тактики общения и отношение к объекту хейтинга (*унижение, оскорбление, агрессия, травля, критика, неуважение, угрозы, неприязнь* и т.д.).

Признаки, ассоциирующиеся с хейтером: *неуверенный* (11), *злой* (10), *плохой* (7), *завистливый* (6), *обиженный* (6), *глупый* (6), *негативный* (3). Однократные упоминания включают в себя оценку поведения (*грубый, гнилой, чёрствый, никчемный, лживый, нездоровый, больной, жалкий, отрицательный*), объяснение скрытой причины поведения хейтера (*униженный, несогласный, закрытый, недолюбленный, несчастный, несостоявшийся, закомплексованный, разочарованный, преданный, жаждущий*), указания на характер его действий (*систематический, публичный, диванный*) и их импульсивно-компульсивный характер (*бессмысленный, неосознанный, неоправданный, необоснованный, безосновательный, неконструктивный*), указания на возможные последствия интернет-поведения в реальности (*опасный*).

Реакции-глаголы оказались весьма немногочисленны и сводятся к следующим реакциям: *ненавидеть* (8), *завидовать* (6), *писать* (4), *оскорблять* (3), *травить* (3), *не любить* (2), *не нравиться* (2), *пытаться* (2), *задеть* (2). Среди однократных реакций зафиксированы в основном указания на тактики и стратегии хейтинга (*провоцировать, заткнуть, надоедать, навязать, обзывать, выразить, терроризировать, самоутверждаться, распространять, унижать, осудить, презирать, выливать, обесценивать, буллить, придирается*), эмоциональное поведение (*злиться*) и его адекватность (*помешаться*).

Группы слов-реакций, которые можно отнести к месту действия (*комментарий* (4), *интернет* (3)) и образу действия (*легко, всегда, напрямую, плохо, скучно, с язвистой, всей сущностью*) также мало представлены.

5. Выводы

Полученные в результате проведения ассоциативного эксперимента данные позволяют сделать вывод о сложившемся образе-стереотипе такого участника интернет-коммуникации, как хейтер: это *неуверенный в себе завистливый человек А, злой, плохой, не очень умный и не совсем психологически здоровый, который ненавидит человека Б (как правило, публичную личность) и завидует ему, так как желает человеку Б зла и видит в нем своего противника, и свою ненависть и зависть он выражает в интернет-комментариях, полных ненависти, зависти, агрессии и негатива, в основной своей массе необоснованных.*

У студенческой молодежи уже сформировалось однозначное негативное отношение к хейтингу. Исследованный материал позволяет утверждать, что хейтер как участник интернет-коммуникации не вызывает ассоциаций с какой-либо национальной принадлежностью, однако присутствуют определенные ассоциации с биологическим полом (скорее, мужской) и возрастом (школьник, молодой человек). В анкетах встречались указания на обилие у хейтера свободного времени и образ жизни, типичный для людей с определенным достатком.

В качестве перспективы исследования видится обособление видов киберагрессии и изучение в языковом сознании реципиентов стереотипных представлений об инициаторах таких видов киберагрессии, как флейминг, троллинг, кибербуллинг.

© Каменева В.А., Морозова И.С., Рабкина Н.В., 2022

Литература

Адамова З.Г. Моделирование автостереотипа «якуты» / «сахалар» на материале ассоциативного эксперимента // Вестник Якутского государственного университета. 2005. Т. 2. № 3. С. 88–94.

Андреев М.А., Ткач Е.Н. Кибербуллинг в подростковой среде // Физическая культура, спорт, безопасность жизнедеятельности: актуальные проблемы, достижения и перспективы: сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф. (25–26 марта 2020 г. Хабаровск). Хабаровск: ТОГУ, 2020. С. 11–15.

Апресян В.Ю. ИмPLICITная агрессия в языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: тр. междунар. конф. «Диалог 2003» (11–16 июня 2003 г. Протвино). М.: Наука, 2003. С. 32–35.

Арцер А.А., Маковецкая Е.Н. Кибербуллинг и хейтерство как новые типы агрессии в медийном пространстве // Потенциал российской экономики и инновационные пути его реализации: мат-лы всерос. науч.-практ. конф. студентов и аспирантов (21 апреля 2020 г. Омск). Омск: Омский филиал Финансового университета, 2020. С. 122–124.

Виноградова С.В., Федосеева Ю.А. Стёб как разновидность речевой агрессии в Интернете (на примере Интернет-энциклопедии «Луркоморье») // Русская речевая культура: теория и практика филологического образования в школе и вузе: сб. науч. ст. по мат-лам Всерос. науч.-практ. конф. (30–31 марта 2017 г. Иваново). Иваново: ИвГУ, 2017. С. 196–201.

Горошко Е.И. Языковое сознание: ассоциативная парадигма: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2001. 41 с.

Горошко Е.И. Проблемы проведения свободного ассоциативного эксперимента // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2005. № 3. С. 53–61.

Ефремов В.А. Граммар-наци: речевая агрессия и наивная лексикография // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2015. № 5. С. 56–62, doi:10.15293/2226-3365.1505.05.

Жарникова А.В. Гендерные стереотипы в рекламном дискурсе (на материале английского языка) // Вестник Бурятского государственного университета. 2016. № 2. С. 84–89, doi:10.18101/1994-0866-2016-2-84-89.

Зеркина Н.Н., Ломакина Е.А. К вопросу о языковой агрессии в интернет-пространстве // Информационная безопасность и вопросы профилактики киберэкстремизма среди молодежи: мат-лы внутривуз. конф. (9–12 октября 2015 г. Магнитогорск). Магнитогорск: МГТУ, 2015. С. 219–224.

Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира / отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: ИЯ РАН, 2000. С. 191–206.

Косова О.А. Речевая / вербальная агрессия в интернет-коммуникации (на материале дискуссионных форумов о здоровье) // Язык: мультидисциплинарность научного знания / отв. ред. О.В. Трунова. Барнаул: АлтГПА, 2014. С. 49–55.

Монахова Л.Ю. Обучение противостоянию агрессивной коммуникации в киберпространстве // Человек и образование. 2019. № 1. С. 42–46.

Печенегова А.Л. Лексема «Хейтинг» в интернет-коммуникации (на материале школьного сообщества в социальной сети) // Актуальные проблемы лингвистики и ли-

тературоведения: сб. мат-лов VI (XX) Междунар. конф. молодых ученых. (18–19 апреля 2019 г. Томск). Томск: СТТ, 2020. С. 60–61.

Потанов В.В. Многоуровневая стратегия в лингвистической гендерологии // Вопросы языкознания. 2002. № 1. С. 103–131.

Пушкина Т.Ф., Резник Н.Д., Бессмельцев В.П. Кибербуллинг в системе общения «учитель – ученик» // Информационные технологии в образовательном процессе вуза и школы: мат-лы XV Всерос. науч.-практ. конф. (24 марта 2021 г. Воронеж). Воронеж: ВГПУ, 2021. С. 400–405.

Седов К.Ф. Речевая агрессия в повседневной коммуникации // Речевая агрессия в современной культуре / ред. М.В. Загидуллина. Челябинск: ЧелГУ, 2005. С. 32–41.

Солдатова Г.У., Ярмина А.Н. Кибербуллинг: особенности, ролевая структура, детско-родительские отношения и стратегии совладания // Национальный психологический журнал. 2019. Т. 3. № 3. С. 17–31, doi: 10.11621/npj.2019.0303.

Стексова Т.И. Речевая агрессия в интернет-комментариях как проявление социальной напряженности // Политическая лингвистика. 2013. № 3. С. 77–81.

Таранова В.С. Троллинг как проблема киберсоциализации молодежи // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 11–4. С. 133–135.

Тарасенко В.А., Красноперова Ю.В. Моделирование стереотипов «Россия», «Великобритания» и «США» на материале ассоциативного эксперимента // Вопросы теории и практики журналистики. 2018. Т. 7. № 1. С. 87–99, doi:10.17150/2308-6203.2018.7(1).87-99.

Филенко А.С. Анализ видов агрессии в Интернете // Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации (Социальный инженер-2019): сб. мат-лов Всерос. конф. молодых исследователей с междунар. участием. (10–13 декабря 2019 г. Москва). М.: РГУ им. А.Н. Косыгина, 2019. С. 308–311.

Arango A., Pérez J., Poblete B. Hate speech detection is not as easy as you may think: A closer look at model validation // Proceedings of the 42nd International ACM SIGIR Conference on Research and Development in Information Retrieval. New York: ACM, 2019. P. 45–54, doi:10.1145/3331184.3331262.

Bhuic A.M., Faulkner N., Jakubowicz A., McGarty C. Online networks of racial hate: A systematic review of 10 years of research on cyber-racism // Computers in Human Behavior. 2018. Vol. 87. P. 75–86, doi: 10.1016/j.chb.2018.05.026.

Brettschneider C. Value democracy as the basis for viewpoint neutrality: A theory of free speech and its implications for the state speech and limited public forum doctrines // Northwestern University Law Review. 2013. Vol. 107. N 2. P. 603–646.

Cameron D. Feminism and linguistic theory. New York: St. Martin's Press.

Grigg D.W. Cyber-Aggression: Definition and Concept of Cyberbullying // Australian Journal of Guidance and Counselling. 2010. Vol. 20. N 2. P. 143–156, doi:10.1375/ajgc.20.2.143.

Kilvington D. The virtual stages of hate: Using Goffman's work to conceptualise the motivations for online hate // Media, Culture & Society. 2021. Vol. 43, N 2. P. 256–272, doi:10.1177/0163443720972318.

Lakoff G. Women, fire and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago: Chicago University Press, 1987.

Lipton J.D. Combating Cyber-Victimization // Berkeley Technology Law Journal. 2011. Vol. 26. N 2. P. 1107–1116, doi:10.15779/Z384702.

Parti K., Kiss T., Koplányi G. Architecture of aggression in cyberspace. Testing cyber aggression in young adults in Hungary // *International Journal of Cybersecurity Intelligence & Cybercrime*. 2018. Vol. 1. N 1. P. 56–68, doi:10.52306/01010618QOSG3191.

Smith P.K., Mahdavi J., Carvalho M., Fisher S., Russell S., Tippett N. Cyberbullying: Its nature and impact in secondary school pupils // *Journal of child psychology and psychiatry*. 2008. Vol. 49. N 4. P. 376–385, doi:10.1111/j.1469-7610.2007.01846.x.

Tontodimamma A., Nissi E., Sarra A., Fontanella L. Thirty years of research into hate speech: topics of interest and their evolution // *Scientometrics*. 2021. Vol. 126. P. 157–179, doi:10.1007/s11192-020-03737-6.

Ybarra M.L., Mitchell K.J. Youth engaging in online harassment: Associations with caregiver-child relationships, internet use, and personal characteristics // *Journal of Adolescence*. 2004. Vol. 27. N 3. P. 319–336, doi:10.1016/j.adolescence.2004.03.007.

Ybarra M.L., Mitchell K.J. Prevalence and Frequency of Internet Harassment Instigation: Implications for Adolescent Health // *Journal of Adolescent Health*. 2007. Vol. 41. N 2. P. 189–195, doi:10.1016/j.jadohealth.2007.03.005.

Сведения об авторах:

Каменева Вероника Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии Кемеровского государственного университета

Контактная информация

650000 г. Кемерово, ул. Красная, 6, Кемеровский государственный университет

ORCID 0000-0001-8146-9721

e-mail: Russia_science@mail.ru

Морозова Ирина Станиславовна – доктор психологических наук, профессор кафедры акмеологии и психологии развития Кемеровского государственного университета

Контактная информация

650000 г. Кемерово, ул. Красная, 6, Кемеровский государственный университет

ORCID 0000-0002-0862-7225

e-mail: ishmorozova@ya.ru

Рабкина Надежда Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры переводоведения и лингвистики Кемеровского государственного университета

Контактная информация

650000 г. Кемерово, ул. Красная, 6, Кемеровский государственный университет

ORCID 0000-0002-6623-6679

e-mail: nrabkina@mail.ru

Для цитирования:

Каменева В.А., Морозова И.С., Рабкина Н.В. Хейтинг как вид киберагрессии. Стереотипный образ хейтера в языковом сознании российских студентов // *Вопросы психолингвистики* № 2(52) 2022, С. 132–144, doi: 10.30982/2077-5911-2022-52-2-132-144

UDC 81'23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2022-52-2-132-144

Research article

HATING AS A FORM OF CYBER AGGRESSION. STEREOTYPE IMAGE OF HATER IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF RUSSIAN STUDENTS

Veronika A. Kameneva

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

Irina S. Morozova

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

Nadezhda V. Rabkina

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

Abstract

The paper features the phenomenon of hating as a type of aggression in cyber communication and the features that define it as a specific form of cyber aggression. The paper reviews the main domestic and foreign scientific publications on the issue of hating. The authors defined such understudied aspects of this phenomenon as racial hate and described the object of cyber aggression, haters' goals, hating triggers, etc. They also analyzed various interpretations of the concepts of hating and hater. The research objective was to correlate the content of the concept of hater and the stereotypical idea about it in the linguistic consciousness of Russian university students. The research was based on reactions obtained by a free associative experiment from 537 Russian students, who were asked to fill in an online questionnaire. The authors used the method of semantic analysis to divide the reactions into semantic groups and associative fields. The verbal reactions were also subjected to a semantic gestalt analysis. The study provided a model of the stereotypical image of a hater as seen by Russian students. The model takes into account the content, structure, and severity. The current image-stereotype of hater looks the following way: a hater is an insecure and envious person A, evil, bad, not very smart, and not quite psychologically healthy, who hates person B (as a rule, a public person) and envies them, wishes them evil, and sees them as an opponent, while expressing hatred and envy by means of Internet comments full of unreasonable hatred, envy, aggression, and negativity.

Keywords: cyber aggression, cyber communication, hating, modeling, associative experiment, linguistic consciousness, stereotype

© Kameneva V.A., Morozova I.S., Rabkina N.V., 2022

Bionotes:

Veronika A. Kameneva – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Romance and Germanic Philology, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

Contact information:

650000, Russia, Kemerovo, 6, Krasnaya st.

ORCID 0000-0001-8146-9721

e-mail: Russia_science@mail.ru

Irina S. Morozova, Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Head of the Department of Acmeology and Developmental Psychology, Director of the Institute of Education, Kemerovo State University

Contact information:

650000, Russia, Kemerovo, 6, Krasnaya st.

ORCID 0000-0002-0862-7225

e-mail: ishmorozova@ya.ru

Nadezhda V. Rabkina – Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Translation Studies and Linguistics, Kemerovo State University

Contact information:

650000, Russia, Kemerovo, 6, Krasnaya st.

ORCID 0000-0002-6623-6679

e-mail: nrabkina@mail.ru

For citation:

Kameneva V.A., Morozova I.S., Rabkina N.V. (2022). Hating as a form of cyber aggression. Stereotype image of hater in the linguistic consciousness of Russian students. *Journal of Psycholinguistics*. 2(52), P. 132–144. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2022-52-2-132-144 (in Russian)

УДК 81'23

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2022-52-2-145-149

Обзорная статья

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ ПОЛИГЛОТИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ПРАКТИКА»

Никуличева Дина Борисовна

Институт языкознания РАН, Москва, Россия

Круглый стол по проблемам исследования полиглотики состоялся 28 мая 2022 года в рамках XX Международного симпозиума по психолингвистике. Первоначально доклады, посвященные полиглотической проблематике, планировалось включить в состав более широкой секции, охватывающей проблемы би- и мультилингвизма. В рамках подобной секции изучение многоязычия должно было походить как рассмотрение контакта разных лингвокультур – когда в результате специфической этнолингвистической ситуации в языковом сознании индивида присутствуют либо два языка (билингвизм), либо несколько языков (мультилингвизм). Причем такое взаимодействие можно было бы рассматривать в двух направлениях – как в плане аккомодации лингвокультур (в том числе, в аспекте изучения множества языков и проблем перевода), так и в плане конфликтологии лингвокультур (в том числе, аксиологического противопоставления «своего» и «чужого», инокультурного, языкового сознания).

Однако достаточное число докладов, посвященных собственно полиглотической проблематике, а также специфика их психо- и лингводидактической направленности позволили сгруппировать эти доклады в тематический блок, представленный в рамках отдельного Круглого стола. Специфика полиглотики как одного из проявлений многоязычия состоит в том, что это мультилингвизм, сознательно приобретенный во взрослом возрасте. Этим определяется возможность изучения эффективных языковых и поведенческих стратегий полиглотов в достижении тех или иных языковых навыков для дальнейшего их применения в лингводидактической практике. Именно эта тематика и стала ключевой в обсуждении на прошедшем Круглом столе.

В рамках секции было заявлено 9 докладов. К онлайн конференции не смогли присоединиться В.Л. Бигулати и Ю.С. Дрик, но их презентации были озвучены другими участниками заседания. Всего в работе Круглого стола приняли участие 15 человек. Доклады делались без перерыва на обсуждение, зато после презентации докладов в формате Круглого стола состоялось часовое их обсуждение, и каждый из докладов вызвал вопросы слушателей и заинтересованные отклики.

Нынешний Круглый стол стал важной вехой, знаменующей динамику научных исследований феномена полиглотики в России. По сравнению с предыдущим Круглым столом на конференции «Жизнь языка» в РУДН в мае 2019 года, он отразил как рост числа участников – в том числе, молодых исследователей-магистрантов, работающих над ВКР в русле этой проблематики, – так и расширение круга обсуждаемых тем. Это проявилось и в плане привлечения к обсуждению самих полиглотов – Яна Алешкевич-Суслова и Алана Бигулова, (оба владеют более чем 20 языками), и в общенаучной проекции исследований полиглотики.

В плане обсуждения опыта полиглотов интерес вызвала предложенная *Яном Алешкевич-Суловым* экспериментально выведенная математическая модель экспоненты, связывающей количество изученных ранее языков со скоростью усвоения последующих языков. Ян Алешкевич, закончивший химфак МГУ и самостоятельно изучивший более 20 языков, ставит задачу разработки числовых параметров, позволяющих отслеживать эффективность продвижения в изучении языков. Время, затраченное полиглотом на определенный вид деятельности (чтение, аудирование, грамматика, повторение) при изучении того или иного языка – один из таких параметров. Материалом исследования послужили языки германской языковой группы (английский, немецкий, норвежский, датский, фарерский, исландский). На основании мониторинга времени своих занятий докладчик выдвинул гипотезу о том, что для современных германских языков адекватное владение двумя языками сокращает время для освоения следующего на три месяца, тремя – еще на 4 месяца и так далее [Алешкевич-Сулов 2022: 186–187].

Тема интенсивного изучения языков одной группы была продолжена полиглотом из Владикавказа *Аланом Бигуловым*, рассказавшим о своем эксперименте по гиперинтенсивному вхождению в разговорную практику на пяти романских языках. Проведенный им в январе 2022 г. эксперимент был призван доказать принципиальную возможность вхождения в разговорную практику одновременно на двух новых языках (в данном случае, португальском и каталанском) при одновременном прогрессе в трех других языках (испанский, французский, итальянский), находящихся на более высоком уровне. Демонстрируя аудиозаписи своего общения на разных этапах гиперинтерсива, докладчик продемонстрировал, что объединение нескольких языков из одной языковой группы в один 10-дневный гиперинтенсив (14 часов общения с новыми носителями языка в день) обладает эффектом синергии и не только не замедляет, но ускоряет прогресс во всех языках при условии структурированной организации общения на языковых Интернет-платформах. Докладчик остановился на необходимых составляющих организации коммуникативного процесса, способствующих интенсивному прогрессу в развитии речевого навыка, а также на способах преодоления интерференции [Бигулов 2022: 188–189].

Доклад *Д.Б. Никуличевой*, рассказавшей о собственном опыте вхождения в речевую практику после 10 дней изучения испанского языка с нуля с использованием платформы Baselang [Никуличева 2022: 195–196], презентация *В.Л. Бигулати* о возможностях, предоставляемых различными языковыми Интернет-платформами [Бигулати 2022: 187–188], а также презентация *Ю.С. Дрик*, где методика гиперинтенсива сравнивалась с традиционными методиками изучения языков [Дрик 2022: 192–193], были посвящены научной апробации методики полиглота Алана Бигулова. В качестве важнейших составляющих данной методики докладчиками были определены такие факторы, как:

- *занятие с большим количеством разных, (предпочтительно каждый раз новых) носителей данного языка;
- *использование языковых Интернет-платформ для подбора собеседников;
- *значительный объем ежедневного речевого общения (не менее 180 минут в день с не менее, чем 6-ю собеседниками);
- *направляющая роль ученика как организатора обсуждения;
- *постановка учеником конкретной языковой задачи для каждого занятия и для каждого дня гиперинтенсива;

•разыгрывание в ходе каждого занятия определенной лингво-коммуникативной ситуации с ее последующим лексическим и грамматическим повторением и закреплени- ем с новым собеседником;

•работа с ограниченной по выбранной тематике лексикой и фразеологией;

•использование чатов для уточнения написания возникающих в ходе общения лек- сем, фразеологизмов и грамматических структур;

•отсутствие на уроках дополнительных учебных материалов;

•важность скорейшего перехода на моноканальное общение с носителем изучаемо- го языка без обращения к помощи языка-посредника;

•коучинговая поддержка и сопровождение на протяжении всего гиперинтенсива.

В качестве возможного ограничения применения этой методики полиглота была отмечена принципиальная важность того, чтобы ученик был готов занять и удерживать лидирующую роль на занятии, управляя его ходом, что может вызывать затруднения у некоторых категорий учащихся.

В плане расширения общенаучной проблематики были представлены результаты коллективного исследования социальных аспектов самоидентификации полиглотов и образа полиглота в сознании студентов языкового вуза на материале социологическо- го анкетирования студентов университета МГИМО [Виролайнен, Коваленко, Комаров 2022: 191–192], роли концептуальных метафор при усвоении языков [Бринцина 2022: 189–190], а также проведено сопоставление принципов ввода языковой информации при обучении искусственного интеллекта и при изучении языков полиглотами [Каза- ков 2022: 194–195].

В докладе *Г.А. Казакова* был поставлен вопрос о сопоставлении полиглотии как вы- сокоэффективной формы овладения языком с обучением искусственного интеллекта. Была выдвинута идея о том, что общими принципами для овладения языком полигло- тами и для искусственного интеллекта и машинного перевода являются:

•фактор инпута (входного материала, подлежащего обработке);

•статистический механизм;

•принцип аналогизма-типологизма (распознавание явлений по аналогии и их груп- пировка в типовые модели).

Было подчеркнуто, что когда речь идет об эффективном изучении языков людьми, то помимо достаточного объема изучаемого речевого материала в виде устных и пись- менных текстов (например, для достижения порогового уровня в иностранном языке требуется инпут в объеме 1 миллиона словоупотреблений), также необходима высокая эмоциональная готовность к его восприятию, что демонстрируют полиглоты.

Особое место занял доклад *Т.А. Ивушкиной*, главного редактора обновленного лингвистического журнала МГИМО «*Linguistics and Polyglot Studies*», ставшего с 2021 года важной платформой для научных дискуссий в области полиглотии. МГИМО – самый мультикультурный и многоязычный российский университет. Здесь преподают более 50 иностранных языков, а потребность в знании множества иностранных язы- ков выпускниками здесь выше, чем где бы то ни было. Поэтому материалы в жур- нале публикуются на 10 языках. Обновленный журнал стал важной платформой для дискуссий исследователей-единомышленников по самым разным лингвистическим и междисциплинарным вопросам, в том числе, по вопросам исследования полиглотии [Ивушкина 2022: 193–194].

Круглый стол продемонстрировал широкие научные перспективы развития иссле- дований полиглотии в России.

Литература

Алешкевич-Суслов Я.В. Самонаблюдение полиглота с помощью электронных таблиц: фактор времени // Российская психоллингвистика: итоги и перспективы. Материалы XX Международного симпозиума по психоллингвистике и теории коммуникации, Москва, 27–28 мая 2022 г. М.: Изд-во РУДН, 2022. С. 186–187.

Бигулати В.Л. Роль методики гиперинтенсива в использовании языковых онлайн-платформ для развития разговорного навыка // Российская психоллингвистика: итоги и перспективы. Материалы XX Международного симпозиума по психоллингвистике и теории коммуникации, Москва, 27–28 мая 2022 г. М.: Изд-во РУДН, 2022. С. 187–188.

Бигулов А.К. Гиперинтерсив параллельного изучения пяти романских языков // Российская психоллингвистика: итоги и перспективы. Материалы XX Международного симпозиума по психоллингвистике и теории коммуникации, Москва, 27–28 мая 2022 г. М.: Изд-во РУДН, 2022. С. 188–189.

Бринцина Н.М. Феномен метафоризации в эпоху инклюзивности и разнообразия: вклад в полиглотические исследования // Российская психоллингвистика: итоги и перспективы. Материалы XX Международного симпозиума по психоллингвистике и теории коммуникации, Москва, 27–28 мая 2022 г. М.: Изд-во РУДН, 2022. С. 189–190.

Виролайнен А.В., Коваленко Н.С., Комаров Д.С. Образ полиглота глазами студентов МГИМО // Российская психоллингвистика: итоги и перспективы. Материалы XX Международного симпозиума по психоллингвистике и теории коммуникации, Москва, 27–28 мая 2022 г. М.: Изд-во РУДН, 2022. С. 191–192.

Дрик Ю.С. Сравнение традиционного подхода и методики гиперинтенсива в изучении иностранных языков // Российская психоллингвистика: итоги и перспективы. Материалы XX Международного симпозиума по психоллингвистике и теории коммуникации, Москва, 27–28 мая 2022 г. М.: Изд-во РУДН, 2022. С. 192–193.

Ивушкина Т.А. Журнал *Linguistics and Polyglot Studies* как новая платформа для научных дискуссий в области полиглотии // Российская психоллингвистика: итоги и перспективы. Материалы XX Международного симпозиума по психоллингвистике и теории коммуникации, Москва, 27–28 мая 2022 г. М.: Изд-во РУДН, 2022. С. 193–194.

Казаков Г.А. Полиглотия, машинный перевод и искусственный интеллект: общие принципы // Российская психоллингвистика: итоги и перспективы. Материалы XX Международного симпозиума по психоллингвистике и теории коммуникации, Москва, 27–28 мая 2022 г. М.: Изд-во РУДН, 2022. С. 194–195.

Никуличева Д.Б. Гиперинтенсивное вхождение в разговорную практику: опыт применения стратегии полиглота Алана Бигулова // Российская психоллингвистика: итоги и перспективы. Материалы XX Международного симпозиума по психоллингвистике и теории коммуникации, Москва, 27–28 мая 2022 г. М.: Изд-во РУДН, 2022. С. 195–196.

Сведения об авторе:

Никуличева Дина Борисовна – доктор филол. наук, г.н.с. Института языкознания РАН, профессор переводческого факультета МГЛУ

Контактная информация:

125009, Москва, Большой Кисловский пер, д.1, стр.1

119034, Москва, Остоженка, 38

ORCID: 0000-0002-9281-0726

e-mail: nikoulitcheva@yandex.ru

Для цитирования:

Никуличева Д.Б. Круглый стол «Исследование проблем полиглоттии: теоретический анализ и практика» // Вопросы психолингвистики №2(52) 2022, С. 145–149, doi: 10.30982/2077-5911-2022-52-2-145-149

UDC 81'23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2022-52-2-145-149

Survey article

**ROUND TABLE
«STUDY OF POLYGLOTTERY PROBLEMS:
THEORETICAL ANALYSIS AND PRACTICE»**

Dina B. Nikulicheva

Institute of linguistics, RAS,
Moscow, Russia

©Nikulicheva D.B., 2022

Bionotes:

Dina B. Nikulicheva – Doctor of Philology, chief researcher, Institute of linguistics, RAS, Professor of MSLU

Contact information:

125009, Moscow, Bolshoy Kislovsky 1, bld.1

119034, Moscow, Ostozhenka, 38

ORCID: 0000-0002-9281-0726

e-mail: nikoulitcheva@yandex.ru

For citation:

Nikulicheva D.B. (2022) Round table: Study of polyglottery problems: Theoretical analysis and practice. *Journal of Psycholinguistics*. 2(52), P. 145–149. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2022-52-2-145-149 (In Russian)

РЕЦЕНЗИИ

ФЕНОМЕН ЧТЕНИЯ ГЛАЗАМИ НЕЙРОБИОЛОГА:

Рецензия на книгу Вулф М. *Пруст и кальмар: нейробиология чтения*.

М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. 384 с.

Книга М. Вулф «Пруст и кальмар: нейробиология чтения» (Maryanne Wolf, *Proust and the Squid: The Story and Science of the Reading Brain*)¹ посвящена комплексному изучению чтения как нейрофизиологического, психолингвистического и культурного феномена. Название книги заключает в себе метафору двух аспектов этого явления: гуманитарного (восприятие письменных текстов как основы интеллектуального развития индивида и общества) и естественнонаучного (нейробиология данной способности и сопровождающих ее когнитивных процессов). Если традиционно феномен чтения рассматривался преимущественно с точки зрения истории письменности, методики младшего школьного обучения и дефектологии, то автор данной книги стремится дать целостный взгляд, соединяющий современные данные фундаментальных наук, историю интеллектуальной культуры и задачи интегративного образования.

Книга включает в себя три части по три главы в каждой и обширный (57 с.) раздел примечаний с библиографическими ссылками. Часть I «Как мозг научился читать» (главы 1, 2, 3) посвящена когнитивным и нейробиологическим коррелятам основных этапов становления систем письма в истории человечества. Часть II «Как мозг учится читать с течением времени» (главы 4, 5, 6) рассматривает процесс формирования способности к чтению в жизни ребенка. В части III «Когда мозг не в состоянии научиться читать» (главы 7, 8, 9) всесторонне обсуждается проблема дислексии, включая ее возможные причины, эффекты и способы терапии.

Глава 1 «Уроки чтения от Пруста и кальмара» представляет собой как бы резюме всей книги. Отмечается значение чтения как одновременно производной и стимула когнитивного развития человека и цивилизации. Автор подчеркивает, что способность к чтению не имеет под собой генетически заданной программы, но базируется на нескольких уровнях «скрытой активности» (когнитивном, нейробиологическом, нейронном, генетическом) и эволюционно более древней функции зрительного распознавания объектов. В свете этого, адаптация к грамотности происходит благодаря способностям мозга к установлению новых связей между существующими структурами, специализации и автоматизации тех или иных процессов. В обществе с письменной культурой каждый человек должен заново пройти путь подобной трансформации, что, с одной стороны, создает риск функциональных сбоев, а с другой – открывает неисчерпаемые возможности личностного развития и выхода за рамки биологической данности.

Глава 2 «Как мозг приспособился к чтению: первые системы письма» излагает историю письменности в виде трех интеллектуальных прорывов: зарождения символической репрезентации (абстрактных знаков), создания собственно языкового письма – клинописи и иероглифики (предположительно, для целей хозяйственного счета) и появления алфавита как системы звуко-символьных соответствий. На нейрофизио-

---

¹ Вулф М. Пруст и кальмар: нейробиология чтения / пер. с англ. Е. Мягковой. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. 384 с.

логическом уровне исследования показывают, что восприятие символа как имеющего значение (т.е. слова) существенно увеличивает активность мозга, а чтение логографических знаков (например, в китайском) сопровождается активацией областей моторной памяти, т.к. данные знаки усваиваются посредством многократной письменной практики.

В главе 3 «Рождение алфавита и протесты Сократа» подробнее рассматриваются создание греческого алфавита и те когнитивные изменения, которые оно повлекло. Автор вводит принципиальный тезис о том, что эффективность работы мозга зависит от «способности его специализированных областей развивать быстроедействие, которое становится практически автоматическим» (с. 83), что позволяет сэкономить время для более глубокой обработки информации и, в случае фонографических систем письма, ускоряет процесс овладения грамотностью. Когнитивное значение перехода от устной к письменной культуре анализируется на примере возражений Сократа против письма: фиксированности написанного слова, деградации памяти и утраты контроля над знаниями (диалог Платона «Федр»). Отмечается, что появление алфавита демократизировало доступ к информации, что можно сравнить с вызовами современных электронных средств коммуникации.

В главе 4 «С чего начинается (или не начинается) развитие способности чтения» автор обращает внимание на то, что основной предпосылкой формирования навыков чтения у ребенка является количество времени, в течение которого взрослые читают ему вслух и разговаривают с ним (тезис, который неоднократно повторяется в книге), при этом на ранних этапах тематика текстов не имеет большого значения. Ключевыми факторами в этом процессе выступают осознание фонем и словарный запас. Само же чтение становится необходимым инструментом дальнейшего когнитивного развития ребенка, т.к. позволяет ему приобретать фоновые знания (через овладение стоящими за новыми словами понятиями), осваивать навыки аналогии (через понимание образного языка) и моделировать опыт персонажей, примеряя на себя и предугадывая вероятные сценарии продолжения истории. В то же время, попытки форсировать обучение чтению детей в возрасте до пяти лет биологически не оправданы: «чтение к каждому приходит в свое время» (с. 141).

Глава 5 ««Естественная история» развития способности чтения: объединяем части мозга, начинающего читать» содержит описание первых этапов становления навыков чтения у ребенка (начинающий до-читатель, читатель-новичок, декодирующий читатель) и соответствующих им когнитивных трансформаций. Автор подчеркивает, что способность декодировать слово не равнозначна умению читать, поскольку подлинное чтение предполагает беглость узнавания слова (на основе накопленного лексического запаса), оставляющую время для осмысления. К сожалению, в реальности существует большой разрыв в готовности к чтению между детьми из семей разного социально-экономического уровня (в силу времени, проводимого родителями в общении с ребенком, и доступности книг в доме). Так, к началу школы дети из более обеспеченных семей имеют словарный запас в 2–4 раза больше, чем дети из семей с меньшим достатком. Здесь действует т.н. «эффект Матфея»: богатые становятся богаче, а бедные – беднее (аллюзия на евангельскую притчу о талантах, ср. Мф 25:29). Детям с бедным запасом слов все труднее понимать тексты для усвоения новой лексики и развития устной речи, тогда как дети с богатым словарным запасом узнают новые слова автоматически через контекст и за счет этого могут читать все больше.

Глава 6 «Бесконечная история развития чтения» посвящена обсуждению следующих стадий формирования читательских навыков (бегло читающий, понимающий, умелый читатель) в соотношении с временной шкалой обработки мозгом письменного языка. На данных этапах наилучшие результаты достигаются благодаря целенаправленному обучению основным образовательным предметам и внутренней мотивации ребенка к чтению, а оптимальным материалом представляется литература в жанре фантастики. В дальнейшем характер понимания текста будет зависеть от степени внимания и личного опыта, привносимого в чтение. В нейробиологическом плане развитие беглого чтения в нормальном случае идет по пути замещения «биполушарной активации мозга более эффективной системой в левом полушарии» (с. 202).

В главе 7 «Загадка дислексии и устройство мозга» предпринимается анализ понятия дислексии и различных гипотез ее происхождения (сбой в зрительной системе, недостаточно быстрая обработка письменного языка, нарушения в соединениях между зрительными, слуховыми и вербальными нейронными структурами, иная организация нейронной сети чтения). Отмечается, что наиболее проработанной является теория, связывающая трудности чтения с дефицитом фонологического различения звуков и букв. Предвестником такого рода проблем может служить низкая скорость именованья букв, чисел или цветов (тест на интеграцию визуальных и языковых процессов). Кроме того, читатели с дислексией демонстрируют большую активацию правого полушария мозга по сравнению с левым. При этом открытым остается вопрос о том, является ли правополушарность причиной или следствием проблем с чтением. В этом отношении автор высказывает предположение, что дислексия может быть проявлением самореорганизации мозга для компенсации затрудненной функции.

Глава 8 «Гены, одаренность и дислексия» рассматривает проблему дислексии в связи с сопровождающими ее в ряде случаев выдающимися талантами в других областях и ставит вопрос о возможной генетической природе этих явлений. Приводятся примеры известных личностей (Леонардо да Винчи, Томас Эдисон, Альберт Эйнштейн и др.), трудности чтения у которых соединялись с пространственными и творческими способностями. Таким образом, аномалии мозга, ведущие к дислексии, могут быть источником преимуществ в других востребованных видах деятельности. Кроме того, необходимо признать существование нескольких типов и непосредственных причин дислексии, а также различие ее нейрофизиологической основы у носителей разных языков. В этой связи поднимается проблема поиска индивидуализированных подходов к обучению детей с подобными особенностями на основе фундаментальных нейробиологических принципов.

Глава 9 «Выводы: от читающего мозга к тому, что “придет вслед за ним”» представляет собой заключение исследования. Автор с новой силой повторяет основные тезисы книги:

1. Мозг эволюционно не предназначался для чтения, и формирование этого навыка демонстрирует безграничные способности мозга к адаптации.
2. Возникновение письма создало предпосылки для развития интеллектуальных навыков (систематической работы с информацией) и самосознания личности.
3. Качество овладения чтением находится в прямой зависимости от того, сколько времени взрослые читали ребенку вслух и разговаривали с ним.
4. Само чтение состоит в отношениях «динамической взаимосвязи» с когнитивными способностями мозга: фонологические и лексические знания на базе уст-

ного языка помогают начать читать, а практика уверенного чтения позволяет дальше расширять запас слов и понятий.

5. Дислексия может рассматриваться как пример нестандартной организации мозга, проистекающей из генетического разнообразия общества как адаптационного ресурса.

6. Необходимо мотивировать детей с дислексией к осознанию ценности и использованию их типа интеллекта, что может послужить новым прорывам в науке, технике и творчестве.

В заключение автор отмечает, что в образовательной практике следует не противопоставлять, а совмещать книжную и визуально-цифровую культуру, а также ставит вопрос: не станет ли уникальная организация мозга, проявляющаяся в дислексии, преимуществом в эпоху новых технологий коммуникации.

Книга являет собой опыт изложения сложной научной проблематики в доступной форме и будет интересна как специалистам, так и широкой аудитории, хотя представляется, что ее чтение будет наиболее продуктивно в случае предварительного знакомства с основными понятиями языкознания и физиологии высшей нервной деятельности. Издание снабжено иллюстрациями (преимущественно изображениями головного мозга), облегчающими восприятие информации. Перевод данного исследования с английского языка на русский, должно быть, стал трудной задачей в силу сочетания в нем гуманитарной и биологической тематики и терминологии. Несмотря на такую сложность материала, перевод вполне позволяет следить за мыслью автора, хотя иногда встречаются некоторые несоответствия (например, *король Ассирии* вместо принятого *царь* на с. 65, *Ю.В. Кноросов* вместо *Кнорозов* на с. 74).

Представляется, что идеи книги имеют большой потенциал развития в дальнейших исследованиях, связанных с сопоставлением особенностей уникального и нормотипичного мозга, выявлением и моделированием принципов нейроэффективности, а также установлением измеряемых параметров языковых процессов. Например, исследовательского внимания заслуживает возможная взаимосвязь между языковыми способностями, чувством пространственной ориентации и амбидекстрией у некоторых полиглотов. В свете этого, книга М. Вулф может рассматриваться как новый вклад в традицию междисциплинарного изучения феноменов человеческой речи, ранее представленную в таких работах, как «Чет и нечет» Вяч. Вс. Иванова, «Язык как инстинкт» С. Пинкера, «Происхождение языка» С.А. Бурлак, «Феномен полиглотов» М. Эрарда. Хочется надеяться, что продолжение этой перспективной линии исследований послужит интеграции гуманитарных и естественнонаучных знаний в психолингвистике и развитию человекоориентированных подходов в науке и образовании XXI в.

Казakov Григорий Александрович

кандидат филологических наук, PhD

доцент кафедры английского языка №3 МГИМО МИД России

**ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
Воронежская психолингвистическая ассоциация
Центр коммуникативных исследований
Филологический факультет
Кафедра общего языкознания и стилистики**

Уважаемые коллеги!

Приглашаем вас принять участие в VIII Всероссийской научной конференции

**«Значение как феномен
актуального языкового сознания носителя языка»**

28-29 октября 2022 года

г. Воронеж, пл. Ленина, 10, гуманитарный корпус ВГУ №2

Цель: разработка подходов и методик описания семантики слова как феномена языкового сознания

Задачи:

- Разработка концепции значения слова как феномена актуального языкового сознания
- Разработка методик описания значения как феномена языкового сознания
- Подготовка словарей языкового сознания

Предполагаемые секции:

- Языковое сознание носителя языка
- Проблемы описания семантики слова
- Лексикографические проблемы описания лексических единиц
- Экспериментальные методы в исследовании семантики слова
- Психолингвистическая лексикография
- Психолингвистические проблемы дискурса и др.

Условия участия

До **10 октября 2022 г.** в оргкомитет необходимо прислать заявку на участие в работе конференции и статью (материалы доклада) для публикации в одноименном сборнике по электронной почте по адресу: a-rudakova@list.ru Рудаковой Александре Владимировне. После 10 октября 2022 г. материалы не принимаются.

Участие в работе конференции и публикация материалов для авторов **бесплатна** – за счет средств гранта РФФИ.

Все расходы за проезд и проживание – за счет направляющей организации.

Убедительная просьба посылать заявку и тезисы ДВУМЯ отдельными файлами в ОДНОМ письме (Иванов_заявка, Иванов_тезисы) на электронный адрес, указав в теме сообщения «Конференция Значение как феномен...».

ВНИМАНИЕ: оргкомитет оставляет за собой право отбора присланных материалов.

Сборник будет выпущен к началу работы конференции. Информация о сборнике будет размещена в РИНЦ, сборнику присвоен ISBN.

При необходимости пересылка сборника материалов осуществляется за счет авторов (стоимость 100 рублей – указать в заявке).

Требования к оформлению материалов

- объем — 5-10 стр., шрифт Times New Roman, кегль — 14, абзац — 1 см, межстрочный интервал — 1; в таблицах – 12-14 кегль;
- поля – все по 2,5 см;
- без нумерации страниц;
- на первой строке — инициалы и фамилия автора, в скобках город (начертание — полужирный курсив, выравнивание по правому краю);
- отступ — одна строка;
- на третьей строке — название статьи (начертание полужирное, прописными буквами, выравнивание по центру);
- отступ — одна строка;
- аннотация на русском и английском языках – 200-500 знаков;
- ключевые слова на русском и английском языках – 3-5 слов;
- текст статьи;
- иллюстративный материал выделяется *курсивом* без кавычек, анализируемые единицы в тексте — **полужирным** шрифтом;
- ссылки на литературу оформляются согласно ГОСТу 7.0.5–2008: [Иванов 1989], [Иванов 1989, с. 215; Петров 2009, с. 105];
- после текста статьи – список использованной литературы «Литература», включающий не более 10 источников; оформление согласно ГОСТУ 7.0.5–2008.

Образец

А.В. Рудакова (Воронеж)

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ СЕМАНТИКИ СЛОВА

Аннотация: ... 200-500 знаков

Ключевые слова: 3-5 слов

Abstract: ...

Key words: ...

Заявка на публикацию статьи

№	Сведения об авторе	
1.	Фамилия, имя, отчество	
2.	Название статьи	

3.	Исследование выполнено в рамках гранта (номер, название гранта)	
4.	Ученое звание	
5.	Ученая степень	
6.	Место работы	
7.	Должность	
8.	Телефон (с кодом города или мобильный)	
9.	E-mail	
10.	Почтовый адрес	
11.	Необходимость пересылки сборника статей	

Контакты ответственного редактора сборника:

Адрес: г. Воронеж, площадь Ленина, д. 10, ауд. 32а (кафедра общего языкознания и стилистики), ауд. 12а (Центр коммуникативных исследований).

Рудакова Александра Владимировна – к.ф.н., доцент кафедры общего языкознания и стилистики, директор Центра коммуникативных исследований

Телефон: +7(905)0515198, e-mail: a-rudakova@list.ru

**ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
Воронежская психолингвистическая ассоциация
Центр коммуникативных исследований
Филологический факультет
Кафедра общего языкознания и стилистики**

Уважаемые коллеги!

Предлагаем вам принять участие в межвузовском научном сборнике

«Психолингвистика и лексикография» (выпуск 9)

Предполагаемые разделы сборника:

- Теоретические проблемы психолингвистики
- Прикладные вопросы психолингвистических исследований
- Семантические исследования
- Теоретические проблемы современной лексикографии
- Психолингвистическая лексикография
- Прикладные вопросы семантических и лексикографических исследований
- Хроника. Рецензии

Условия публикации

Публикация материалов – бесплатная.

До **10 июля 2022 г.** в оргкомитет необходимо предоставить заявку на публикацию статьи и материалы для публикации по адресу: a-rudakova@list.ru Рудаковой Александре Владимировне. После 10 июля 2022 г. материалы не принимаются.

Убедительная просьба посылать заявку и статью ДВУМЯ отдельными файлами в ОДНОМ письме (Иванов_заявка, Иванов_статья) на электронный адрес, указав в теме сообщения «Сборник Психолингвистика и лексикография».

ВНИМАНИЕ: оргкомитет оставляет за собой право отбора присланных материалов. Представляемые статьи должны **обязательно иметь психолингвистический, семантический и /или лексикографический аспект.**

Статьи студентов, магистрантов, аспирантов принимаются только с рецензией научного руководителя (скан-копия).

Сборник будет выпущен не позднее 1 сентября 2022 года.

Информация о сборнике будет размещена в РИНЦ, сборнику присвоен ISBN.

Пересылка сборника – наложенным платежом за счет авторов (при необходимости указать в заявке, стоимость 100 р.).

Контакты ответственного редактора сборника:

Адрес: г. Воронеж, площадь Ленина, д. 10, ауд. 32а (кафедра общего языкознания и стилистики), ауд. 12а (Центр коммуникативных исследований).

Рудакова Александра Владимировна – к.ф.н., доцент кафедры общего языкознания и стилистики, директор Центра коммуникативных исследований

Телефон: +7(905)0515198, e-mail: a-rudakova@list.ru

25 июня на базе Института языкознания им. А. Байтурсынова прошло мероприятие, приуроченное к открытию Секции психолингвистики.

Секция психолингвистики при Институте языкознания
им. А. Байтурсынова КН МОН РК

Руководитель секции:

Абаева Мадина Кабуловна – кандидат филологических наук

Консультанты:

Манкеева Жамал Айткаликызы – д.ф.н., профессор
Аяпова Танат Танирбердикызы – д.ф.н., профессор
Мусатаева Манат Шаяхметовна – д.ф.н., профессор
Сембаева Айгүл Ғаликызы – к.ф.н., и.о. профессора
Черниговская Т.В. – д.ф.н., профессор
Уфимцева Н.В. – д.ф.н., профессор
Цейтлин С.Н. – д.ф.н., профессор
Круглякова Т.А. – к.ф.н., доцент

Состав:

Уали Нургелди Макажанулы – д.ф.н., профессор
Момынова Багдан Катайкызы – д.ф.н., профессор
Дмитрюк Наталья Васильевна – д.ф.н., профессор
Ибраева Жанар Кулматкызы – д.ф.н.
Аитова Нурлыхан Нуруллакызы – к.ф.н.
Фазылжан Анар Мураткызы – к.ф.н.
Шаяхмет Асель Кинаяткызы – к.ф.н., доцент
Амирбекова Айгуль Байдебековна – к.ф.н.
Хабиева Алмагуль Алтаевна – к.ф.н.
Букабаева Бакытгуль Ердесбаевна – к.ф.н.
Сәрекенова К. – к.ф.н.
Адаева Ермек Сабырбайкызы – к.ф.н.
Кожаметова Актоты Кожаметкызы – Phd докторант

Институтом языкознания была организована Научно-образовательная площадка Секции психолингвистики «Язык и сознание», на которой прошло первое заседание. Спикерами данного мероприятия были ведущие психолингвисты и когнитологи из Москвы и Санкт-Петербурга:

Татьяна Владимировна Черниговская – член-корреспондент РАО, заслуженный деятель Высшего образования и Заслуженный деятель науки РФ, профессор СПбГУ, Директор Института когнитивных исследований СПбГУ, заведующая кафедрой

проблем конвергенции естественных и гуманитарных наук СПбГУ. Сферы научных интересов: когнитивная наука, психо- и нейролингвистика, психология, нейронауки, происхождение языка, теория эволюции, искусственный интеллект, аналитическая философия. Более 360 научных трудов. Популяризатор науки в печатных и электронных СМИ (почётный дипломом Президиума РАН, Золотая медаль РАН за популяризацию науки).

Наталья Владимировна Уфимцева – доктор филологических наук, профессор, ведущий российский специалист в области психолингвистики, один из основателей Московской психолингвистической школы, лауреат Премии Президента РФ в области образования, почетный профессор Харбинского педагогического университета (Китай). С 2016 г. возглавляет Научно-образовательный Центр межкультурных исследований имени А.А. Леонтьева.

Стелла Наумовна Цейтлин – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела теории грамматики Института лингвистических исследований РАН, профессор кафедры языкового и литературного образования ребенка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, основатель и руководитель Санкт-Петербургской онтолингвистической школы.

Татьяна Александровна Круглякова – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания СПбГУ. Сфера научных интересов: онтолингвистика, освоение русского языка как первого и как второго, лингвистика ошибок, психолингвистика (восприятие речи), словесное творчество ребенка.

Выдающийся ученый и популяризатор науки Татьяна Владимировна Черниговская прочитала доклад «Мозг и язык», в котором увлекательно и доступно изложила сложнейшие проблемы современной нейролингвистики.

Ведущий специалист в области психолингвистики, представитель московской школы Наталья Владимировна Уфимцева в своем докладе сделала обзор достижений этой науки и остановилась на ее вкладе в межкультурные исследования.

Основатель и руководитель Санкт-Петербургской онтолингвистической школы Стелла Наумовна Цейтлин заинтересовала слушателей темой «Освоение ребенком родного языка как «обыкновенное чудо».

Для лингвистов полиязычного Казахстана не менее актуальной темой стал доклад доцента СПбГУ Татьяны Александровны Кругляковой «Речевые ошибки детей и иностранцев как объект психолингвистического наблюдения».

Заседание прошло на высоком научно-методическом уровне. Активное участие приняли в работе ведущие ученые в области казахского языкознания и казахстанской русистики. Около 200 участников мероприятия проявили неподдельный интерес.

Выступления выдающихся ученых аккумулировало новые идеи и совместные проекты.

Редколлегия журнала «Вопросы психолингвистики» поздравляет наших казахстанских коллег с этим замечательным событием!

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ

Рукопись, набранная в формате Word, должна быть отправлена по электронной почте на адрес редколлегии журнала: editorial-vpl@yandex.ru. Название файла должно выглядеть следующим образом: Фамилия И.О._Статья. Текст должен быть хорошо вычитан. Рукописи, содержащие ошибки и опечатки, к рецензированию и публикации не принимаются.

К рукописи, направляемой в редакцию, необходимо приложить сведения об авторах: ученая степень, ученое звание, должность и место работы, а также контактный телефон, электронный и почтовый адреса автора (авторов), код ORCID (авторам, у которых пока такого кода нет, рекомендуется его получить, зарегистрировавшись в ORCID: <http://orcid.org/>). Для статей, написанных в соавторстве, необходимо указать автора, с которым будет вестись переписка при рассмотрении рукописи редакцией. Название файла должно выглядеть следующим образом: Фамилия И.О._Сведения об авторе.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в ходе редакторской правки, должны решаться автором (авторами) в строго определенные редколлегией сроки, диктуемые планом издательства. Нарушение сроков ведет к отказу редакции допускать рукопись к опубликованию. Рабочие контакты с авторами осуществляются преимущественно посредством электронной почты, поскольку в редакции нет постоянного дежурства для приема телефонных звонков.

Авторы, предоставляющие рукописи в редакцию журнала «Вопросы психолингвистики», должны следовать Публикационной этике журнала (см. раздел Ответственность авторов). Рукописи, направленные в наш журнал для публикации, проходят обязательную проверку на плагиат текста через систему «Антиплагиат. Эксперт». При выявлении неправомерных заимствований, а также при низком коэффициенте оригинальности текста (<85%) рукопись отклоняется от публикации.

Обзоры и другие статьи, по объективным причинам требующие наличия большего количества цитирований, рассматриваются редакцией в индивидуальном порядке. Приветствуется самостоятельная проверка оригинальности текста в системе «Антиплагиат. Эксперт» с предоставлением справки (в электронном формате) о результатах проверки текстового документа на наличие заимствований.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

Все рукописи, поступающие в журнал, в обязательном порядке проходят процесс рецензирования.

Рукопись может быть отклонена редактором на этапе, предшествующем рецензированию, если для этого имеется веская причина (тематика статьи не соответствует тематике журнала; рассматриваемая статья очевидно низкого научного качества или содержит большое количество ошибок и опечаток; в представленных материалах выявлено принципиальное противоречие этическим принципам, которых должны придерживаться авторы (см. Публикационная этика журнала, раздел Ответственность авторов).

Все поступающие рукописи, не отклоненные по вышеизложенным причинам на первом этапе рассмотрения, направляются по профилю научного исследования на рецензию одному из членов Редакционного совета или независимому эксперту по рекомендации члена Редакционной коллегии. К рецензированию не привлекаются специалисты, работающие в том же научно-исследовательском учреждении или высшем учебном заведении, где выполнена работа. В редакции принято одностороннее «слепое» рецензирование – редакторы не раскрывают авторам фамилии рецензентов. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

Средний срок рецензирования составляет 2 месяца, в зависимости от загруженности экспертов. По итогам рассмотрения рукописи рецензент даёт обоснованные рекомендации о возможности публикации статьи:

1 - Принять без изменений.

2 - Принять после внесения незначительных изменений в соответствии с комментариями рецензента (повторная рецензия не требуется).

3 - Принять после внесения существенных изменений в соответствии с комментариями рецензента (требуется повторная рецензия).

4 - Отклонить. Комментарии, содержащиеся в рецензии, свидетельствуют о низком уровне статьи и невозможности ее доработки до приемлемого уровня.

5 - Отклонить. Статья не соответствует профилю журнала. Может быть рекомендована для публикации в научном издании другого профиля/другой тематики.

Результаты рецензирования направляются автору по электронной почте по адресу, указанному в статье, если иной не оговорен самим автором.

Если в рецензии на статью имеется указание на необходимость ее исправления, то статью направляют автору на доработку. В этом случае датой поступления в редакцию считается дата возвращения доработанной статьи. Доработка статьи не должна занимать более 2 месяцев с момента отправки электронного сообщения авторам о необходимости внесения изменений.

В случае несогласия с выводами рецензента автор статьи имеет право предоставить аргументированный ответ в редакцию журнала. Статья может быть направлена на повторное рецензирование либо на согласование в редакционную коллегию. В случае отказа авторов от доработки материалов им следует в письменной или устной форме уведомить редакцию об отзыве статьи с рассмотрения.

Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается главным редактором, а при необходимости – редколлекцией в целом.

В случае положительного заключения главный редактор журнала определяет очередность публикаций в зависимости от тематики номеров журнала. После принятия редколлекцией журнала решения о допуске статьи к публикации редакция информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).
Индексируется в КиберЛенинка, Google Scholar, ERIH PLUS.

Издается с 2003 года. Журнал выходит 4 раза в год.

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

Регистрационный ПИ № ФС 77-38423

ISSN 2077-5911 (print), ISSN 2658-6908 (online)

DOI: 10.30982/2077-5911

Подписной индекс 37152 «Объединенный каталог. Пресса России. Газеты и журналы»; www.pressa-rf.ru, www.akc.ru

© Московский государственный университет, 2022

© ОЧУ ВО «Московская международная академия», 2022

© Авторы, 2022

The journal is included with the peer-reviewed scientific publications. It is approved for publication of the research results of doctoral and habilitation theses by the Higher Attestation Committee (VAK).

The journal is indexed in the Russian Science Citation Index (RSCI), E-library, CyberLeninka, Google Scholar, ERIH PLUS.

4 issues per year.

The journal has been published since 2003.

All rights reserved.

The materials of the journal may not be translated or copied in whole or in part without the written permission of the publisher, except for brief excerpts in connection with reviews or scholarly analysis.

Registration number № ФС 77-38423

ISSN 2077-5911 (print), 2658-6908 (online)

DOI: 10.30982/2077-5911

Moscow, 2022

© Lomonosov State University, 2022

© Moscow International Academy, 2022

© Authors, 2022

Подписано в печать 27.06.2022. Формат 70x100/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л.12,5 Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер», г. Ярославль, e-mail: kancler2007@yandex.ru